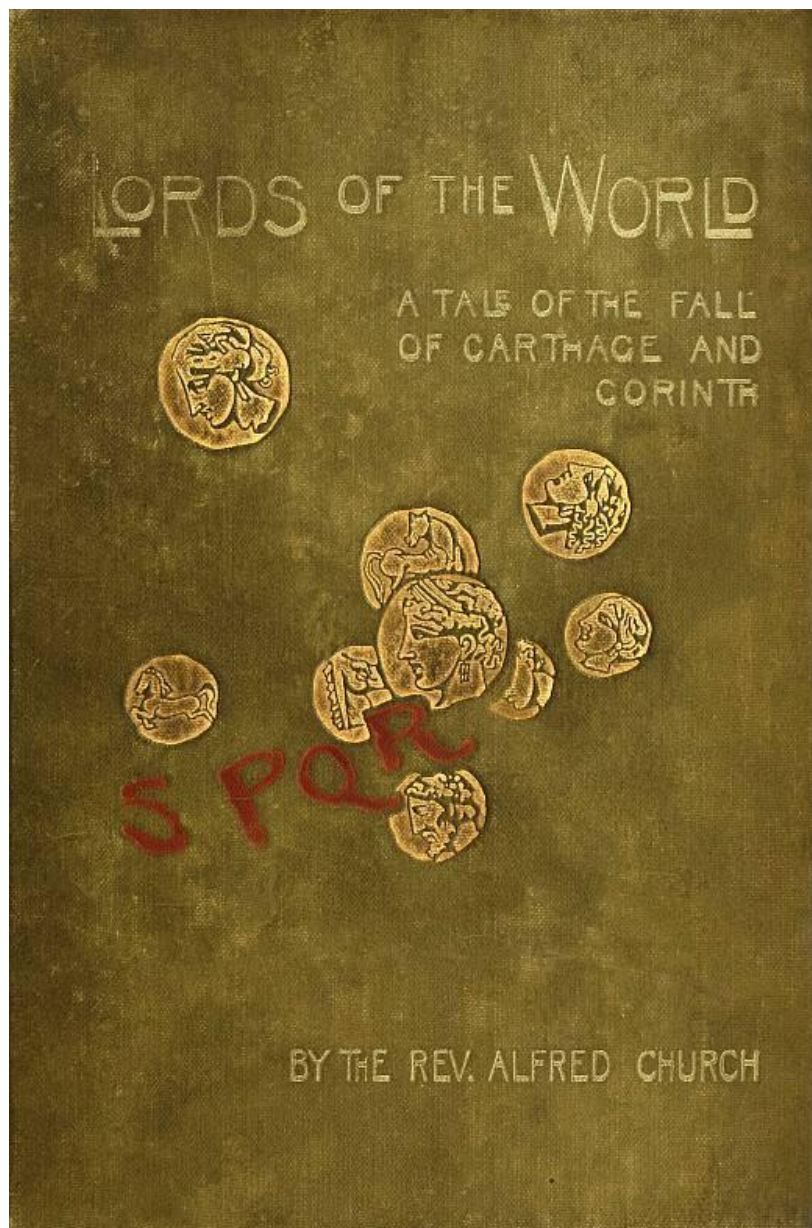

Властелины мира. История падения Карфагена и Коринфа

Альфред Джон Черч

The Project Gutenberg eBook of Lords of the World: История падения Карфагена и Коринфа

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Властелины мира: История падения Карфагена и Коринфа

Автор: Альфред Джон Черч

Иллюстратор: Ральф Пикок

Дата выхода: 23 ноября 2012 [eBook #41464]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено sp1nd, Чарли Ховардом и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ВЛАСТЕЛИНЫ МИРА: ИСТОРИЯ ПАДЕНИЯ
КАРФАГЕНА И КОРИНФА ***

ВЛАСТЕЛИНЫ МИРА

A. J. CHURCH.

In crown 8vo. Элегантный переплет. С иллюстрациями. 6s.

Two Thousand Years Ago

Или, Приключения римского мальчика.

"Приключения, о которых стоит рассказать. Книга чрезвычайно занимательна и полезна, а римские сцены и персонажи отличаются удивительной свежестью" - "Таймс".

"Занимательная в высшей степени, от начала до конца, и полная приключений" -Spectator.

"Мы не знаем ни одной книги, которая сделала бы больше, чтобы заставить римлян того времени снова жить для английского читателя" -Guardian.

Лондон: BLACKIE & SON, Limited, 50 Old Bailey, E.C.

ВЛАСТЕЛИНЫ МИРА

ИСТОРИЯ О

ПАДЕНИИ КАРФАГЕНА И КОРИНФА

ПО

преподобного АЛЬФРЕДА ДЖ. ЧЕРЧА

Автор книги "Две тысячи лет назад", "Истории из Гомера" и др.

С ДВЕНАДЦАТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ РАЛЬФА ПАВЛИНЫ

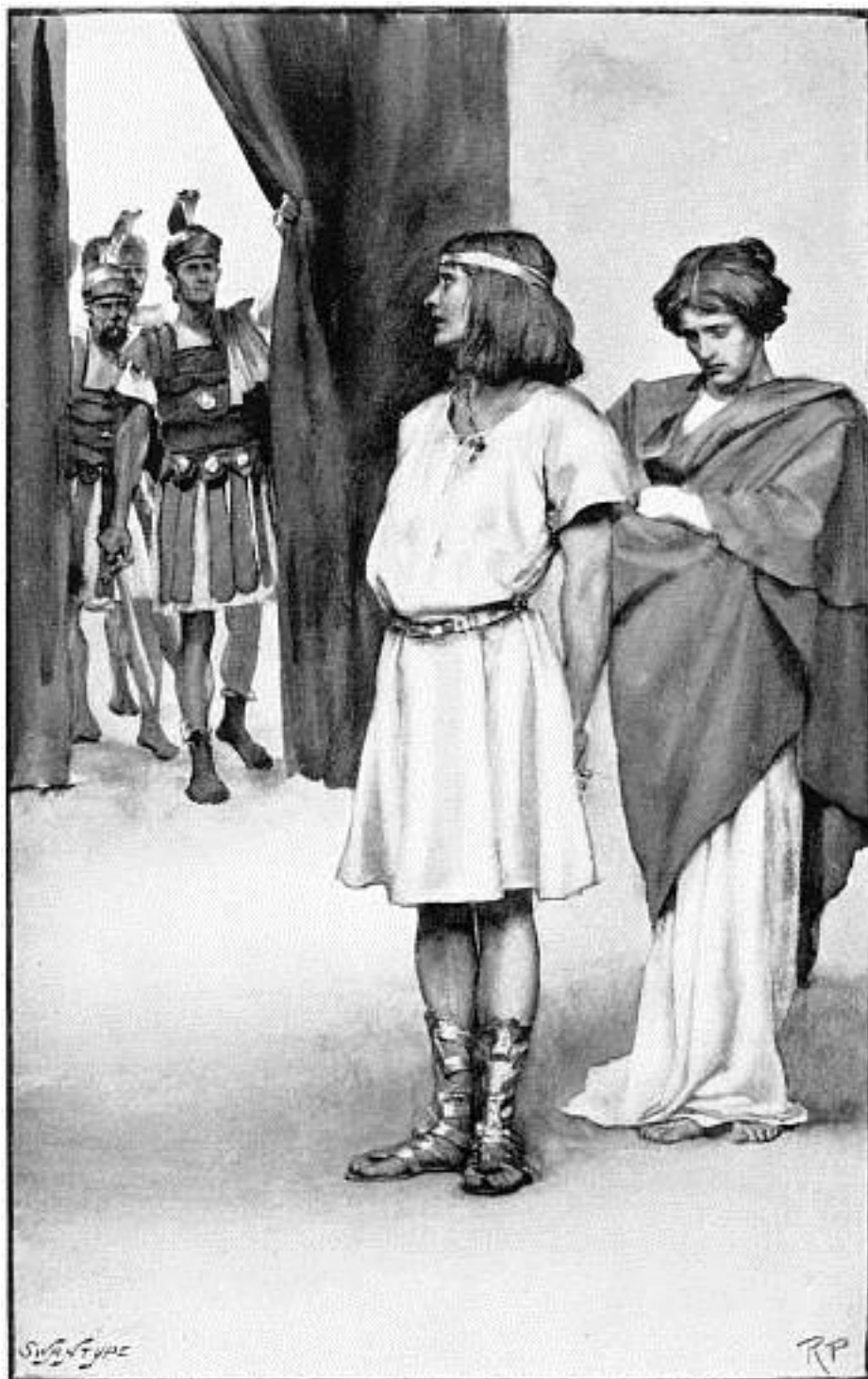

ЛОНДОН

BLACKIE & SON, Limited, 50 OLD BAILEY, E.C.

ГЛАЗГО И ДУБЛИН

1898

"ПРИСТЕГНИТЕ ЕМУ РУКИ, И КРЕПКО, ЧТОБЫ МОЛОДОСТЬ НЕ ДОСТАВИЛА НАМ ХЛОПОТ".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

146 год до н. э. стал *annus mirabilis* в развитии римского владычества. Конечно, давно было предreshено, что Карфаген и Коринф падут раньше, но фактическое время их свержения было тем более поразительным, что оба города погибли в один и тот же год и их постигла одна и та же участь. В этом рассказе я попытался сгруппировать несколько живописных происшествий вокруг личности молодого грека, который тщетно пытается противостоять судьбе завоевательной расы. Читатель также найдет в ней некоторый намек на мысль, которую держал в уме римский историк, когда писал: "Карфаген, соперник Римской

империи, погиб с корнем и ветвями, море и земля повсюду лежали перед нами, когда, наконец, Фортуна начала бушевать против нас и повергла все в смятение". День, когда Рим избавился от своих соперников, показался некоторым из его более вдумчивых сыновей первым днем его разложения и упадка.

А. ДЖ.

Эшли

22 апреля 1897 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

Гл.	Страница
I. Судьба Мелькарта,	11
II. Клинор, сын Лизиса,	20
III. Последний из ветеранов,	26
IV. Сципион,	41
V. Великая схема,	48
VI. Миссия,	61
VII. Последний из греков,	70
VIII. Коринфское собрание,	82
IX. В Фермопилах,	93
X. Пинчбек Александр,	109
XI. Два Гасдрубала,	125
XII. Сципион приступает к работе,	138
XIII. В римском лагере,	149
XIV. Мегара,	155
XV. Пленники,	165
XVI. Баал Хаммон,	179
XVII. Ход и контрход,	198
XVIII. Помощь с холмов,	206
XIX. Битва на перешейке,	213
XX. Предательство,	222
XXI. Полибий,	230
XXII. Поездка за удовольствиями,	241
XXIII. Дипломатия,	253
XXIV. В крайней нужде,	266
XXV. Прибежище в бурю,	276
XXVI. Штурм Верхнего города,	284
XXVII. Драгоценная книга,	297
XXVIII. Конец Карфагена,	309

XXIX.	На Делосе,	317
XXX.	Коринф,	326
XXXI.	Муммий,	336
XXXII.	Работорговец,	342
XXXIII.	В Италию,	351
XXXIV.	В Мизенуме,	355
XXXV.	Потерянный мир,	369
XXXVI.	За закатом,	378

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

	Страница
"Закрепите его руки, и крепко, чтобы юность могла доставить нам неприятности".	26
"Старый король, хотя глаза его были открыты, казалось, не видел Чистора".	39
Римские посланники в Коринфе вынуждены покинуть амфитеатр,	92
Македонский претендент исполняет танец Пирра,	119
"Сдаешься ли ты?" - сказал Клинор, когда римлянин достиг берега,	164
"Верховный жрец положил жертву на вытянутые руки бога".	196
"Я видел, как ты опустился и поднял с земли своего спутника".	226
"Клеанор достал из вьюка, который он нес, дважды испеченный хлеб".	271
Леди Саламо бросает вызов римлянам со стен Карфагена,	295
"Сципион, набросив тогу на лицо, разразился слезами".	317
Коринфский дворянин продается в рабство на рынке,	333
"Через полчаса после этого Клеона предстала перед нами блистательной юной красавицей".	367

ВЛАСТЕЛИНЫ МИРА.

ГЛАВА I. СУДЬБА МЕЛЬКАРТА.

Мелькарт, священный корабль Карфагена, отправился из Тира в обратное плавание и прошел большую часть пути в целости и сохранности; по сути, он находился всего в десятке или около того миль от места назначения. Оно несло миссию, из года в год отправляемую в знаменитое святилище бога, чье имя оно носило, - великий храм, который греки называли Тирийским Геркулесом. Это была слишком торжественная и важная функция, чтобы отказываться от нее под каким бы то ни было предлогом. Никогда, даже в самые тяжелые времена, Карфаген не отказывался выплатить эту повинность божеству-покровителю своего города-матери; и, действительно, он никогда не был в более тяжелом положении, чем сейчас. Рим, вначале ее союзник, затем соперник, а теперь угнетатель, был полон решимости уничтожить ее, принуждая к войне, требуя невыполнимых условий подчинения. Ее бывшее господство на море давно утрачено. Только с помощью хитрости и уловки один из ее кораблей мог надеяться преодолеть невредимым пятьсот лиг моря, которые лежали между ее гаванью и старой столицей Финикии. До сих пор "*Мелькарт*" был удачлив. Это был первоклассный парусник, одинаково хорошо чувствующий себя и при легком бризе, когда он мог расправить все свои полотнища, и при шторме, который сводил его к одному парусу. Команда у нее была отборная, на скамьях гребцов не было ни одного раба, потому что на "*Мелькарте*" всегда находились свободные карфагеняне, готовые взяться за весла. Ее капитан Ханно, однофамилец и потомок великого первооткрывателя, проплывшего вдоль африканского побережья до самого Сьерра-Леоне, славился своим мореходством от Геркулесовых столбов до гаваней Сирии.

Старик - прошло шестьдесят лет с тех пор, как он совершил свое первое плавание, - пристально следил за темным пятнышком, которое уже некоторое время виднелось в свете раннего рассвета на северо-западном горизонте. "Маго, - сказал он наконец, обращаясь к своему племяннику и лейтенанту, - тебе не кажется, что оно стало больше? Твои глаза лучше моих".

"Нет, насколько я могу судить, - ответил молодой человек.

"Вряд ли она нас догонит, если у нее нет ветра больше, чем у нас. Ладно, я спущусь вниз, перекушу и поем".

Он намочил палец и поднял его вверх. "Мне кажется, - продолжал он, - что ветер, если его можно назвать ветром, сместился на полпункта. Скажите рулевому, чтобы он направил ее немного к северу. Возможно, я смогу немного вздремнуть. Но если что-то случится, сразу же зовите меня".

Не прошло и десяти минут, как что-то произошло. Дав указания рулевому и проследив за небольшим сдвигом парусины, Маго снова посмотрел на далекий корабль. Оно стало

заметно больше. Ветер на море посвежел и стремительно приближал незнакомца. Маго поспешил вниз, чтобы разбудить своего дядю. Вскоре старик был уже на палубе.

"Хотел бы я, чтобы мы были миль на десять ближе к дому, - пробормотал он, вглядываясь в даль. "Вытаскивай весла. Если она враг и хочет нас отрезать, полмили могут иметь значение".

Приказ был немедленно выполнен, и гребцы с готовностью принялись за работу. Но вся воля мира не могла заставить *"Мелькарт"* двигаться по воде очень быстро. Она была крепко сбита, как и подобает кораблю, который должен нести драгоценный груз в любую погоду, и ей осточертело долгое морское путешествие. Целью гонки между ней и незнакомцем, который, как теперь стало ясно, был римским военным кораблем, был мыс, за которым, как знал Ханно, находилась гавань Челиса. Если она доберется до него, то будет в безопасности. Но, похоже, этому не суждено было случиться. Римское судно имело попутный ветер на корме и, несмотря на все усилия команды *"Мелькарта"*, быстрее продвигалось по воде. Очевидно, что она отсечет *"Мелькарт"* еще до того, как будет достигнут мыс. Но Ханно еще не исчерпал свои ресурсы.

"Позовите Мутинеса", - приказал он своему лейтенанту.

Мутинес был карфагенянином-полукровкой, чьи толстые губы, плоский нос и шерстяные волосы указывали на наличие в его крови негритянской примеси. "Мутинес, - сказал старик, - раньше ты так хорошо целился из катапульты, как ни один человек в Карфагене. Если твоя рука не утратила хитрости, сейчас самое время показать свое мастерство. Разбей рулевое устройство этого негодяя вдребезги, и вот тебе четверть таланта".

"Я сделаю все, что в моих силах, сэр, - сказал Мутинес, - но у меня мало практики, а машина, как я понимаю, несколько жестковата".

Катапульта, отличавшаяся необычными размерами и мощностью, была встроена, так сказать, в форштевень корабля. Она могла метать болт весом около 75 фунтов, а дальность полета составляла 300 ярдов. Пока Мутинес готовил двигатель, гребцам было сказано, что они должны сделать шесть ударов и не больше. Этого, по расчетам Мутинеса, будет достаточно, чтобы доставить его в пределах досягаемости противника. Расчет оказался достаточно точным. Когда гребцы остановились, два корабля, только что обогнувшие мыс, разделяло около 350 ярдов. Импульс *"Мелькарта"* пронес его еще примерно на 100 ярдов. Когда корабль был почти неподвижен, Мутинес выпустил болт. Никогда еще он не делал более удачного выстрела. Огромная пуля снесла оба румпеля, с помощью которых работали рулевые весла. Корабль тут же отвалил в сторону, а *"Мелькарт"*, для гребцов которого фуглеман завел самую оживленную мелодию в своем репертуаре, пронесся мимо, оказавшись вне досягаемости ливня стрел, которые выпустили в него римские лучники. Через несколько минут она достигла гавани Челиса.

Но на этом ее приключения не закончились. Капитан римского корабля был очень разгневан побегом своей добычи. Захват столь знаменитого приза означал бы определенное продвижение по службе, и он не был готов отказаться от своих надежд, не попытавшись их реализовать. Как только рулевое устройство было временно отремонтировано, он позвал своего парусного мастера и объявил о своем намерении преследовать карфагенянина в гавани.

Тот рискнул возразить. "Это небезопасно, сэр, - сказал он, - я не знаю этого места, но слышал, что вода везде мелкая, кроме русла ручья".

"Вы слышали мой приказ", - ответил капитан, который был Клавдием и обладал всей надменностью и упрямством, присущими этому знаменитому дому. Парусному мастеру ничего не оставалось, как подчиниться.

Челис, названный так из-за причудливого сходства его места с формой черепахи, был небольшим греческим поселением, находившимся в пределах области, где господствовал Карфаген. Это было место значительной древности, как любили утверждать его жители, более древнее, чем сам Карфаген. Несколько лет оно сохраняло свою независимость, но со временем такое положение становилось все более невозможным. Если бы у Челиса были соседи той же расы, лига могла бы дать ему хотя бы шанс сохранить свободу. Но она стояла совершенно одна, окруженная финикийскими поселениями, и ей ничего не оставалось, как подчиниться своему могущественному соседу. Она получила очень выгодные условия. Она была освобождена от дани, что было не такой уж маленькой привилегией, учитывая огромные суммы, которые правящий город привык требовать с зависимых территорий.¹ Ей было позволено избирать собственных магистратов и вообще самостоятельно управлять своими делами. Небольшой контингент в армии и флоте государства-сюзерена - вот и все, что от нее требовалось. Поэтому вполне естественно, что Челис был лоялен Карфагену - гораздо более лоялен, чем большинство зависимых от него городов. Рим, который не раз требовал огромную сумму за иммунитет маленького городка от разорения, ей не нравился.

Описанный выше инцидент произошел на виду у причалов и набережных Челиса. Возбужденное население, заполонившее их, с ликующим криком приветствовало удачный выстрел, покалечивший римское судно, и горячо приветствовало "*Мелькарт*", когда тот скрылся в гавани. Их восторг перешел в ярость, когда стало ясно, что противник намерен преследовать его. Наглая дерзость этого поступка привела зрителей в неопиcуемый восторг. На нарушителей посыпались камни и всевозможные снаряды. Поскольку корабль находился в непосредственной близости от причалов по обеим сторонам гавани, которая, правда, была очень маленькой по площади, команда сильно пострадала.

Клавдий понял, что совершил ошибку, и приказал гребцам отступить, так как места для разворота не хватало. Было уже поздно, и когда огромный камешек, пущенный со смертельной точностью, сбил рулевого с места, судьба "*Мелицерты*" - так назывался римский корабль - была предрешена. Через несколько мгновений после этого она села на мель.

Это, конечно же, стало сигналом к решительной атаке. Сотни людей перешли вброд мелководье и перелезли через фальшборты. Экипаж оказал мужественное сопротивление, но их было безнадежно меньше, и они были перебиты там, где стояли. В это время в ратуше заседали городские судьи. Потревоженные внезапным шумом, они поспешили к воде, но опоздали, чтобы спасти лишь немногих. Клавдий зарезал себя, когда понял, какую роковую ошибку совершил.

Челийцы, конечно же, были в восторге от своего блестящего успеха в уничтожении римского военного корабля. Однако его ответственные правители были очень далеки от того, чтобы разделить это чувство. Беззащитный город, а Челис был практически таким, поскольку его стены, никогда не отличавшиеся грозностью, пришли в упадок, не должен принимать никакого участия в военных действиях во время кампании. Пока он соблюдает этот нейтралитет, ему действительно лучше, чем укрепленному городу, но отступать от этой политики - полное безумие.

Магистраты сделали все, что могли. Они отправили обратно тех немногих пленников, которых им удалось спасти из рук населения, командиру эскадры, в которую входила

"Мелисерта". Они предложили выплатить компенсацию. Они пошли настолько далеко, что пообещали, что зачинщики бунта должны быть переданы суду. Римский адмирал, Фламинин², принадлежавший к семье, которая не раз славилась необычайной жестокостью, не хотел слышать ни о каких условиях. Он решил отомстить, что было не менее приятно, поскольку было столь же выгодно, сколь и жестоко. Челис должен был подвергнуться самому суровому наказанию, известному в военном деле: все жители мужского пола, достигшие военного возраста, должны были быть преданы смерти, женщины и дети - проданы в рабство. Рабы из Челиса, как хорошо знал Фламинин, проницательный и беспринципный деловой человек, должны были стоить дорого. Они были греками, пусть и не самой чистой крови, и если варваров в любом количестве можно было легко заполучить, то греческие рабы были редким товаром на рынке.

Приняв решение, Фламинин принял все меры к тому, чтобы его исполнение было как можно более полным. Магистраты, пришедшие ходатайствовать за своих соотечественников, были задержаны; ни один намек на то, что замышлялось, не мог дойти до обреченного города. Высадив поллегиона морской пехоты, которую несла эскадра, он занял неодолимыми силами Челис и все дороги, по которым к нему можно было подойти или уйти. Следующим его шагом было проведение так называемой инвентаризации добычи, которая попала в его руки. Были захвачены переписные листы горожан, а у некоторых пленников, готовых таким образом выкупить свою жизнь, была куплена информация об их семьях. Нескольким богатым мужчинам и женщинам было позволено выкупить себя по самым высоким ценам, которые можно было выторговать у их страха; затем, когда прошло несколько дней после сбора работорговцев, которые вместе с другими хищными животными, человеческими и нечеловеческими, следовали за армиями и флотами Рима, Фламинин позволил депутации вернуться и приступил к исполнению своего приговора.

ГЛАВА II. ЧИСТОР, СЫН ЛИЗИСА.

Самым богатым, родовитым и влиятельным жителем Челиса был Лисий, сын Клеонора, отец другого Клеонора, названного так, по обычаю, распространенному в греческих семьях, в честь своего деда. Он происходил по прямой линии от первооснователя поселения, эфесского грека, а также отличался тем, что обладал наследственным жречеством Аполлона. Семья гордилась чистотой своего происхождения. Сыновья искали себе невест среди четырех или пяти самых благородных эфесских семей. Население Челиса, хотя и оставалось в основном эллинским по речи и образу жизни, имело большую примесь финикийской крови, но дом Лисия нельзя было упрекнуть ни в одном варварском *мезальянсе*.

Лисий был вождем и представителем депутации, тщетно приближавшейся к римскому полководцу. Его дом, как и все главные дома в городе, был занят римскими пехотинцами. Но *дусер*, благоразумно предоставленный командующему, дал ему возможность на короткое время уединиться. Он обнаружил, что его жена и дети все еще находятся в неведении относительно решения римского адмирала. Они, конечно, не рассчитывали на смягчение условий - они ожидали штрафа, который серьезно подорвал бы их средства; но они не были готовы к жестокой реальности. Лизис впервые ощутил всю горечь смерти, когда ему пришлось разрушить надежду, за которую они цеплялись.

"Да, - сказал он в ответ на вопрос жены, не верящей или не желающей верить своим ушам, - да, это слишком верно - смерть или рабство".

Дионе - так звали жену - на мгновение побледнела, но, призвав на помощь мужество своего дома - она утверждала, что происходит от самого великого Иона, легендарного главы ионийской расы, - вернула себе спокойствие. Шагнув вперед, она обвила руками шею мужа. Первой ее мыслью был он, второй, спустя мгновение, - ее дети.

"А эти?" - спросила она.

Сделав над собой невероятное усилие, Лизис заговорил.

"Послушай, времени мало, и нужно решить серьезные вопросы. Мне намекнули, и даже больше, чем намекнули, что я могу выкупить твою жизнь, Дионе, и свою собственную. Эти римляне жадны до денег почти так же, как до крови. Что скажешь?"

"А эти?" - сказала женщина, указывая на своих детей, при этом ее щеки покраснелись, а глаза засияли от возрождающейся надежды. "Их тоже можно выкупить?"

"Это невозможно", - сказал Лизис.

"Тогда мы погибнем".

"Я знал, что ты скажешь именно это, и, не дожидаясь твоего вопроса, дал этому парню - это был адмиральский вольноотпущенник, который говорил со мной об этом, - ответ: "Нет". Наш путь достаточно ясен. Мой отец узнал от великого Ганнибала секрет его кольца с ядом,³ и передал его мне. Мы с тобой легко уйдем от этих жадных мясников, но наши дети..."

Он тщетно пытался сохранить самообладание. Бросившись на стоявшую рядом кушетку, он закрыл лицо плащом.

Дети были близнецами, очень похожими друг на друга, как часто бывает с близнецами, и в то же время удивительно разными. По отдельности их легко было бы принять друг за друга, если бы, конечно, они были одинаково одеты; увидев их вместе, любой бы сказал, что такая ошибка вряд ли возможна, настолько велика была разница в цвете и цвете лица - разница, которая впечатляет глаз гораздо больше, чем память. Но все несходство было скорее случайным, чем закономерным. В критический период своего роста Клинор перенес тяжелую болезнь, ставшую результатом облучения во время охоты. Это остановило или, скорее, отсрочило его развитие. В его фигуре было меньше бодрости, а в щеках меньше здорового блеска, чем у сестры, с которой он, правда, был несколько бледнее и слабее.

"Мы умрем вместе с тобой", - сказали близнецы на одном дыхании. Они часто говорили, как, впрочем, и думали, в едином порыве.

"Опять невозможно!" - сказал Лизис. "Жречество, которое, как вы знаете, я унаследовал от своих отцов, я обязан, под проклятиями, которые я не смею на себя наложить, передать своему сыну. Если бы боги сделали меня бездетным - а я впервые в жизни желаю, чтобы они сделали это, - я должен был бы усыновить преемника. Я так и поступил, чтобы учесть шансы человеческой жизни; но ты, Клеанор, не должен отказываться от своих функций, если это в какой-то мере возможно для тебя. И еще - месть; это второй долг, не менее священный. Если ты можешь жить, ты должен, и я вижу способ, как ты можешь это сделать".

"И я тоже вижу", - вскричала девушка, сверкая глазами. "Чистор, мы с тобой должны поменяться местами. Ты иногда говорил мне, что я должна была быть мальчиком; теперь я им стану".

"Клеоне!" - воскликнул парень, глядя на сестру расширенными от удивления глазами; "Я не понимаю, о чем ты".

"Вкратце, - ответила девушка, - я имею в виду следующее. Ты выдаешь себя за девушку, и тебя продают; я выдаю себя за мужчину, и меня убивают".

"Невозможно!" - воскликнул парень; "Я не могу позволить тебе умереть за меня".

"Да, я умру за тебя!" - в ее голосе прозвучали нотки презрения. "Что лучше - умереть или стать рабом? Что лучше для мужчины? Ты не сомневаешься; никто из нашей крови не смог бы. А что лучше для женщины? Не нужно, чтобы кто-то из нашей крови знал это. Это знает самая жалкая свободная женщина. Клянусь Кастором! Чистор, это единственное, что ты можешь для меня сделать. Умереть за тебя! Ты сделаешь больше, в десять тысяч раз больше, чем умрешь за меня!"

"Она права, сын мой", - вскричал Лисий. "Я сам так думал. Вдохновитель Фибус, должно быть, вложил ее в ее сердце. Чистор, так и должно быть. Это последний наказ твоего отца. Боги, если они есть, а в этом я сомневаюсь из-за сегодняшней работы, вознаградят тебя за это. Но времени мало. Поторопись и сделай все, что тебе нужно".

Близнецы покинули покои. Когда они вернулись, никто не мог догадаться о том, что было сделано, настолько полной была маскировка, созданная искусными пальцами Клеоны. Ниспадающие локоны девушки, спускавшиеся ниже талии, теперь ниспадали на плечи, как раз на ту длину, которую греческие юноши имели обыкновение носить, пока не переступали порог мужественности. Его волосы были свернуты, по девичьей моде, в узел на голове. Ее блестящий цвет лица был приглушен каким-то пигментом. Его лицо, бледное от страдания, не нуждалось в подделках искусства.

Лисий и его жена ушли. Высшим усилием самопожертвования они отказали себе в последнем жалком утешении прощания и лежали рядом, навсегда огражденные от жестокости завоевателя. Пока Клеанор и его сестра ожидали их появления, в комнату вошел отряд пехотинцев.

"Зафиксируй его руки, Кайус, - приказал субординатор одному из своих людей, - и покрепче, потому что он выглядит так, будто может доставить нам неприятности. Клянусь Юпитером! Красивый юноша! Какой гладиатор из него получился бы! Почему они убивают его таким бесполезным способом? Девушка - твое дело, Секст. Будь с ней помягче, но не теряй бдительности, потому что иногда они обращаются. Но она выглядит бедным, бездушным созданием".

ГЛАВА III. ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН.

Судьба Челиса вызвала всеобщее возмущение и отвращение даже среди врагов Карфагена. Никто не был более возмущен, чем Мастанабал, второй сын царя Масиниссы. Принц обладал вкусами и привычками, весьма необычными для народа охотников и воинов, к которому он принадлежал. Он любил книги и был склонен покровительствовать учености, если бы только мог найти, чему покровительствовать. Греческое население Челиса всегда сохраняло некоторые следы культуры, и нумидийский принц был в дружеских отношениях с этим поселением. Он был случайным гостем на его праздниках, принимал комплимент в виде

почетного венца, который ему вручили на общественном собрании, и в знак признательности построил для общины новую ратушу.

К его заступничеству прибегли магистраты, когда получили отпор от римского полководца. К сожалению, его не было дома, когда прибыл их гонец. Сразу же по возвращении он поспешил на место. Слишком поздно, даже если бы это было возможно, чтобы помешать жестокой мести Фламинина, он все же смог облегчить участь выживших. Заручившись доверием работоторговцев, которые сами были не прочь угодить столь могущественной персоне, он смог обеспечить свободу всем пленникам.

Он навел особые справки о семье Лизиса, чьим гостеприимством он всегда пользовался во время своих визитов в город, и узнал достаточно, чтобы побудить его лично осмотреть пленников. Когда меланхоличная процессия проходила перед ним, его зоркие глаза обнаружили под маскировкой Клестора. Разумеется, он был слишком деликатен и обладал хорошим вкусом, чтобы причинить ему боль публичного признания. Юношу доставили в закрытой упряжке в охотничий домик, принадлежавший принцу. Здесь он оказался почетным гостем. Его личные потребности были удовлетворены; в его распоряжении была обширная библиотека, а главный егерь каждое утро поджидал его, чтобы узнать о его удовольствии на случай, если он соберется в экспедицию.

Через несколько дней в его руки попало письмо от принца. Оно начиналось с тактичного и сочувственного упоминания о его несчастьях и продолжалось следующим образом:

Пользуйтесь моим домом, как своим собственным, столько, сколько пожелаете. Вы не сможете угодить мне лучше, чем угодите себе. Но если ты намерен найти утешение своим печалям в действии - а я сам советую тебе это - отправляйся в Цирту и передай письмо, которое я прилагаю к письму, королю, моему отцу. Мой управляющий предоставит вам проводника и эскорт, а также снабдит вас одеждой и прочим снаряжением, в котором вы можете нуждаться. Прощайте!

Решение Клинора было принято сразу же. Уже через несколько часов он был в седле. Два дня легкого пути привели его в Цирту, и он не замедлил явиться во дворец короля Масиниссы. Его рекомендательное письмо, скрепленное печатью принца Мастанабала, позволило ему быть принятым мгновенно. Мажордом дворца провел его в гостевую комнату, а вскоре после этого один из телохранителей царя принес ему сообщение, что Масинисса желает видеть его, как только он освежится после путешествия.

Комната, в которую ввели молодого грека, была на редкость убогой для аудиенц-зала могущественного царя. Стены были из грязи, грубо вымытой желтым; освещалась она двумя большими проемами в стенах, не застекленными, но снабженными решетками, которые можно было по желанию закрывать подвешенными к ним шнурами; помост был каменный, не слишком тщательно выглаженный; из мебели здесь были буфет, на котором стояли кубки, флаконы и светильники, стол, два или три стула для посетителей, привыкших к таким безбедным изыскам, и диван, заваленный разноцветными циновками и одеялами. Рядом с диваном находился мангал, в котором тлели поленья.

Масинисса, царь Нумидии⁴, был человеком, чей интеллект и физическая сила были в равной степени поразительны. Он объединил бродячие племена Северной Африки в королевство, которое удерживал и увеличивал с политической твердостью, никогда не оступаясь и не колеблясь. Его рост, хотя и несколько сгорбленный годами, был исключительным. Его лицо, изборожденное тысячей морщин и выжженное до темно-красного цвета бесчисленными солнцами, снежная белизна волос и бороды, а также

абсолютная истощенность его фигуры, на которой, казалось, не осталось ни следа плоти, говорили о крайней старости. И действительно, ему шел девяностый год - возраст, не столь уж редкий для нас, где климат и привычки жизни менее изнурительны, но почти неслыханный для расы, чей пылкий темперамент, кажется, соответствует их пылающему небу.

Силы старика уже подводили его. За два года до этого он командовал армией в поле, и командовал с блестящим успехом, разгромив лучшие войска и самых искусных генералов, которых Карфаген мог послать против него. Он был не из тех ветеранов, которые довольствуются советами, а действия оставляют молодым. В тот день он оставался в седле от рассвета до заката, без труда управляя огненным конем, седло которого не было легким. Он показал, что в некоторых случаях может нанести такой же меткий удар мечом и метнуть такое же меткое копье, как и многие мужчины вдвое моложе его. Но в девяносто лет два-три года могут иметь большое значение. Масинисса сражался в своей последней битве. Чувства его были остры, как никогда, глаза горели прежним огнем, но дыхание было тяжелым и затрудненным, а руки тряслись от возрастного паралича.

"Добро пожаловать, Чистор, - произнес он полным звучным голосом, которого не коснулись годы, - мой сын представляет тебя мне. Можешь ли ты довольствоваться тем, что подождешь старика месяц или около того? Я вряд ли буду беспокоить вас дольше. Я никогда не оставался на целый день за дверью, кроме одного раза, когда меня ранили копьем в горло, и одного раза, когда меня пытались отравить; а те, кто жил таким образом, не затягивают со смертью".

Клеанор нашел свою задачу легкой. Старый король почти не страдал, если не считать беспокойства, возникающего при сильном истощении. Но даже над этим он сохранял удивительный контроль. Не в часы бодрствования, а во время коротких периодов дремоты можно было заметить беспокойные движения его конечностей. Его интеллект был как всегда острым, а память - удивительно точной, хотя в основном она обращалась к далекому прошлому. Какую историю мог бы собрать молодой грек из воспоминаний старика! Он видел и знал героев последней ожесточенной борьбы между Карфагеном и Римом, скакал рядом с великим Сципионом при Заме и был близок к тому, чтобы схватить самого знаменитого Ганнибала, когда тот бежал с того рокового поля. Молодой грек, удивленный тем, что оказался в таком положении, естественно, любопытствовал, почему старик предпочел компанию чужака своим сородичам. Когда он рискнул намекнуть на что-то подобное, король цинично улыбнулся.

"Вы не понимаете, - сказал он, - как приветливы такие домочадцы, как я. Как вы думаете, что было бы, если бы я выбрал одного из трех своих сыновей, чтобы он был сейчас со мной? К яростной ревности и бесконечным интригам со стороны двух других. А если бы они были втроем? Ну, тогда я точно не мог бы рассчитывать на спокойную смерть. Ссориться они, конечно, будут, но я не могу допустить, чтобы они ссорились здесь. Заметьте, я не говорю, что они хуже других сыновей, напротив, они лучше. Я надеюсь, что они смогут жить в мире, когда меня не станет; по крайней мере, я сделал все возможное, чтобы обеспечить это".

Шли дни, король становился все слабее и слабее, но его умственные способности никогда не омрачались, а жизнерадостность не ослабевала.

Примерно через десять дней после вышеописанного разговора во дворец прибыл греческий врач, чья репутация была широко распространена в Северной Африке. Его прислали три принца. Масинисса, извещенный о его приезде, без труда согласился встретиться с ним. "Я не боюсь, что меня отравят, - сказал он с улыбкой, - я не думаю, что мои сыновья пойдут на

такое. Это не стоит того, и, во всяком случае, они не смогут договориться об этом. Да, пусть заходит. Конечно, он не может принести мне никакой пользы; но это одно из наказаний, которое приходится платить за величие, - умирать по правилам. В этих краях никому не позволено умирать без помощи Тимеуса. Да, я повидаюсь с ним. И учти, Чистор, когда он осмотрит меня, поговори с ним и заставь его сказать тебе чистую правду".

В тот же день, вскоре после ухода врача, царь позвал молодого грека в свои покои.

"Ну, что он говорит, Клинор?" - спросил он.

Юноша заколебался.

"Подойди, - воскликнул старый царь, повысив голос, - я приказываю тебе говорить. Что касается этих лекарей, то больному совершенно невозможно добиться от них правды. Не говорить ее считается делом чести. Но я полагаю, что он рассказал ее вам. Говори, парень; ты же не думаешь, что я боюсь того, с чем сталкиваюсь почти каждый день на протяжении почти четырехсот лет?"

"Он сказал, - негромко ответил Чистор, - что ваше время, сир, почти пришло".

"И сколько дней, или, лучше сказать, часов, он мне дал?"

"Он сказал, что вы вряд ли проживете больше двух дней".

"Что ж, я готов. У меня была своя очередь, полная доля праздника жизни, и было бы позорно, если бы я обиделся на то, что ухажу. Но тех, кто придет после меня, ждет беда. Я сделал все, что мог, для своего королевства, но ничто не может спасти его надолго. Знаешь, когда я был примерно в твоём возрасте, мне пришлось выбирать между Римом и Карфагеном, и мой выбор был правильным. Если бы я встал на сторону Карфагена, Рим поглотил бы это королевство пятьдесят лет назад; так же, как и сейчас, он поглотит нас через пятьдесят лет. Рано или поздно мы должны уйти. Но это длилось в мое время, и будет длиться и во времена моих сыновей, если они будут мудры. А теперь, что касается этого вопроса. Я хочу кое-что поручить вам. Ты слышал о Сципионе?"

Клеанор кивнул в знак согласия.

"Он приехал сюда около двух месяцев назад, когда я впервые получил предупреждение, что времени у меня мало и что мне лучше привести свои дела в порядок. Никто и понятия не имел, что он прибыл по военному делу. Римляне попросили меня о помощи, а я не решился ее оказать. Они не посоветовались со мной в своих действиях, и я решил, что настало время преподать им урок. Мы обсудили эти вопросы, но на самом деле он пришел за более серьезным делом. Я оставил ему право разделить мое королевство между тремя моими сыновьями. Я думал разделить его обычным способом: эту и эту провинцию - одному, а ту и эту - другому. Но у него в голове был совсем другой план, и он показался мне удивительно проницательным. Не надо делить королевство, - сказал он, - три части будут слишком слабы, чтобы устоять в одиночку. Разделите должности в королевстве. Пусть у каждого принца будет та часть, для которой он лучше всего подходит: один занимается войной и внешними делами, другой - правосудием, третий - гражданскими делами". Что ж, я последовал его совету и закрепил его решение в письменном виде. Документ хранится у главного жреца храма Зевса в Цирте".

После этого старик на некоторое время замолчал. Вновь поднявшись, так как был склонен к дремоте, он сказал:

"Чистор, ты здесь?"

"Да, сир", - ответил грек.

"Не покидай меня, пока все не закончится. А теперь дай мне чашу вина".

"Но, сир, лекарь сказал..."

"Пух! Какая разница, умру я за час или за два или за три часа до восхода солнца? Мне нужно что-то, что придаст мне немного сил".

Клеанор наполнил кубок и протянул его королю. "Вкус не такой приятный, как обычно, - сказал старик, осушив кубок, - но это, как я легко могу поверить, вина не виноваты, а виноват я. Но скажите, как вы думаете, узнаю ли я что-нибудь о том, что здесь происходит, когда меня не станет? Что скажет Мастанабаль? У меня не было времени подумать об этих вещах; но он читает, и вы тоже в некотором роде студент. Что говорят философы?"

"Аристотель считает, сир, что мертвые вполне могут знать что-то о судьбах своих потомков - было бы почти бесчеловечно, говорит он, если бы они этого не знали, - но этого недостаточно, чтобы сделать их счастливыми или несчастными".

"Чем меньше человек знает, тем лучше, если подумать. Видеть, как все идет не так, и не иметь возможности вмешаться!... Но хватит об этом. А теперь, Чистор, о себе. Ты не любишь римлян, я думаю?"

Лицо молодого грека покраснело от этого вопроса.

"У меня нет причин любить их, сир".

"Скорее всего, нет. Да и кто их любит? Не я; если бы я мог их раздавить, то сделал бы это с такой же готовностью, с какой я топчу ногой голову гадюки. Но вопрос не в этом. Можете ли вы извлечь из них пользу? Вы качаете головой. Не стоит притворяться, что вы испытываете дружбу, которой не чувствуете. Как вы знаете, я не придерживаюсь этого правила, но кое-что в этом есть. Что ж, жаль, что вы не можете идти этим путем. Независимо от того, любим мы их или нет, будущее принадлежит им. И я мог бы помочь вам с некоторыми из их великих людей. Я написал письмо Сципиону и еще два или три - влиятельным людям в Риме, которые могли бы помочь тебе ради меня. Ты можешь доставить их или нет, как тебе будет угодно. Но скажи мне, что ты собираешься делать, если римляне окажутся не у дел?"

"Я думал отправиться в Карфаген", - ответил юноша нерешительным голосом.

"Карфаген!" - изумленно повторил король. "Да ведь это место обречено. Он не продержится больше года, а то и двух. А потом римляне не оставят и камня на камне. Они не захотят рисковать тем, что им придется иметь дело с еще одним Ганнибалом. Карфаген! Ты можешь сразу же накинуть петлю на свою шею!"

"Надеюсь, что нет, сир", - сказал молодой человек. "В любом случае мне остается выбирать между Карфагеном и Римом".

"Что ж, - ответил старый король после паузы, - ты должен идти своим путем. Но я все же могу помочь тебе, по крайней мере, с некоторым запасом на дорогу. Сунь руку под мою подушку и найдешь ключ".

Юноша сделал так, как ему было велено.

"Теперь открой сундук в углу и принеси мне ларец, который ты найдешь завернутым в пунцовую шаль".

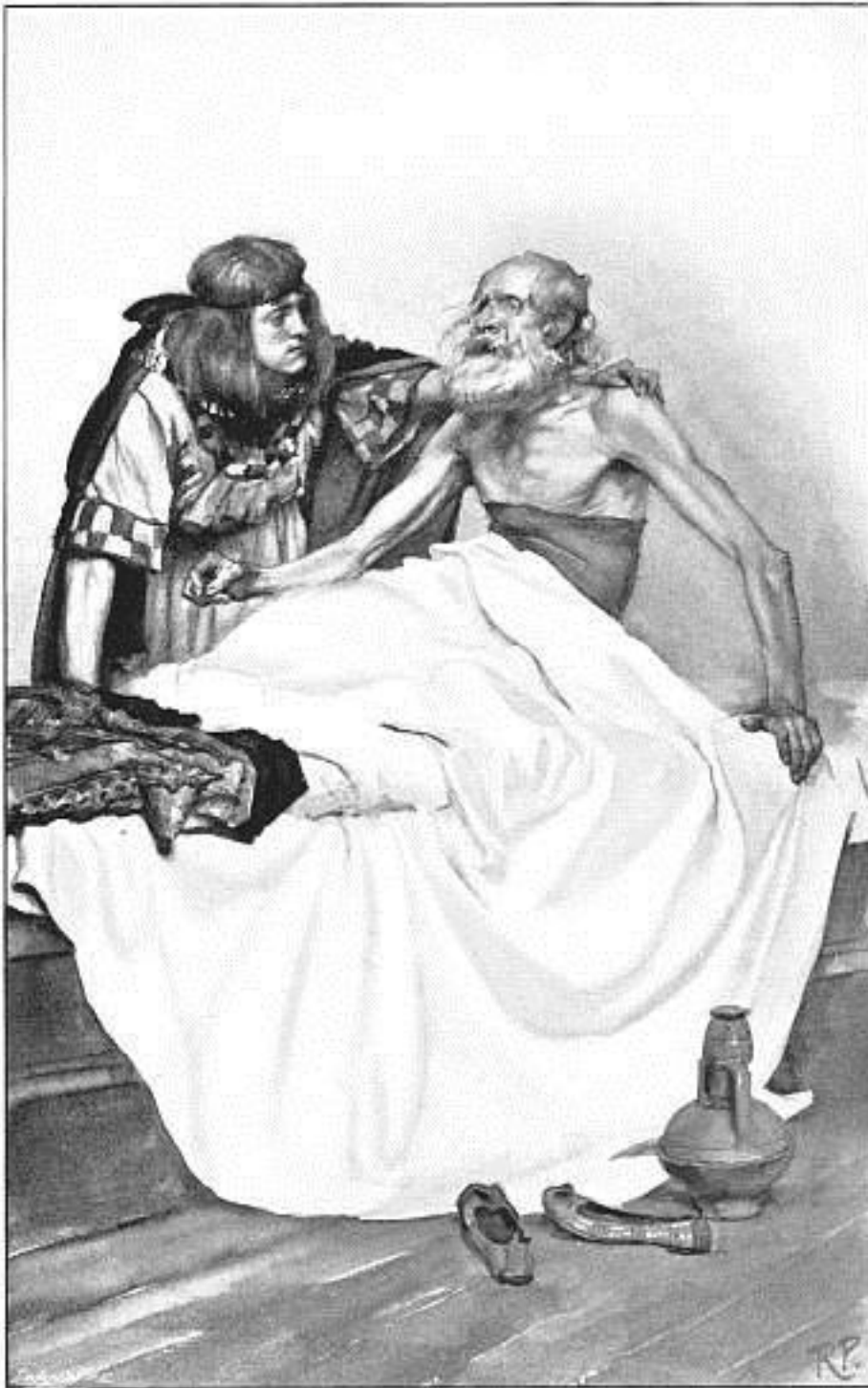
Клеанор принес ларец и передал его в руки царя. Масинисса отпер его и достал руло золотых монет, которые отдал Клеанору. "Это пригодится на первое время, - сказал он, - но золото - вещь неуклюжая, и вряд ли ты сможешь носить с собой то, что прослужит тебе один год. Этот клочок пергамента - заказ на тысячу унций золота - пятьсот тысяч сестерций в римских деньгах - на Кая Рабирия, рыцаря с Келийского холма в Риме, который хранит для меня деньги уже тридцать лет или больше. Ты можешь продать пергамент банкиру Боккару в Цирте. Он возьмет с тебя комиссионные, но это избавит тебя от хлопот. А деньги он оставит вам, или любую их часть, какую вы пожелаете. Это очень удобный способ хранения денег, но есть и другой, еще более удобный".

Старик достал небольшой кожаный мешочек, наполненный драгоценными камнями. "Это, - сказал он, - вы всегда можете спрятать. Правда, купцы обманут вас, когда вы захотите их продать. Тем не менее, эти камни вам очень пригодятся".

Драгоценности стоили по меньшей мере в пять раз больше, чем было указано на пергаменте. "Это слишком много", - пробормотал грек. "Я не ожидал..."

"Это правда, что вы не ожидали. Я видел это все время, и это одна из причин, почему я даю его. А что касается "слишком много", то об этом вы должны оставить мне судить. Мои сыновья найдут достаточно сокровищ, когда придут делить мое имущество между собой. Я всю жизнь экономил, и это всего лишь мелочь, которую они не упустят, а вы найдете очень полезной. А теперь дайте мне еще кубок вина. После этого я немного посплю. А ты оставайся, и не позволяй этому юному негодяю Югурту приближаться ко мне".

Через два-три часа после этого Клинон с удивлением увидел, что старик приподнялся в постели, чего он не мог сделать без посторонней помощи уже три-четыре дня. Он поспешил к постели, но король, хотя глаза его были широко открыты, казалось, не видел его. Но что-то он все же увидел: это был не пустой взгляд, а взгляд, полный нежности. Затем он заговорил, и в его голосе прозвучали такие мягкие нотки, на которые Клеанор не мог и подумать, что он способен.

"СТАРЫЙ КОРОЛЬ, ХОТЯ ГЛАЗА ЕГО БЫЛИ ОТКРЫТЫ, КАЗАЛОСЬ, НЕ ВИДЕЛ КЛИНОРА".

"Итак, милейший и прекраснейший, ты не забыл меня; тебя, как всем известно, никто не может забыть. Почему же я так тороплюсь? Нет, дорогая, посмотрись в свое зеркало, чтобы найти ответ. К тому же, когда вы станете моей, римлянам больше нечего будет сказать. Тогда до завтра... Но постойте, позвольте мне дать вам маленький знак. Но, - его голос мгновенно перешел на нотки ужаса, - что, скажите на милость, превратило мой любовный подарок в это? Черт!"

И, сделав жест, как человек, сбрасывающий что-то на землю, он опустил на кровать, а через мгновение уже спал.⁵

Рано утром следующего дня во дворец прибыли три сына короля, выслушавшие сообщение лекаря о здоровье их отца. Их эмоции, когда они стояли на коленях возле умирающего короля, были искренними, хотя, возможно, и не очень глубокими. Старик был совершенно спокоен и невозмутим.

"Сыновья мои, - сказал он, - я сделал для вас все, что мог. Возможно, вам это не понравится. А что, собственно, может вам всем понравиться? Но возложите руки на мою голову и поклянитесь, что примете то, что я сделал. Что это такое, вам лучше не знать, пока я не уйду. Но поверьте, что я был справедлив ко всем вам".

Принцы принесли клятву.

"Чистор знает, где я спрятал свое завещание, но я обязываю его не рассказывать, пока меня не похоронят. А теперь прощайте! Не ждите конца. Ручаюсь, у вас будет много дел, как только племена узнают, что старика больше нет".

Принцы вышли из комнаты, а старик отвернулся лицом к стене и, казалось, уснул. Весь остаток того дня Чистор наблюдал за ним, но не заметил никаких изменений. Перед самым рассветом он услышал, как спящий сделал два или три глубоких вдоха. Он велел рабу, ожидавшему в прихожей, позвать лекаря.

Но ученый человек не обнаружил никаких движений ни пульса, ни сердца. Когда он поднес зеркало ко рту, на нем не было ни малейшего признака дыхания. Мир увидел последнюю смерть одного из самых замечательных своих ветеранов.

ГЛАВА IV. СЦИПИОН.

Тело старого короля было грубо забальзамировано, чтобы дать время до похорон. Это была более пышная и впечатляющая церемония, чем когда-либо наблюдавшаяся в этих краях. Весть о смерти Масиниссы была разнесена далеко вглубь страны с той странной, почти невероятной быстротой, с какой обычно распространяются великие вести в странах, не имеющих регулярных средств сообщения. Старик был одной из самых заметных фигур в Северной Африке в течение времени, более чем равного обычной жизни. Он не принадлежал к числу тех правителей, которые закрываются в своих дворцах и известны не по своей персоне, а по своим деяниям. Его долгая жизнь прошла, можно сказать, в седле. Во всей округе не было вождя, который не встречался бы с ним как друг или враг. Многие слышали от своих отцов или дедов о его искусстве правителя и доблести воина, и теперь они толпами приходили, чтобы отдать ему последние почести. Со склонов Атласского хребта далеко на западе и с юга, вплоть до окраины того, что сейчас называется алжирской Сахарой, пришли вожди пустыни, некоторые из них - люди, которых никогда не видели в стенах города. На этот день, по крайней мере, были приостановлены все вражды страны, многочисленные и смертоносные. Это была величайшая и последняя честь, которую можно было воздать великому вождю, сделавшему так много, чтобы объединить эти враждующие атомы в гармоничное целое.

Груз несли представители государств, которым принадлежал покойный король. За ним шли трое его сыновей, а за ними - великолепный отряд боевых слонов с их роскошными уборами. Мудрые звери, которых так и не смогли приручить выродившиеся наследники старых африканских рас,⁶ , казалось, чувствовали характер события и шли медленным шагом и с

угрюмым выражением лица. За слонами двигалась шеренга за шеренгой казавшаяся почти бесконечной кавалькада всадников. Шествие завершали отряды римских войск, как пехоты, так и кавалерии, представлявшие собой разительный контраст, с их регулярным снаряжением и дисциплиной, с дикими всадниками с равнин и холмов внутренних областей.

После похорон был устроен большой банкет, представлявший собой сцену бурного и шумного празднества - неестественная реакция на принудительную серьезность утренних процедур. Клинон, обладавший трезвыми привычками, свойственными лучшим грекам, воспользовался первой же возможностью, которую позволила ему вежливость, чтобы отвлечься от веселья.

Он отправился в уединенное место, которое обнаружил в диком саду или парке, прилегающем к дворцу, и улегся на дерн возле небольшого водопада. Дневная усталость, ведь он принимал самое активное участие в организации утренних церемоний, и изнуряющая жара пиршественного зала предрасположили его ко сну, а убаюкивающее журчание воды довершало очарование.

Проснувшись, он обнаружил, что уже не один. Незнакомец в римском одеянии стоял рядом и смотрел на него с любезной улыбкой. Собравшись с мыслями, молодой грек вспомнил, что уже видел и был поражен чертами лица и походкой новоприбывшего. Тогда его осенило, что это офицер, командующий отрядом римских солдат, присутствовавших на похоронах царя.

И действительно, этот человек был не из тех, кого можно поспешно пропустить или легкомысленно забыть. В полном расцвете сил - ему как раз шел тридцать седьмой год - он являл собой редкое сочетание силы и утонченности. Его лицо отличалось правильностью и тонкой чеканкой греческого типа, нос, однако, имел что-то от аквилонской формы, которая так часто является одной из внешних характеристик военного гения. Красота черт лица подчеркивалась отсутствием усов и бороды - мода, появившаяся в то время в Италии, но до сих пор не распространенная в других странах. Греку это сразу навело на мысль о знакомой художественной концепции безбородого Аполлона.

Но самой примечательной чертой лица были глаза. Они с редкой силой выражали, в зависимости от случая, доброту, пронизательный ум или праведное негодование против зла. Но помимо этих выражений, в них время от времени появлялся взгляд вдохновения. Казалось, они видят нечто, что находится за пределами и за гранью земной жизни. В последующие годы о Сципионе - мои читатели, наверное, догадались, что я говорю о Сципионе - часто говорили, что он разговаривал с богами. Обычные наблюдатели не замечали или не понимали этого. К чуткой и чувствительной натуре, такой как Клеандр, это притягивало с силой, которую можно назвать почти непреодолимой. Все это открылось юноше не сразу, но он сразу почувствовал, как никто и никогда не чувствовал, необъяснимое обаяние личности Сципиона.

"Значит, и ты, - сказал римлянин, - спасся от гуляк?"

Клеанор сделал движение, чтобы подняться.

"Нет, - сказал другой, - не беспокойся. Позволь мне найти для тебя место", - и он уселся на траву. "Какой дом для наяда - этот очаровательный маленький источник! Но вы скажете, что римлянину не пристало говорить о наядах. Возможно, это правда. Наши холмы, наши ручьи, наши дубы не имеют такого присутствия. Мы позаимствовали их у вас. Наши божества практичны. У нас есть богиня, которая делает масло, чтобы оно попало в маслобойку,

сворачивает молоко для сыра и помогает корове отелиться. Нет ни одной функции или работы, которая не имела бы своего покровителя или покровительницу. Но мы не заселили мир природы теми милостивыми и прекрасными существами, которых представляли себе ваши поэты. И, как мне кажется, - добавил он с улыбкой, - ваши африканские друзья тоже этого не сделали".

Клеанор, который в любом случае был бы слишком вежлив, чтобы показать случайному незнакомцу враждебность, которую он питал к римской нации, сразу же почувствовал очарование манеры оратора. Его поразила и чистота греческого акцента римлянина, и изящество его языка, в котором нельзя было найти никаких изъянов, кроме, пожалуй, того, что он был скорее литературным, чем разговорным. Он со смехом признал комплимент, который римлянин сделал поэтическому гению своих соотечественников.

Затем последовала оживленная беседа на литературные темы. Клеанор, который был очень образованным человеком, провел год в Афинах, слушая философских учителей, которые были преемниками Платона в Академии, и еще год на Родосе, в то время самой известной риторической школе в мире. С другой стороны, Сципион был одним из самых начитанных людей своей эпохи. Он был солдатом и политиком, отличился в обоих качествах, но его сердце было отдано письму. В частной жизни он окружал себя лучшими представителями греческой и римской культуры. В молодом греке, с меланхоличной историей которого он был знаком, он нашел единомышленника. С другой стороны, Клеанор, которому была свойственна готовность грека смотреть на всех чужаков как на варваров, был поражен, увидев, насколько широки и глубоки были достижения его нового знакомого.

У них было много возможностей улучшить начатое знакомство. Сципиону предстояло выполнить детали разделения царских функций, о которых говорилось в моей последней главе. Это было не то дело, которое можно сделать за один день. Три брата приняли этот принцип достаточно легко, хотя и чувствовали, что львиная доля власти принадлежит тому, кому была выделена армия. Но когда дело дошло до применения принципов, начались бесконечные ревности и разногласия. Сципиону потребовался весь его такт и личное влияние, чтобы сохранить мир.

Когда это сложное дело было уже закончено или, по крайней мере, находилось в стадии завершения, случилось непредвиденное событие, прервавшее пребывание Сципиона в Африке. Два новых командира прибыли, чтобы возглавить римскую армию перед Карфагеном. Сципион знал, что они опрометчивы и некомпетентны, и не хотел брать на себя ответственность служить под их началом. Поэтому он попросил разрешения сложить с себя командование - он имел звание трибуна.⁷ Консулы же, в свою очередь, ничуть не ревновали к репутации своего подчиненного и, прежде всего, к его имени. Сципион в Карфагене обладал престижем, с которым никто не мог соперничать, и они были рады избавиться от него.

Это прерывание знакомства, которое быстро перерастало в дружбу, оказало важное влияние на жизнь Клинора. Если кто и мог примирить его с Римом, так это Сципион. Сципион ушел, и старые чувства, слишком хорошо оправданные, возродились в полной силе. Враждебность к Риму стала, по сути, всепоглощающей страстью его жизни. Однако эту страсть он скрывал с изяществом, свойственным его роду. В настоящее время, по его мнению, его цели можно было бы лучше достичь за стенами Карфагена, чем в них. Поэтому он принял предложение Мастанабала взять на себя обязанности личного секретаря.

ГЛАВА V. ВЕЛИКИЙ ЗАМЫСЕЛ.

Предчувствия Сципиона относительно неспособности новых генералов быстро оправдались. До того как они приняли командование, осадные операции не были одинаково успешными. Были как потери, так и успехи. Но в целом перевес был на стороне осаждающих. Оборона была прорвана не в одном месте. Карфаген находился в худшем положении, чем через три месяца после начала войны. Осажденные нанесли некоторый урон римскому флоту, сожгли значительную часть осадных сооружений и понесли явно меньшие потери убитыми и ранеными, чем смогли нанести своим нападавшим.

Но если ущерб, который они понесли, был меньше, чем тот, который они нанесли, все же он был менее пригоден для восстановления, а зачастую и вовсе не мог быть восстановлен. Сгоревший корабль нельзя было построить; потери гарнизона нельзя было восполнить; общее истощение сил нельзя было исправить. Карфагену, в общем, оставалось лишь опираться на себя как на резерв; Рим же располагал всеми странами, граничащими со Средиземноморьем, от Греции до запада. Это были преимущества, которые, несомненно, скажутся в долгосрочной перспективе, но тем временем могло произойти много событий, способных отсрочить окончательную победу.

Первым делом в римском лагере начался дефицит припасов. Страна вокруг Карфагена к этому времени, конечно, была настолько запущена, что из нее практически ничего нельзя было взять. Дальше, правда, было много еды и фуража, но туземцы не проявляли готовности принести их в лагерь. Дело в том, что не было рынка; покупателей было много, но не было покупателей с деньгами на руках, потому что военный сундук был пуст, а жалованье солдатам задерживали месяцами.

В результате римские генералы практически сняли осаду Карфагена и посвятили все свое время и силы разрушению карфагенских городов, надеясь таким образом удовлетворить свои потребности. Но в этой попытке они добились очень незначительного прогресса. Они начали с нападения на город Клипею. Здесь их постигла неудача. Флот не смог пробиться в гавань, которую горожане надежно защитили, затопив пару кораблей у входа, а римские инженеры не смогли добраться до стен города.

С другим небольшим городком, расположенным по соседству, им повезло больше, хотя успех был достигнут не очень похвальным способом. Горожане были готовы пойти на соглашение, и тогда состоялась конференция между их представителями и римскими генералами. Условия были согласованы, и договор уже был подписан, когда в город ворвались несколько солдат. Римляне сразу же прервали совещание и стали вести себя так, словно город был взят штурмом. Такое поведение было, конечно, столь же неразумным, сколь и нечестивым. Ложь почти ничего не дала, а все карфагеняне были полны решимости сопротивляться до последнего.

Следующим пунктом нападения стал Гиппо. После Карфагена и Утики - римская штаб-квартира находилась в Утике - Гиппо был самым большим и самым важным городом в Северной Африке. Его доки, гавань, стены были грандиозного масштаба. За двести лет до этого Агатокл, тиран Сиракуз, в своей отчаянной борьбе с Карфагеном сделал его базой

своих операций. Щедрые расходы, произведенные лучшими инженерами того времени, сделали его почти неприступным.

У римских генералов были прекрасные причины для нападения на него. Пока он был в их власти, они вряд ли могли надеяться захватить Карфаген, ведь он стоял почти между их штаб-квартирой и этим городом и контролировал путь, по которому в осаждающую армию должны были доставляться товары. Но римские силы оказались совершенно неспособны справиться с этой задачей. Дважды жители Гиппотама при помощи вылазок из Карфагена разрушали осадные сооружения, а когда пришло время отступить в зимние кварталы, осаждающие так ничего и не добились.

Все это нанесло огромный урон престижу римлян. Дальновидные люди были убеждены, как я уже говорил, что будущее принадлежит им; но простые наблюдатели стали думать, и не без некоторого оправдания, что их упадок уже начался. Среди них были два из трех сыновей царя Масиниссы. Возможно, неудовлетворенность имела отношение к их душевному состоянию. Каждый из них рассчитывал получить больше, чем дала ему награда Сципиона; оба уступали Гулуссе командование войсками, подозревая, что это означает в конечном счете их собственное подчинение ему. Сам Гулусса, похоже, все еще был верен Риму, но общее недовольство не преминуло охватить и некоторых высокопоставленных офицеров его армии.

Клеанор все еще находился у Мастанабала и, конечно же, с интересом наблюдал за развитием событий. Его надежды возросли, когда во дворец пришла весть о том, что римляне оставили осаду Гиппо. За вечерней трапезой в тот день эта тема обсуждалась, но очень осторожно, поскольку принц все еще оставался, по крайней мере, номинально, союзником Рима, а его молодой секретарь (именно такую должность занимал сейчас Клинон) был слишком осмотрителен, чтобы игнорировать этот факт. Уже почти наступил час отбоя, когда в покои торопливо вошел раб, ожидавший принца, и сунул ему в руки письмо. Это была двойная скрижаль, тесно переплетенная шнурами из пунцового шелка, которые снова были скреплены печатями. Поспешно разрезав шнуры кинжалом, который он носил на поясе, принц прочел послание с тем бесстрастным и непонимающим взглядом, который необходимо приобрести деспотичному правителю. Вскоре, поднявшись из-за стола, он пожелал молодому греку спокойной ночи, но, как бы вскользь, добавил: "Но останься, я хочу показать тебе книгу, новое приобретение. Пройдемте в библиотеку".

Библиотека представляла собой небольшую внутреннюю комнату полукруглой формы, выходившую из столовой. Она обладала тем большим преимуществом, которое, несомненно, было предусмотрено строителем, проектировавшим ее, что разговоры, ведущиеся в ней, ни в коем случае не могли быть подслушаны. Она имела внешнюю стену везде, кроме той стороны, которая примыкала к столовой. Она была построена на колоннах, чтобы никто не мог подслушать, и над ней не было ни одного этажа. Пока внешняя камера была пуста, абсолютная тайна была обеспечена. Только воздушная птица могла унести обсуждаемые в ней вопросы.

"Слушай, Чистор, - сказал принц и принялся зачитывать следующее письмо.

Гасдрубал, сын Гиско, королю Мастанабалу приветствие. Знай, что если ты хочешь спасти Африку, то сейчас, и только сейчас, у тебя есть такая возможность. Римляне бежали из Гиппо на треть меньше, чем при первом нападении. Битиас, командующий конницей Гулуссы, перешел к нам с семьей сотнями своих лучших воинов. Нанесите же вместе с нами такой удар, который избавит нас от этого пожирающего зверя сейчас и навсегда. Иначе вы сами

будете пожраны. Не думайте, что когда Карфаген будет разрушен, у Нумидии останется хоть какая-то надежда. Прощай!

"Что ты думаешь об этом, Клинор?" - спросил царь после паузы. "Я хорошо знаю, что ты не испытываешь симпатии к римлянам. И в самом деле, с чего бы это? Но ты можешь судить о том, как обстоят дела, и судить, несомненно, лучше, чем я, ибо есть много вещей, которых мы, короли, никогда не увидим. Говорите откровенно. Никто не может нас подслушать".

"Сир, - ответил молодой грек, - боюсь, мне потребуется больше мудрости, чем я имею, чтобы дать вам полезный совет. Я ненавижу Рим, но боюсь его. Она совершает множество ошибок, но в конце концов всегда добивается успеха. В генералы она выбирает глупцов и хвастунов, но в конце концов всегда находит нужного человека. Поэтому я прочитал ее историю. Было время, когда все считали, что Ганнибал покончит с ней, но она выжила. Она теряла армию за армией, но в конце концов победила. После Фламиния и Варро⁸ она нашла Сципиона. И сейчас у нее есть Сципион. Я видел его, сир, на днях и почувствовал, что он великий человек".

"Но он слишком молод", - прервал его король. "Ему еще не хватает пяти лет до того возраста, когда его можно назначить главным командиром".

"Верно, сир; но когда человек совершенно необходим, они получают его, будь он молод или стар".

"А еще у них непрекращающиеся гражданские распри. И что с того?"

"Несомненно, это создает нам проблемы. Но даже это они могут бросить при случае".

После паузы в несколько минут Мاستанабал снова заговорил.

"Тогда что ты посоветуешь?"

"Сир, - ответил молодой грек, - я бы посоветовал вам пока ничего не предпринимать. Позвольте мне лично ответить на это письмо, и ответить так, как я сочту нужным, если, конечно, вы можете мне доверять. У меня есть план, ибо я обдумываю его день и ночь. Но не спрашивайте меня, в чем он заключается. Лучше, чтобы вы ничего об этом не знали. Я начну немедленно. Будет неплохо, если вы отправите в погоню несколько отрядов. Конечно, они не должны меня поймать. Поставьте Джубу командиром, и мы сможем рассчитывать на то, что они не будут слишком активны".

"Вы возьмете у меня какой-нибудь знак?" - спросил король.

"Нет, сир, лучше не надо. Позвольте мне взять письмо, этого будет достаточно. Вы простите меня, если я украду Уайтфут из ее конюшни?"

"Бери ее или любую другую лошадь, какую захочешь. У вас достаточно денег?"

"Достаточно, сир; ваш добрый отец обеспечил меня ими".

"Тогда прощайте! Вы вызываете у меня любопытство, но я полагаю, что не могу задавать никаких вопросов. В любом случае, что бы ни случилось, считайте меня своим верным другом".

До полуночи Клеанор уже был на пути в Карфаген. С первыми признаками рассвета он натянул поводья и остановился на дневку у небольшого скопления пальм, где было много травы для его лошади. С наступлением сумерек он снова отправился в путь и достиг лагеря Гасдрубала как раз в тот момент, когда на востоке показался свет. Лагерь, надо сказать, был разбит за городом. Его занимала большая половина карфагенской армии. Остальные войска были размещены внутри стен под командованием другого Гасдрубала.

Клеанор, которому удалось разузнать кое-что об устройстве лагеря, отдался в руки офицера, командовавшего дальним пикетом. Письмо Гасдрубала оказалось, как он и предполагал, достаточным паспортом, и его, после нескольких часов отдыха, провели к генералу.

Личность Гасдрубала отнюдь не была привлекательной, и Клеанор не мог не сравнивать его тщедушное телосложение и зловещее выражение лица с властной фигурой и благородным обликом Сципиона. Лучше всего о карфагенянина можно сказать, что он походил на иудея самого низменного типа. Часто забывают, что финикийская раса, основным отростком которой был карфагенский народ, была близка к иудеям по крови и языку.⁹ Гасдрубал достаточно наглядно продемонстрировал это родство. Его черные, всклокоченные волосы, выдающийся нос, толстые, чувственные губы и острые, но сощуренные глаза были такими, каких в те времена можно было встретить в убогих кварталах Иерусалима или Александрии (ставшей тогда второй столицей иудеев), а в наши дни - в лондонском Уайтчепеле или римском гетто.

Однако в этот раз Гасдрубал надел на себя самое приятное выражение лица. Он был искренне рад видеть Клеанора, причем не только рад, но и удивлен, поскольку считал само собой разумеющимся, что юноша погиб при разрушении Челиса.

"Приветствую тебя, Клинор!" - воскликнул он с сердечностью, которая ничуть не пострадала. "Какая удача вернула тебя нам? Мы уже давно считали тебя мертвым".

Клеанор в самых кратких словах рассказал ему о случившемся.

"И что я могу для тебя сделать?" - продолжал Гасдрубал. "Если, как я надеюсь, ты присоединишься к нам, я найду для тебя много работы. Дела в Карфагене идут гораздо лучше, чем лет назад. Скоро вся Африка будет с нами. Когда это случится, у римлян не останется ничего, кроме земли, на которой они стоят, да и то, я надеюсь, ненадолго. Вы слышали о том, что Вифиас со своей эскадрой перешел к нам? Скоро за ним последует остальная часть армии Гулуссы, а затем и сам Гулусса со своими братьями. Ты был в доме Мастанабала; скажи мне, как он себя чувствует".

В ответ Клеанор предъявил письмо самого Гасдрубала. "Положение короля, - продолжал он, - очень сложное, и он должен действовать с величайшей осторожностью как в ваших интересах, так и в своих собственных. Если он объявит о себе слишком рано, его братья наверняка перейдут на другую сторону. Нужна такая сильная комбинация, которая заставила бы всех троих заявить о себе вместе. Он желает вам добра; это я могу сказать с уверенностью".

"Это хорошо, насколько это возможно, хотя мне хотелось бы чего-то более определенного".

"Могу я предложить вам, - сказал Клеанор, - идею, которая уже некоторое время вертится у меня в голове? Боюсь, что в юности обсуждать такие вещи несколько самонадеянно; но если вы готовы выслушать..."

"Говори, мой юный друг, - вскричал карфагенянин, - сын твоего дома вряд ли скажет только то, что стоит услышать".

"Я говорил о комбинации, которая позволит Мاستанабалу заявить о себе. Разве ты не думаешь, что такая комбинация может быть создана среди всех тех, кто ненавидит Рим или боится его? Во-первых, это мой собственный народ. Лига¹⁰, как я слышал, мало довольна своими могущественными друзьями, и нужно лишь немного поддуть, чтобы разжечь этот огонь. Есть еще македонцы, которые не забыли, что не так давно были хозяевами мира. Есть Сирия, есть Египет, и оба они боятся, что их скоро поглотят. Есть иудеи, ваши родственники, я полагаю. Не так ли?"

"Да, - ответил карфагенянин, - родня, но не друзья. Боюсь, там мы не получим большой помощи".

"Тогда остается Испания. Что ты знаешь, господин, об Испании? Есть ли шанс на восстание?"

"Северные племена¹¹ еще держатся, но они вряд ли выйдут за пределы своих границ. Их вполне устраивает быть свободными самих по себе, не думая о других. Тем не менее, в Испании можно кое-что сделать. Только, к несчастью, испанцы любят нас не больше, чем римлян. Возможно, они любят нас даже меньше. Тем не менее, это ваш многообещающий план, мой юный друг. Ах! Если бы не вы, греки, мы бы уже давно захватили все берега моря¹². Мы так и не смогли выгнать вас из Сицилии. Было бы странно, если бы вы сейчас загладили свою вину перед нами за все те злодеяния, которые вы совершили".

Клеанор, читавший историю с некоторой целью, не мог не подумать, что человечеству вряд ли было бы лучше, чем сейчас, если бы Карфаген был хозяйкой запада. Но он отбросил эту мысль. Его жребий был брошен, и он не мог, не хотел его менять. Воспоминания о той неоправданной несправедливости, от которой он пострадал, захлестнули его, и он решительно взялся за осуществление своей цели.

"И что же ты предлагаешь?" - продолжал Гасдрубал.

"Поехать самому и посмотреть, что можно сделать", - ответил грек.

"Хорошо! И не теряй времени. Я не хочу сказать, что вы теряете время, - это точно не так; я хочу сказать, что нам лучше ничего не говорить об этом властям внутри стен. Будут вопросы, дебаты, задержки, и ничего не будет решено, я уверен, пока не станет слишком поздно. Вы должны идти неофициально, но я дам вам грамоты, которые вы найдете полезными. Добейся успеха, и не будет ничего, чего бы ты не попросил и не получил от Карфагена и от меня. Когда ты будешь готов отправиться в путь?"

"Сегодня".

"И куда ты собираешься отправиться в первую очередь?"

"Сначала, конечно, в Грецию; затем в Македонию. Я слышал, что там есть некто, называющий себя сыном царя Филиппа, и что македонцы стекаются под его знамена".

"Да будет так. Прощай, и да пребудет с тобой Геракл!"

ГЛАВА VI. МИССИЯ.

После беседы Клеанора с Гасдрубалом последовал долгий разговор с одним из его подчиненных, по имени Гиско, в ходе которого обсуждались лучшие и безопасные способы переправы из Африки в Грецию. В распоряжении грека могла быть самая лучшая и самая быстроходная военная галера в доках Карфагена, но эта идея ему совсем не понравилась. Гавань не была фактически блокирована - римское мореходство вряд ли позволяло поддерживать блокаду, что часто означало неминуемую опасность для , лежащего у подветренного берега, - но за ней очень внимательно следили; море поблизости патрулировали римские корабли, и шансы на то, что карфагенская галера будет брошена и отведена в бухту прежде, чем сможет достичь Европы, были по меньшей мере равны, а в случае такого вызова она, скорее всего, будет захвачена. Гораздо больше шансов на безопасность давала маскировка, и чем она была незаметнее, тем больше шансов.

Из одного из прибрежных поселков собиралась отплыть небольшая флотилия судов для осенней ловли тунцов, и Чистор решил отправиться на одном из них. Время от времени проводить несколько дней в море было одним из его мальчишеских удовольствий, а с хозяином-ветераном одного из таких судов у него было давнее знакомство, которое можно было назвать почти дружбой. Ловля тунцов всегда была слишком долгим делом для парня, у которого были свои обязанности по дому. Лодки находились в месяце или даже больше от дома, если приходилось далеко идти по отмелям, ведь тунник - рыба, живущая в основном на большой глубине. Но было решено, что в тот или иной день, когда у него появится достаточно свободного времени, дело будет сделано. Сифакс - так звали старого рыбака - ничего не знал о своем посетителе, кроме того, что тот был веселым, компанейским парнем, обладавшим достаточным запасом золотых монет. На политику он не обращал никакого внимания. Если шла война, это не имело для него никакого значения, разве что, возможно, увеличивало рынок сбыта его туннелей и повышало цену. Римлянам и карфагенянам одинаково нравились его товары; если они честно платили за них, для рыбака не имело значения, что они делали в других вопросах.

Поэтому, когда через два-три дня после визита в лагерь Гасдрубала грек постучался в дверь маленького домика Сифакса на берегу моря, его радушно встретили и не задавали неудобных вопросов.

"Ты как раз вовремя, молодой господин, - воскликнул старик, - если пришел за туннелями. Мы стартуем на закате, и, если повезет, завтра к рассвету будем среди них. Сейчас мели совсем близко, и мы можем поймать целую лодку до новолуния - оно как раз сегодня полное. Но ты, надеюсь, не торопишься, если нам придется идти дальше".

"Хорошо, Сифакс!" - ответил Чинор. "На этот раз я смогу довести дело до конца".

Старик, у которого за плечами был шестидесятилетний опыт, оказался совершенно прав в своем предсказании, что на рассвете они окажутся среди туннитов. За ночь им удалось преодолеть значительное расстояние. Сначала они продвигались медленно, потому что был штиль, и приходилось использовать переметы. Около полуночи, когда они уже вышли из-под прикрытия земли, поднялся легкий южный бриз. Широкий поздний парус был с радостью поднят, и маленькое суденышко весело понеслось вперед, делая при попутном ветре около шести-семи миль в час. Клэнор, заснувший вскоре после полуночи, изрядно утомившись от участия в гребле, был разбужен капитаном после, как ему показалось, пяти минут дремоты.

"Смотрите, - воскликнул старик, - вон они, вон там. Благодаря Дагону мы оказались среди них так быстро, как я надеялся".

И точно, примерно в трехстах ярдах от нас, на одной линии с солнцем, которое начинало поднимать багровый диск из моря, вода казалась живой от рыбы, маленькой и большой. Тунни попали в косяк сардин и были заняты погоней. То и дело несколько десятков мелких мальков дико бросались из воды, спасаясь от преследователя; позади них вода завихрялась от броска какой-то чудовищной рыбы, огромный черный плавник которой, если присмотреться, виднелся над поверхностью. В другом месте один из тунцов взмывал в воздух, и его серебристый бок сверкал в почти ровных лучах восходящего солнца. Парус уже был спущен, и, сделав несколько десятков взмахов, чтобы немного направить судно в нужную сторону, снова был отправлен. Еще через минуту маленькое суденышко бесшумно заскочило на середину отмели.

Несмотря на всю серьезность своих мыслей, Чистор был еще достаточно молод, чтобы насладиться последовавшей за этим оживленной сценой. Рыба была поймана двумя способами: гарпун - одним, а линь - другим; на крючок насаживали маленькую рыбку или кусок блестящей красной ткани. Сифакс и двое его матросов использовали первый способ. Клеанор и третий матрос, юноша примерно того же возраста, как недостаточно опытные в обращении с гарпуном, были снабжены ручными линиями.

Веселье было быстрым и яростным. С первого же выстрела капитан вогнал гарпун в бок огромного тунца. Это существо было настолько сильным, что несколько минут буксировало лодку за собой. Это придало наживленному крючку Чистора именно то движение, которое было необходимо. Вскоре он был схвачен с силой, которая вырвала леску из его руки и, несомненно, унесла бы ее совсем, если бы она не обмоталась вокруг его ноги, больше, надо признаться, случайно, чем намеренно.

Последовала острая борьба. В течение некоторого времени рыбак, казалось, не приближался к тому, чтобы заполучить свою рыбу. Она то затягивалась на несколько ярдов, то яростно бросалась снова и даже сокращала расстояние. Но леска была такой толщины и прочности, что позволяла натянуть ее, а крючок был прочно закреплен в кожистом веществе рыбьей пасти. Единственным шансом на спасение для существа было то, что сильные рывки могли расплющить колючки крючка. Этого не произошло, поскольку Сифакс тщательно следил за тем, чтобы все его снасти были самого лучшего качества, и после получасового противостояния Клиносор с удовлетворением увидел, как его добыча беспомощно и обессиленно перевернулась на бок. Он подтянул ее поближе к судну, радуясь возможности дать небольшой отдых своим пальцам, которые кровоточили от трения лески. Матрос просунул пальцы в жабры животного и с большим усилием поднял его на борт. Оно весило чуть больше ста фунтов.

Игра продолжалась до полудня, прерываясь лишь на несколько коротких промежутков, когда косяк удалялся и за ним нужно было идти. К полудню было добыто столько рыбы, что возникла необходимость принять меры по ее сохранению. Их разделявали и чистили. Наиболее ценные экземпляры погрузили в бочки с жидкостью, используемой для маринования; остальные части слегка или тщательно засолили, в зависимости от того, для какого употребления они предназначались - быстрого или иного.

"Ты принес нам удачу", - сказал Сифакс своему гостю, когда они разделили последнюю трапезу после тяжелого дня. "За весь мой опыт - а он насчитывает не менее шестидесяти лет - я не помню, чтобы мне так быстро достался такой спорт. Еще день-другой, и у нас будет полный груз, и мы снова сможем отправиться домой".

Он едва успел договорить, как его взгляд привлекло странное явление в воде, - странное, конечно, для Чистора, но слишком знакомое и понятное для старика.

"Ах! - воскликнул он, - я думал, что это слишком хорошо, чтобы продолжаться. Видите, вон тот водоворот? А вот и задний плавник этого зверя".

"Что это?" - спросил Чистор.

"Акула, конечно", - ответил старик. "Они никому не приносят ничего хорошего. Только Дагон знает, где мы снова найдем тунцов. Завтра к рассвету они будут в лигах отсюда, и неизвестно, в какую сторону они пойдут. Однако мы неплохо поработали, даже если не увидим их больше в эту луну. Ночью мы ляжем спать; утром будет достаточно времени, чтобы решить, что делать".

Клинон начал опасаться, что его эксперимент может оказаться неудачным. Он знал, что ничто не заставит старика отплыть еще на одну лигу от дома, когда груз уже будет готов. Поэтому он с радостью приветствовал появление акулы, как только понял, что оно означает, и теперь с облегчением лег спать.

И снова старый рыбак показал себя настоящим пророком. На следующее утро и в течение многих последующих утр не было видно ни одного тунца. Однако погода стояла прекрасная, и маленькое суденышко не спеша направилось на северо-восток, днем и, насколько это было возможно, ночью внимательно следя за объектом преследования.

Прошло два дня, когда массы плавающих водорослей и стаи чаек стали предупреждать капитана о том, что он приближается к суше.

"Мы выбрали неправильный галс, - сказал он Чистору, - и должны повернуть на него. Скорее всего, мы найдем рыбу на глубине, чем здесь".

"Где же мы находимся?" - спросил грек.

"Насколько я могу судить, почти в пределах видимости от Лилибея".

Клеанор почувствовал, что настало время действовать. "Не окажешь ли ты мне услугу?" - сказал он.

"Конечно, - ответил старик, - если смогу".

"Тогда высади меня на берег.

"Это довольно просто, если я не ошибаюсь в своих предположениях о нашем местонахождении. Как долго вы хотите здесь оставаться? Я не хотел бы терять эту прекрасную погоду. Что касается высадки, то мне в любом случае пришлось бы это сделать, потому что у нас не хватает воды".

"Я не хочу, чтобы вы меня ждали. Просто высадите меня и уходите".

"Что? Устали от этого дела, наверное. Что ж, мы уже давно ничего не делаем, но скоро мы должны наткнуться на туннели".

Клеанор, который, прежде всего, хотел, чтобы о нем не подумали, что он преследует какую-то серьезную цель, признал, что это время кажется ему слишком долгим. По его словам, на Сицилии у него тоже есть друзья и родственники, и было бы жаль упустить возможность нанести им визит. Поэтому было решено посадить его на берег, а заодно и пополнить запасы

воды. Он расстался со своими друзьями на самых лучших условиях. Два золотых капитану и по одному каждому члену команды отправили их в полном восторге, воспевая ему хвалу как самому открытому молодому спортсмену, с которым им когда-либо приходилось иметь дело.

Нет нужды подробно описывать путешествие нашего героя по Сицилии. В Агригентуме, недалеко от которого он высадился, он купил крепкую молодую лошадь, одну из знаменитых пород сицилийских початков, и без дальнейших приключений добрался до Сиракуз. В Сиракузах он нашел торговое судно, собиравшееся отправиться в Коринф, занял на нем место и добрался до этого города после быстрого и успешного плавания.

ГЛАВА VII. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ГРЕКОВ.

Большинство сотрапезников Клинора на борту "*Нереиды*" - так называлось необыкновенно несимпатичное торговое судно, доставившее его в Коринф, - представляли собой любопытную смесь рас и занятий. Коринф был торговой точкой западного мира, и его посещали, по делам или для удовольствия, все расы. Здесь были прорицатели из Египта, которые находили своих клиентов тем более доверчивыми, что хвастались тем, что ни во что не верят; сирийские фокусники; еврейские работаровцы; смешанный отряд коммерческих путешественников; и пара серьезных, длиннородых мужчин, которые, несмотря на свои философские плащи, были, пожалуй, самыми жадными и продажными из всех.

Один из пассажиров, однако, принадлежал к совершенно иному классу. Это был сиракузский аристократ, подтянутый и энергичный, несмотря на свои семьдесят лет, чья величая осанка и утонченные черты лица говорили о высоком воспитании и культуре. Он был потомком Архиаса, коринфского эмигранта, который за шесть веков до этого основал колонию Сиракузы, и, как он сказал Клеанору, в котором он нашел подходящего компаньона, прибыл с религиозной миссией. Узы, связывавшие греческую колонию с городом-матерью, имели определенную святость. В ней были и чувства, и взаимная выгода, но было и нечто большее - чувство сыновнего почтения и долга, которое выражалось в соответствующих торжественных мероприятиях.

"Я приношу, - сказал Архиас - он носил то же имя, что и его далекий предок, - ежегодную жертву от дочери Сиракуз к матери Коринфа. Я делал это уже более тридцати раз. Но я чувствую некое предчувствие, что больше не приду с тем же поручением. Если это означает лишь то, что мой собственный срок близок, то это ничего не значит. Я получил свою долю жизни. Боги обошлись со мной щедро, и если они позовут меня, я пойду без ропота. Но я не могу отделаться от ощущения, что дело не только в мелочах моей жизни, что какое-то зло надвигается то ли на Сиракузы, то ли на Коринф. Что касается моего собственного города, то я не вижу, откуда взяться беде. Мы уже давно склонили шею под ярмо и несем его, не напрягаясь. И несем, хотя оно и тяжелое. Но за Коринф, признаюсь, у меня много опасений. Она беспокойна, она тщеславна; у нее есть амбиции, которым она не соответствует. Боги помогут ей и спасут ее, или заберут меня, пока мои глаза не увидели ее гибели!"

Когда они приблизились к концу путешествия, Архиас радушно пригласил своего молодого друга поселиться у него на время пребывания в Коринфе.

"У меня есть квартира, - сказал он, - отведенная для меня в доме сиракузского гостя-друга. Город снимает ее для меня и выплачивает мне пособие на расходы, связанные с моим путешествием. Я чувствую себя обязанным принять его, хотя, не желая хвастаться своим

богатством, могу сказать, что не нуждаюсь в нем. Вы не должны думать, что обременяете бедного человека - вот и все. Я могу познакомить вас со всеми, кого стоит знать в Коринфе, и, если у вас есть какое-то дело, несомненно, смогу вам помочь. И, уверяю вас, мне будет приятно иметь собеседника, которого не утомят жалобы старика на новые времена".

Клино́р с благодарностью принял приглашение. Когда *Нереида* достигла порта Коринфа, оказалось, что прибытия сиракузянина уже ждали. У причала ждала колесница, чтобы доставить их в город. В апартаментах все приготовления для удобства гостей были завершены - по заведенному порядку, в доме должно быть достаточно провизии на двоих. Сначала была ванна - более чем желанная после несколько убогих условий жизни на борту торгового судна, - а после ванны - ужин, превосходно приготовленный и элегантно сервированный.

Когда трапеза закончилась, Клеанор почувствовал, что вынужден стать более откровенным со своим новым другом, чем до сих пор. Естественно, он был очень сдержан, не давая Архиасу повода предположить, что в своих путешествиях он преследует иные цели, кроме развлечения и обучения. Но он чувствовал, что было бы несколько неблагородно сохранять такое отношение, пока он пользуется столь добрым и щедрым гостеприимством. В разговоре, затянувшемся до самой ночи, он с большой свободой раскрыл свои мысли. О своих точных планах он не говорил; они едва ли были его собственным секретом; и он ничего не сказал о Гасдрубале, чувствуя - он изучал историю с умом и сочувствием, - что сиракузский аристократ вряд ли будет благосклонно смотреть на то, что исходит из Карфагена, старейшего и злейшего врага его страны. Но он в общих чертах описал свою надежду и цель - объединение всего мира под руководством греческой расы против господства, которым угрожал Рим.

Сиракузянин слушал с глубоким вниманием. "Мне было полезно, - сказал он, - послушать тебя. Я не знал, что в наше время можно встретить такой энтузиазм. Само слово вышло из моды, можно сказать, опозорилось. Раньше оно означало вдохновение, теперь - безумие. наших молодых людей не интересует ничего, кроме спорта, да и тот приходится делать за них другим. У них есть колесницы, но они нанимают людей, чтобы управлять ими; *cestus*¹³ и борцовский ринг предоставлены профессиональным атлетам. Единственная игра, в которой они не слишком вялы, чтобы заниматься своими руками, - это *коттабос*, а *коттабос*¹⁴ - это не совсем то, за что наши отцы ценили все эти вещи, - подготовка к войне. Не хочу вас отговаривать, но мне было бы жаль видеть, как вы губите свою жизнь в каком-то безнадежном деле".

"Но, если можно так выразиться со всем уважением, разве это не то же самое, что говорилось раз за разом? Может быть, в этих легкомысленных молодых людях есть что-то лучшее, чем вы думаете, чем может показаться любому человеку? Кто бы мог подумать, что Алкивиад был не более чем глупым глупцом, и все же каким солдатом он был, когда пришло время!"

"Что ж, надеюсь, ты прав, - ответил старик, - только твой Алкивиад должен поторопиться проявить себя, иначе будет слишком поздно. Но не только это, глупость и легкомыслие молодежи, удручает меня, а безнадежная подлость и зависть различных государств. Если бы я мог воскресить из мертвых самого лучшего вождя, который когда-либо был у греческого города, я бы все равно пришел в отчаяние. Теперь послушайте историю, которую я должен вам рассказать. Не думайте, что я простой ворчун, который изо всех сил старается отговорить от мыслей, слишком высоких для его понимания; я говорю на основе горького опыта. Но вы должны услышать.

"Я уже достаточно взрослый, чтобы помнить штурм и разграбление римлянами моего родного города. Мне было всего пять лет, но даже пятилетний ребенок не забывает, когда на его глазах, как на моих, убивают отца и старшего брата. Меня самого должны были убить - ведь солдаты, ужасно пострадавшие во время осады, не щадили никого, - но Марцелл сам отпустил раба, который ждал меня.¹⁵ Он позволил рабу, который присматривал за мной, отнести меня в свою хижину. Этот достойный раб и его добрая жена содержали меня пять лет из своего скудного заработка - он был рабочим в каменоломнях, а она продавала лепешки школьникам на улицах, - пока мне не исполнилось десять лет. Тогда сенат в Риме заключил договор, и мне вернули часть семейного имущества. Вы поймете, что в Сиракузах мне было очень беспокойно, но я не мог сдвинуться с места, пока мне не исполнилось двадцать пять лет, потому что в завещании моего отца был определен этот возраст для того, чтобы я стал своим собственным хозяином. Таков обычай нашей семьи, и я был слишком послушным, чтобы думать о его нарушении. Но как только я стал хозяином, я поспешил осуществить план, который давно обдумывал. Знаменитым солдатом того времени был Филопемени, аркадиец. Служить под его началом в качестве добровольца было большой честью, и заявок всегда было в десять раз больше, чем мест. Однако по большой удаче, а отчасти, можно сказать, благодаря тому, что мне посчастливилось выиграть пеший забег в Олимпии, меня выбрали. Я высадился здесь - это было более сорока пяти лет назад - и отправился к нему домой в Аркадию. Сам он только что вернулся из Спарты, которую он привел на дело Греции. Спарта, как, смею надеяться, вы знаете, всегда заботилась только о себе и очень мало о ком-либо другом. Я никогда не забуду, что произошло через несколько дней после моего приезда. Спартанцы, или, лучше сказать, реформаторская партия среди спартанцев - ибо не было еще ни одного греческого города, в котором не было бы, по крайней мере, двух партий, - почувствовали себя очень обязанными ему за то, что он сделал, и решили сделать ему подарок. Они послали трех своих главных граждан, чтобы те преподнесли его ему. Они пришли, и Филопемени их принял. Конечно, он ничего не знал о цели их прихода, и они ничего не сказали об этом. Они выглядели не в своей тарелке, что я не мог не заметить, хотя их хозяин был вежлив и любезен; но говорить они не могли. В этом человеке было что-то такое, что категорически запрещало им упоминать об этом. На следующий день они ушли, оставив свое предложение невысказанным. Но так как они вряд ли могли вернуться в Спарту с этой историей, они передали дело в руки старого друга.

"Казалось бы, избавиться от кучи золота в кармане - дело нехитрое, но этот человек так не считал. Все в Филопемени было так просто, так экономно, он казался настолько выше подобных вещей, что предложить ему деньги было невозможно. Мужчина ушел, ничего не сказав. Он пришел во второй раз, и все повторилось сначала. Не скажу только, что Филопемени теперь догадывался, что его ждет. В его глазах появился блеск, как будто он наслаждался какой-то шуткой. Что касается меня, то я был в полном недоумении. Затем трое спартанцев снова вернулись, и на этот раз они заставили себя говорить и, конечно, сделали это самым неуклюжим, самым грубым образом. Да и сумма была большая - сто двадцать талантов,¹⁶ если я правильно помню.

"Филопемени улыбнулся. Друзья мои, - сказал он, - вы бы очень плохо распорядились этими деньгами, если бы я их взял. Не покупайте друзей, они у вас уже есть. Купите врагов".

"И он показал себя хорошим другом. Тогда он еще не был на посту, а президент Лиги, имея разногласия со спартанцами по какому-то не очень важному вопросу, был за применение силы.

"Молись, - сказал ему Филопемени, - не делай ничего подобного. Ссориться с великим греческим государством, когда римляне начеку, чтобы воспользоваться нашими разногласиями, - чистое безумие".

"И когда он убедился, что говорить бесполезно, он сел на коня и поскакал прямо в Спарту - я был с ним - чтобы предупредить их о том, что будет сделано. Конечно, в течение десяти дней или около того президент прибыл с пятью тысячами своих людей и половиной римского легиона; но Спарта была готова. Им пришлось вернуться обратно, не причинив никакого вреда. Через два месяца после этого его избрали президентом - уже в восьмой раз - очень против его воли, ведь ему шел семидесятый год, и он надеялся провести остаток своих дней в покое. Но этому не суждено было случиться. В Мессене произошла революция, одна из тех бесконечных перемен, которые заставляют человека вопреки собственной совести думать, что устойчивое, непоколебимое правление способного и честного тирана - лучший вид правления, какой только может быть в государстве. Мессенцы, соответственно, отказались от Лиги. Это можно было пережить, но совсем другое дело, когда они решили захватить сильное место за пределами своих владений. Филопемени в это время лежал в Аргосе, больной лихорадкой, но он немедленно покинул свою постель и менее чем через час был уже на коне. Я был с ним; более того, я никогда не покидал его по своей воле. До наступления ночи мы добрались до его дома в Аркадии, расстояние было четыреста вёрст, а дороги были такими неровными и крутыми, каких не встретишь нигде в Греции. На следующий день он разослал по городу призыв к добровольцам. К нему присоединилось около трехсот человек - все джентльмены, которые сами снабжали себя оружием и ездили на собственных лошадях. Мы вступили в схватку с врагом и одержали над ним верх. Но они сильно укрепились, и, поскольку мы были сильно уступаем им в численности, Филопемени дал сигнал отступить. Теперь его единственной мыслью было спасти добровольцев.

"Они - кровь сердца города, - сказал он мне, - и их нельзя терять".

"Вместе с несколькими воинами, которые составляли его телохранителей, он расположился в тылу и прикрывал их отступление. Он был знаменитым фехтовальщиком, вы должны знать, и, как ни стар он был, мало кто решался сойтись с ним в ближнем бою. Но, конечно, у них были свои дротики, и вскоре он был ранен в несколько мест, как, впрочем, и все мы. А потом на очень неровной земле его лошадь споткнулась и сбросила его. Он был старым человеком, вы видите, и у него было два дня тяжелой езды, и приступ лихорадки - а это была лихорадка, которую он подхватил несколько лет назад во время похода на Крит - настигал его.

"Спасайтесь, - сказал он нам, - вы еще много лет будете нужны своей стране, а я уже старик".

"Однако он разрешил мне остаться, а остальным приказал повиноваться и уходить. Когда враги подошли, он потерял сознание. Они подумали, что он мертв, и стали снимать с него оружие, но прежде чем они закончили, он пришел в себя. У меня и по сей день закипает кровь, когда я думаю, как они с ним обращались. Они связали ему руки за спиной и повели его перед собой пешком, как он был, полумертвый от усталости и болезни".

"В ту ночь мы расположились на ночлег под открытым небом. Некоторые из воинов испытывали чувство жалости или стыда. Один одолжил ему свой плащ, чтобы уберечься от холода, хотя сам был вынужден идти без него; другой поделился с ним своим паком из хлеба, сушеного мяса и грубого вина. Вечером следующего дня мы прибыли в город Мессену, и я должен отдать справедливость горожанам, сказав, что это зрелище им совсем не понравилось. Я слышал, как многие из них проклинали человека - его звали Дейнократ, и он был таким же невоспитанным негодяем, как и все в Греции, - который отдал приказ сделать это. Но ни у кого не хватило смелости вмешаться, и Дейнократ решил закончить дело, пока

ему не помешали; ведь он прекрасно знал, что Лига не пожалеет ничего, чтобы вернуть своего президента.

Поэтому он бросил его в подземелье, которое называлось Сокровищницей, - страшную дыру без окон и дверей, а вход в нее был завален огромным камнем. "Затем Дейнократ провел поспешный совет с некоторыми из своей партии. Они единодушно проголосовали за смерть. О том, что последовало за этим, я узнал от самого палача, который был одним из рабов Дейнократа. Он рассказал следующее:

"Мой хозяин сказал мне: "Отнеси эту чашу - по виду и запаху я догадался, что это болиголов, - заключенному и не отходи от него, пока он не выпьет ее". Я вошел - до полуночи оставалось совсем немного - и застал Филопемена бодрствующим. А! - сказал он, увидев меня, - твой хозяин щедрый человек и посылает мне, я не сомневаюсь, разливное вино одного из своих самых богатых сортов. Но прежде чем я выпью его, ответьте мне, если сможете, на один вопрос. Привели ли сюда пленных?" Я ответил, что не слышал ни о каких пленных. "Никто из молодых всадников, которые были со мной?" Я сказал, что не видел их. Он улыбнулся и сказал: "Ты принес добрые вести. Не все так плохо со мной". Затем он взял чашу и выпил ее без лишних слов. После этого он снова лег. Я наблюдал за ним, но, хотя и слышал его тяжелое дыхание, он не шевелился. Незадолго до петухов я решил, что он умер, потому что тогда дыхание прекратилось, и когда я положил руку на его сердце, то ничего не почувствовал".

Так закончилась жизнь Филопемена, "последнего из греков", как назвал его мой враг, римлянин. А что, мой дорогой юный друг, может сделать Греция без греков?"

ГЛАВА VIII. КОРИНФСКОЕ СОБРАНИЕ.

Клеанор обладал слишком сангвиническим темпераментом, чтобы позволить себе отмахнуться от мрачных воспоминаний своего друга. "С тех пор все изменилось, - говорил он себе, - Рим стал более грозным. Рим стал более грозным, поскольку избавился от нескольких соперников. Инстинкт самосохранения должен заставить тех, кто остался, объединиться".

Тем не менее, он не мог скрыть от себя различные обескураживающие факты, которые сами собой бросались ему в глаза. Прежде всего его разочаровал Коринф, а точнее, коринфский народ. Само место было очень интересным; он не знал, чем восхищаться больше - великолепными остатками прошлого, которые могли показать, или свидетельствами процветающего настоящего, которыми оно изобиловало.

В одно время он поднимался на самую высокую точку цитадели, Акрокоринф, и смотрел вниз на город, переполненный храмами, публичными залами, особняками, на которые было потрачено богатство веков. В другом он проводил долгие часы, бродя по докам - то по тому, который привозил в "Город двух морей" торговлю Запада, то по тому, который был заполнен товарами Востока.

Здесь были суда всех размеров и с любым типом оснастки, укомплектованные моряками всех национальностей и привозившие товары всех стран, от берегов Атлантики на западе до отдаленных регионов на востоке, о которых ни один европеец не знал иначе как по слухам. Блоки олова и нити янтаря с далеких северных островов, слоновая кость и драгоценные камни с африканских берегов, расположенных далеко к югу от Геркулесовых столбов, железо

с Эльбы, скот и фрукты с Балеарских островов, вина с Сицилии и берегов Адриатики были одними из самых распространенных товаров в западной гавани; В восточную гавань привозили шелка из Китая, металлические изделия из Индии, как тогда, так и сейчас славившейся мастерством своих ремесленников, сушеные фрукты из Малой Азии, соль и маринованную рыбу из Черного моря, пшеницу из Египта и вина, некоторые из которых были лучшего урожая в мире, с островов Эгейского моря. Коринф был достаточно интересен и производил на чужестранца впечатление одного из самых оживленных и богатых мест в мире.

Но что же сами коринфяне? Более смешанного, можно сказать, беспорядочного народа нельзя было встретить нигде. По первому впечатлению Клестора, здесь жили представители всех народов мира, за исключением греков. Здесь были и азиаты из Малой Азии и Сирии, и желтокожие египтяне, и арабы, и мавры со всеми оттенками коричневого, и негры с их блестящей черной кожей. В противовес им можно было увидеть несколько галлов, голубоглазых и желтоволосых, чей внушительный рост, казалось, уменьшал до пигмеев толпу, через которую они пробирались. Время от времени римлянин, заметный в своей белой тоге, окаймленной узкой пурпурной полосой,¹⁷ двигался медленным, полным достоинства шагом, который, казалось, говорил о человеке, рожденном для власти. Любопытно было отметить выражение страха и ненависти, с которым на него смотрели. Снова и снова наблюдая за этой пестрой толпой, заполнившей улицы бесконечным разнообразием костюмов, цветов и нарядов, Клеанор был готов сказать: "Вот Коринф, но где же коринфяне?" А когда он все же увидел образцы истинного коринфянина, то вынужден был признать себе, что они не произвели на него особого впечатления. В городе была своя позолоченная молодежь, большинство из которых принадлежали ко второму или третьему поколению семей, обогатившихся за счет торговли, но некоторые утверждали, что они Вакхиады,¹⁸ или даже потомки мифического Сизифа, который основал город четырнадцать веков назад. Более развратного, расточительного и в целом бесполезного народа он никогда не видел. Они не претендовали на культуру, содрогались от одной мысли о походе, даже спорт на арене был слишком тяжел для их женоподобных тел. Клеанор чувствовал, как его дух падает, а надежды уменьшаются с каждым днем, ведь Коринф теперь был столицей Греции. Архиас, его хозяин, наблюдал за ним с сочувственным интересом. В былые времена он и сам испытывал нечто похожее на энтузиазм, и ему была знакома невыразимая боль, когда приходилось признавать, что это заблуждение.

"Знаешь ли ты, - обратился он к своему молодому гостю через десять дней после их приезда, - что завтра состоится важное заседание Ассамблеи?"

"Я слышал, как Полемон что-то говорил об этом сегодня. Он спросил одного из молодых парней, игравших с ним в *коттабо*, думает ли он о том, что пойдет, и, похоже, очень удивил его этим вопросом. Полемон, видите ли, живет в Коринфе не больше года и еще не вполне уловил коринфскую манеру поведения. Он даже не представляет себе, что человек может интересоваться общественными делами. Вы бы слышали удивление в голосе его друга, когда он ответил ему: "Идешь на собрание, говоришь? Дорогой друг, я никогда не был в Собрании и, конечно, никогда не буду, пока меня не сделают епархом или как там это называется, и тогда мне придется, я полагаю. И завтра из всех дней в году! Разве ты не знаешь, что Пинтокл из Мегары приедет со своей командой перепелов, а я собираюсь встретить его со своей? Мы заключили пари на сто золотых на это событие. Если одна сторона убьет всех птиц другой стороны, проигравший должен заплатить двойную ставку. В любом случае победитель должен устроить ужин для проигравшего и его друзей. Вот уж воистину, "Собрание"! Это все, что я слышал об этом".

"Тогда мне лучше просветить тебя", - ответил Архиас. "Ты знаешь, что собрание созвано, чтобы выслушать посланников из Рима, которые изложат условия, на которые готов согласиться сенат. Ты должен быть там. Тебе будет очень интересно, что бы ни думали по этому поводу эти молодые джентльмены со своими командами боевых перепелов".

"Конечно, я хотел бы пойти, но как я туда попаду? В Афинах очень строго следили за тем, чтобы не пускать никого, кто не является гражданином".

"Не беспокойтесь на этот счет. Здесь они совсем не привередливы. Просто следуйте за толпой. Вас никто не остановит".

Так и вышло. У входов в огромный амфитеатр, где проходило заседание Собрания, стояли привратники, но они не пытались никого не пускать. Усевшись, Клеанор оказался посреди толпы, почти столь же пестрой и многоголосой, как и та, на которую он привык смотреть на улицах. Никто не мог предположить, что среди них есть настоящие коринфские граждане. В четвертом часу¹⁹ было назначено время начала работы, и толпа провела этот промежуток времени примерно так же, как это делает в наши дни ожидающая толпа. Они приветствовали или шипели на каждого известного гражданина, когда тот занимал свое место, выкрикивали остроты, которые, казалось, нравились тем больше, чем грубее и личнее они были, пели песни шумными хорами и вообще поддерживали непрекращающийся гвалт. Мужчины, несущие корзины с пирожными и сладостями или кувшины с вином, сновали туда-сюда между рядами сидений и оживленно торговали своими товарами.

В шумной толпе наступила тишина, когда после сигнала, поданного трубой, двери, ведущие в так называемую ложу магистратов, распахнулись, и в нее вошли чиновники, которым предстояло вести дела этого дня. В их приеме не было ничего примечательного, но когда стали видны фигуры двух римских посланников, буря стонов и шипения разразилась в десять раз громче и яростнее, чем самая шумная манифестация, встретившая самого непопулярного коринфянина. Оба римлянина отнеслись к этому с характерным равнодушием, заняли отведенные им места и с величайшей беспечностью наблюдали за разъяренной толпой.

После того как вой и топот продолжались около четверти часа, демонстрация стала затихать. Один из магистратов бросил несколько зерен ладана в огонь, горевший перед ним, и налил немного вина, бормоча при этом обращение к Зевсу, божеству-покровителю Коринфа. Это было равносильно тому, что мы "открываем заседание молитвой". Закончив эту церемонию, глашатай объявил, что собрание созвано, и председательствующий магистрат вышел вперед, чтобы открыть заседание.

Его речь была самой краткой. "Граждане Коринфа, - сказал он, - вы собрались сегодня, чтобы выслушать условия, на которых сенат и народ Рима готовы заключить с вами договор о вечной дружбе. Они прислали двух знатных граждан, членов сената, которые изложат вам суть дела и которых вы примете с той вежливостью, которую в Коринфе принято проявлять к послам других народов".

Римляне вышли на авансцену. На несколько мгновений они были встречены повторением шума, которым было встречено их первое появление. Но собрание искренне желало услышать, что они скажут, и возмутители спокойствия затихли.

Рим сделал греческому народу комплимент, отправив к нему посланников, которые могли обратиться к нему на его родном языке. Тит Манлий - так звали старшего посланника - был одним из самых культурных людей того времени, принадлежал к кругу Сципиона и

испытывал неподдельное восхищение Грецией, Грецией прошлого, поскольку к Греции настоящего он относился с презрением. Однако в данный момент ему хотелось угодить и примириться.

Когда стало ясно, что он собирается выступить перед собранием без помощи переводчика, его встретили аплодисментами, которые возобновились после того, как он произнес несколько фраз с беглостью и чистотой акцента, которые произвели большое впечатление на слушателей, немногие из которых, действительно, могли бы соперничать с ним в этих отношениях. Когда же он в нескольких хорошо поставленных фразах перешел к комплиментам своим слушателям по поводу достоинства и древности их города, а также услуг, которые они оказали Греции, отразив варваров извне и обуздав неоправданные амбиции изнутри, его встретили громкими аплодисментами.

Но после комплиментов пришло дело, после сладостей - горечь. Первым заявлением было то, что сенат и народ Рима желают, чтобы каждый греческий город пользовался полной свободой, избирал собственных магистратов и управлялся по собственным законам.

Это было воспринято с некоторыми аплодисментами, хотя собрание было достаточно проницательным, чтобы понять, что подобное обобщение может означать не так уж много.

Оратор продолжил: "Каждый город может заключать такие союзы, которые покажутся ему целесообразными, при условии, что они не будут наносить ущерб общественному спокойствию. Ни один город не может быть принужден к заключению или отказу от какого-либо союза против своей воли".

При этих словах раздались громкие возгласы неодобрения. Кардинальным пунктом Лиги, правящим членом которой был Коринф, было то, что каждый город Греции должен вступить в нее. В это самое время Спарта настаивала на своем праве стоять особняком, а другие государства во главе с Коринфом настаивали на том, что она должна присоединиться к ним. И вот теперь Рим высказался в пользу Спарты.

Третий пункт программы порадовал зрителей еще меньше, так как задел их гордость за самое больное место. "Римский гарнизон будет занимать цитадель до тех пор, пока дела не будут окончательно улажены. Оккупация будет только на время и прекратится, как только это можно будет сделать без ущерба для общественного блага".

Но когда было объявлено последнее условие, оно было встречено совершенной бурей гнева. "Стремясь содействовать общему благосостоянию Греции, сенат и народ Рима постановляют, что остров Делос должен быть свободным портом".

Это было понятно всем. Свобода, в конце концов, была не более чем чувством, а союзы - делом правителей. Даже гарнизон в цитадели можно было вытерпеть, ведь это означало трату немалых денег. Но Делос - свободный порт! Это было выше всяких сил. Во всем Собрании не было ни одного человека, который не стал бы от этого беднее.

Римлянин едва успел сесть, как председатель Лиги Критолай вскочил на ноги и разразился яростной речью, в которой обличал лицемерие, высокомерие и жадность Рима. По мере того как он говорил, темперамент его слушателей поднимался все выше и выше. Вся толпа вскочила на ноги, заывая и потрясая кулаками над римлянами, которые спокойно и безучастно сидели на своих местах. И все же кризис, каким бы опасным он ни казался, мог бы миновать, если бы не озорной поступок какого-то полубезумного парня, пробравшегося в собрание.

"Что касается этих людей, которые пришли сюда, чтобы оскорбить нас, - вскричал оратор во время произнесения своей речи, - пусть они принесут своим работодателям на родину весть о нашем единодушном презрении и неповиновении". "И это тоже, - крикнул мужчина, - в знак нашего расположения", бросив при этом гнилую смокву. Она ударила одного из посланников по плечу, оставив на белой тоге обезображивающее пятно. "Хорошо! Хорошо!" - закричала толпа, и за этим последовал целый дождь таких же снарядов. Следом полетели камни, а затем свинцовая пуля, выпущенная из пращи, ударила в стену позади кресел римлян, пролетев всего в нескольких дюймах над их головами.

Магистраты осознали всю серьезность ситуации. Они отвечали за порядок, ни в коем случае не хотели быть скомпрометированными и с тревогой чувствовали, что за возбуждение, вызванное таким разбирательством, придется дорого заплатить. Они схватили двух римлян за руки и буквально вытолкали их из здания через дверь, которая служила частным входом для официальных лиц. Снаружи их ждал обычный эскорт. Под такой защитой посланники смогли благополучно добраться до цитадели. Они получили несколько ударов, но серьезных травм не нанесли.

РИМСКИЕ ПОСЛАННИКИ В КОРИНФЕ ВЫНУЖДЕНЫ ПОКИНУТЬ АМФИТЕАТР.

"Что ты думаешь об этом?" - спросил сиракузец своего молодого друга, когда они шли обратно к своему жилищу.

"Поистине тяжкое дело и самое худшее предзнаменование для будущего", - ответил Клеанор.

"Да, - сказал Архиас. "Кто может не думать о Тарентуме, о том, как испачкалась и снова стала белой мантия Постумия²⁰".

ГЛАВА IX. В ТЕРМОПИЛЕ.

До сих пор опыт Клинора был явно разочаровывающим. Но он все еще не терял надежды, пытаясь утешить себя мыслью, что Греция означает гораздо больше, чем маленький участок страны, носящий это название. Ее можно было найти в Египте, в Сирии, в лучших регионах Малой Азии; и страной, откуда исходило самое мощное греческое влияние, были не Афины, не Спарта, не одно из древних государств, а полуварварская Македония. Далее следовало посмотреть, какие перспективы сулила Македония.

Сезон для морских путешествий уже наступил, и Клинор с радостью присоединился к группе, которая собиралась отправиться по суше в Пеллу, старую столицу Македонии. Путь пролегал через ряд знаменитых мест. Изучение истории уже давно познакомило его с их названиями и ассоциациями. Теперь они впервые предстали перед ним с самым живым интересом, который достиг своего апогея на знаменитом Фермопильском перевале. Место, которое сейчас изменилось под действием природы и времени почти до неузнаваемости, тогда было мало изменено. Стена, за которой заняла свою позицию греческая армия, хотя и была почти разрушена, все еще была видна; курган, на котором бессмертные триста человек сделали свой последний шаг, можно было легко узнать. Так же как и могилу героев с эпитафией, столь уместной в своей простоте и скромности,²¹ которую написал для нее поэт Симонид. Рядом находилась отдельная гробница доблестного царя Леонида, с собственной, не менее счастливой эпитафией.²² Клеанор с сожалением заметил, что местного патриотизма не хватает, чтобы поддерживать эти памятники великолепного прошлого в приличном состоянии. Буквы надписей так заросли мхом, что расшифровать их было очень трудно. Некоторые камни на могиле Трехсотлетнего были не на своем месте, и пройдет немного времени, прежде чем все это придет в упадок. Лев тоже выглядел побитым, почти обветшалым. Какая-то шаловливая рука, возможно, коллекционера реликвий, - а это занятие было столь же беспринципным в своей жадности к образцам тогда, как и сейчас, - отколола часть одного из ушей. Пьедестал был покрыт грубо вырезанными инициалами, ибо эта глупая практика была столь же любима праздными руками в древнем мире, как и сейчас.

Молодой человек с грустью размышлял о том, что общественный дух так скандально пренебрегает национальной славой, как вдруг получил еще один грубый удар по своим чувствам. Во время утреннего марша - а было уже около полудня, когда они остановились на перевале, - было сказано что-то о том, что соплеменники близ Термопиле обладают не самыми лучшими характерами, но это было сказано в полушутливой форме, и Клеанор не придал значения этому замечанию. Не обратил он внимания и на то, что отряд, который, впрочем, вскоре исчерпал свой скромный интерес к этому месту, прошел еще некоторое расстояние, чтобы сделать привал на полуденную трапезу на открытой местности за Воротами.²³ Из задумчивости его вывела рука, грубо положившаяся на плечо. Через мгновение к нему вернулись случайные утренние слова. Он с силой шарахнулся в сторону, освободившись таким образом от хватки незваного гостя. Мгновенно развернувшись лицом к мужчине, он нанес ему сильный удар прямо в плечо, от которого тот рухнул на землю. Но он был безоружен, если не считать короткого кинжала, который он носил на поясе и который должен был служить скорее для пира, чем для поединка. И он был побежден. На мгновение, правда, он был свободен; нападавший был один. Но, оглянувшись вверх и вниз по Перевалу, он увидел небольшие отряды вооруженных людей, продвигавшихся в обоих направлениях. Бегство тоже было невозможно, так как по обе стороны от него высились отвесные скалы. Ничего не оставалось делать, как смириться со своей участью, которая, очевидно,

заклучалась в том, чтобы попасть в плен к разбойникам. Бросив кинжал на землю, он поднял руки в знак сдачи.

Из одного из приближающихся отрядов вышел человек, одетый и вооруженный несколько лучше, чем его спутники - они были оборванными, плохо - экипированными, - и подошел к нашему герою. Ничто не могло быть более вежливым, чем его манера обращения.

"Вы извините нас, сэр, - сказал он, - что мы задержали вас на короткое время. Ничто, кроме служебных обстоятельств, не могло побудить нас причинить вам неудобства".

Парень, которого Чистор сбил с ног, поднялся на ноги и угрожающе подошел к нему.

"Замолчи, Лачес", - сказал вождь. "Мой друг поступил совершенно правильно и естественно. Вы позволили себе большую вольность. Положить руку на плечо джентльмена! И ваш удар, сэр, был нанесен хорошо, - продолжал он, обращаясь к Чистору. "Вы не в первый раз, как мне кажется, используете свои кулаки. Очень красивый удар! Я очень рад оказать столь скудное гостеприимство, как у меня, столь высокому гостю. Полагаю, вы обещаете не покидать нас, пока мы не улучшим наше знакомство. Мне то и дело приходилось надевать наручники на друзей, которые были настолько скромны, что хотели уйти. Но вы, сэр, я знаю, примете мою дружбу так же откровенно, как и предложите ее".

Чистор не был уверен, что эта изощренная вежливость является улучшением более жестоких манер обычного бандита, но решил, что лучше принять ситуацию с такой демонстрацией добродушия, с какой он только мог справиться. "Я буду рад, - сказал он, - улучшить свое знакомство с этой интереснейшей вашей страной. Но у меня есть важные дела в Пелле, и ради них приходится откладывать даже самые привлекательные удовольствия".

"Я с удовольствием соглашусь с вашими взглядами, - ответил вождь разбойников с изысканным поклоном, - хотя не могу не сожалеть о том, что что-то может сократить ваш визит".

Пройдя по перевалу около двухсот ярдов, они свернули на тропинку с правой стороны и начали подниматься по крутому подъему.

"Это та самая тропа, господин, - сказал вождь, - по которой Эфиальт привел персов, чтобы захватить царя Леонида и его армию в тылу. Этот злодейский предатель был, к моему сожалению, уроженцем Малии, единственным бесчестным человеком, которого когда-либо порождало это место. Я сам имею честь родиться там".

Через час бодрой ходьбы они вышли на небольшое травянистое плато. Здесь они сошли с тропы и, пробравшись через заросли илекса, достигли входа в пещеру в склоне горы. Вход был узким и настолько низким, что человеку даже среднего роста приходилось наклоняться, чтобы пройти под ним; зато пещера была просторной и возвышенной.

"Помещение моих людей, - сказал вождь, взмахнув рукой, - довольно темное, как вы видите, но сухое и довольно теплое. Мои собственные апартаменты находятся немного дальше в этом направлении".

Еще один дверной проем, не похожий на тот, через который они вошли, вел из большой пещеры в пещеру поменьше. Как заметил Клеанор, она была отгорожена толстой дверью, обитой железом.

"Я люблю иногда побыть один, - объяснил вождь. "Наши друзья тоже иногда немного бурно веселятся, и шум мешает мне заниматься".

Как показалось Чистору, такое расположение служило не только для защиты, но и для уединения. В пещере поменьше, как он понял по лучу света, пробивавшемуся сквозь стену, тоже был отдельный выход.

Она была обставлена с некоторым комфортом. В одном из углов стояла кушетка, в центре, вокруг очага, на котором тлело несколько палок, были набросаны покрывала и шкуры. На стенах висели пара охотничьих копий, лук и колчан, а над дверью, ведущей во внешнюю пещеру, была задернута занавеска.

"Добро пожаловать в мой дом, - сказал вождь, - бедное место, но лучшие люди жили и в худших условиях. Если у вас есть деньги, лучше позвольте мне позаботиться о них. Мои люди в целом неплохие парни, но не стоит им слишком доверять. Они обычные фокийцы, вы должны знать, а не люди из Малии".

Клеанору снова пришлось поступиться необходимостью. Он предусмотрительно отправил в Пеллу денежный перевод, чтобы дожидаться прибытия в это место, и взял с собой не более того, что могло понадобиться в пути. Эти двадцать золотых он держал в кошельке на поясе: [24](#), который он сейчас достал и протянул вождю. Тот осмотрел его, не без извинений, и пересчитал монеты. Клеанору показалось, что лицо его несколько осунулось, когда он обнаружил, что их так мало. Однако его манеры оставались такими же веселыми и дружелюбными, как и прежде, а разговоры, которые он лил непрерывным потоком, были столь же умными, сколь и забавными.

"Солнце, должно быть, уже почти село, - сказал он, глядя в проем в крыше, - многолетняя практика позволила ему очень точно определять время суток по изменению света, - и к этому времени вы должны быть готовы к ужину. Я могу предложить вам лишь скромную трапезу, но вы понимаете, что здесь нам приходится несладко. Однако мои соседи очень добры, и у нас всегда достаточно еды, хотя ее качество время от времени оставляет желать лучшего".

Открыв дверь, соединявшую две пещеры, он обратился к Лахесу - тому самому, с которым у Клестора произошла стычка в начале дня.

"Скажи Персису, - сказал он, - чтобы он как можно скорее дал нам что-нибудь поесть. Ты присоединишься к нам, Лахес, - добавил он, - когда все будет готово, если, конечно, у тебя остался аппетит".

"Я подумал, что это также хорошо, - объяснил он, - чтобы устранить любую небольшую болезненность, которая может быть в сознании этого человека. Он будет готов поклясться в вечной дружбе за фляжкой вина".

Вскоре морщинистая старуха, выглядевшая как идеальная повариха разбойничьей пещеры, внесла дымящееся блюдо с жареным ребенком, гарнированным луком. Хлебом служили плоские лепешки из того, что мы должны называть "демпер", поскольку последний, как объяснил вождь, редко удавалось приготовить из-за отсутствия дрожжей. Из бочки, стоявшей в углу пещеры, был извлечен кувшин красного местного вина, который в нужный момент сменился флягой величественных размеров, содержавшей богатое вино с Лесбоса.

"Это, - сказал вождь, - мой добрый друг Кларилай, эпарх Лариссы, был достаточно любезен, чтобы снабдить меня этим".

Клеанор открыл глаза. Фермеры и пастухи, возможно, сочли бы за благо купить терпение разбойника пошлиной со своих стад, но неужели такой сановник, как эпарх, готов платить за шантаж? Вождь улыбнулся.

"Может быть, я объясню, - сказал он, - что мы наткнулись на повозку эпарха, когда она направлялась в Лариссу с побережья. Поскольку вина там было явно больше, чем он мог использовать - лесбийское вино плохо хранится, - я решил, что часть должна была предназначаться мне. Он славится своим винным вкусом, и я думаю, вы поймете, что это его заслуга".

Вскоре стало ясно, что лесбийское вино обладает не только вкусом, но и силой, так как оба разбойника стали общаться по мере того, как фляга становилась все светлее.

"Расскажи нам свою историю, Лахес, - сказал вождь. "Когда я ее слышу, мне всегда становится легче. Наша жизнь здесь не совсем идеальна. Мой старый учитель в Академии, Филипп, вряд ли одобрил бы ее. Да, мой юный друг, я тоже бывал в Аркадии, или, вернее сказать, в Афинах, хотя и не выгляжу таковым; но я всегда утешаю себя мыслью, что есть воры и похуже меня. Продолжай, Лахес".

Рассказ мужчины был таков: "Я был пастухом.

"По роду занятий я был пастухом. Мой отец был пастухом, и его отец до него был пастухом, и его отец тоже, на протяжении многих поколений. Да, много сотен лет, но не всегда. В семье существовала традиция, что когда-то мы были князьями, владели всей землей, на которой паслись стада, за которыми мы ухаживали, и многим другим. Мы верили, что происходим от самого великого Фессала²⁵. Что ж, мы были вполне довольны. Наш хозяин был веселым молодым парнем, немного легкомысленным и слишком готовым наложить на себя руки, если дела шли не так, как ему хотелось, но добрым и щедрым. Бедняга! Его убил дикий кабан. По правде говоря, он выпил слишком большую чашку. Это была его привычка, причем дурная привычка, очень дурная".

Лачес был совершенно искренен, хотя его собственная речь стала немного густой.

"Утром мы нашли кабана и потеряли его. После полуденной трапезы - он допивал флягу пьянящего чиана - мы снова нашли зверя. Мой хозяин метнул одно из двух своих охотничьих копий и ранил его в плечо. Он был немного взволнован и метнул копье слишком рано, да и прицелился плохо. Кабан бросился на него, и мой хозяин опустился на одно колено, чтобы принять удар. Он снова запыхался, и копье оказалось не совсем прямым. Я бежал изо всех сил, но было уже поздно. Когда я подбежал, он лежал на земле с такой страшной раной в бедре, какой я никогда не видел. Он умер, не дожив до двадцати.

"Потом начались наши беды. Хозяин не был женат, и все имущество перешло к дяде, самому старому скупердю в Фессалии. Говорят, в молодости он был расточительным; из таких людей, как я слышал, всегда получают худшие скряги. Как бы то ни было, он был настолько плох, насколько это вообще возможно. Не прошло и недели, как он стал урезать нас во всем. Раньше нам полагалось полдрахмы²⁶ за каждого барашка, которого мы выращивали. Этого лишили. Мало того, мы должны были исправлять все, что погибло. "Ваша вина, - говорил он, - ваша вина; вполне здоровый ягненок". Все ягнята, по его словам, были вполне здоровы. То же самое было, если одного убивал волк, а волков в этой части страны ужасно много. То, что раньше было нашим лучшим временем - сезон ягнения, - стало худшим. К тому времени, когда мы возместили все убытки, от нашей зарплаты осталось совсем немного. Потом он стал брать с нас деньги за каждую палку дерева, которую мы подбирали. Нам не разрешалось ловить рыбу или ловить птицу. Муку мы должны были покупать на его мельнице; это был сырой, меловой материал, больше похожий на птичью известь, чем на муку. Кислое вино, гнилое сукно, вонючая соленая рыба - все это мы должны были покупать у него. На каждом шагу этот негодяй наживался на нас. Что касается нашего жалованья, то увидеть

обол27 из него было редчайшим событием. В большинстве месяцев он выводил баланс не в ту сторону".

"Короче говоря, мы с бедным отцом влезли к нему в долги. И что же сделал этот негодяй, так это взял мою сестру - такую хорошую и красивую девушку, каких не было во всей стране, - и продал ее в рабство, в уплату долга, как он сказал. Он позаботился совершить это злодейство, когда мы - то есть я и будущий муж девушки - пасли овец на летних пастбищах в холмах. Мы славно встретили возвращение домой; мой старый отец умер - у него случился удар в тот день, когда уносили его дочь, и он умер через час, - а моя сестра ушла. Она вырвалась из рук работорговца, когда они переправлялись через Пеней, бросилась в реку и утонула - лучшее, что могло с ней случиться, бедняжка!

"Конец, смею надеяться, вам известен. Злодей, мой хозяин, был найден мертвым в своей постели - его горло было перерезано от уха до уха - через три дня после этого. Они поймали Агатона - это был любовник, как вы понимаете, - и распяли его. А я здесь".

"Но, - вскричал Клеанор, - разве здесь нет законов?"

"Законы!" - ответил вождь, - "Законы в изобилии. Но вопрос в том, кто ими управляет?"

"Полагаю, римляне", - ответил Клеанор.

"Мне бы только хотелось, чтобы они это делали", - был неожиданный ответ. "Тогда мы могли бы добиться хоть какого-то правосудия. Нет; они оставляют дело в руках богачей, и только один из ста имеет в себе хоть искру совести или жалости. Запомните это, молодой сэр. У меня в отряде двенадцать человек, и ни один из них не может похвастаться такой же плохой историей, как та, что рассказал нам Лачес. И в каждой из них угнетателем был один из наших людей. А теперь, без сомнения, вы готовы ко сну".

В эту ночь юноша долго не мог уснуть, и мысли его были полны мрака. Он не мог не испытывать опасений за себя. Его похитители, правда, были вежливы и даже дружелюбны, но он знал, что такие люди ведут свои дела, руководствуясь строгими принципами бизнеса, а одним из неизменных принципов было избавление от пленника, выкуп за которого не был получен вовремя. У него, конечно, были средства в руках купца в Пелле, но как он должен был себя идентифицировать? К тому же его опыт до сих пор был весьма удручающим. Что бы он ни нашел в других местах, до сих пор он не встретил энергичной, единой, патриотичной Греции, о которой мечтал.

Он заснул поздно, и сон его был легким и тревожным. Как только наступил рассвет, его разбудил вождь.

"Вставай, - сказал мужчина, - нет времени терять, если не хочешь, чтобы тебя задушили, как крысу в норе".

Клинон поднялся на ноги. Тонкие клубы дыма пробивались сквозь щели дверного проема между двумя пещерами и различные расщелины в стене. Ошеломленный внезапно своего пробуждения, он обратился к вождю за объяснениями.

"Разве ты не понимаешь? Они выследили нас и теперь выкуривают. Я не собираюсь бросать своих людей. Они не из простых, но они преданно служили мне, и я буду служить им. Но для вас это пустяки. У вас есть время, чтобы сбежать, не теряйте его. В дальнем конце пещеры вы найдете несколько ступеней. Идите по ним; они приведут вас к отверстию под крышей, достаточно большому, чтобы в него можно было пролезть. Это вход в узкий проход, который

ведет на вершину холма. Никто, кроме меня, его не знает; хорошо, что у меня был свой способ выбраться. Но сейчас я не собираюсь им пользоваться. Идите осторожно: проход очень темный, и в нем есть опасные места. А вот и ваш кошелек. Мне жаль, что я помешал вам в вашем путешествии. Мы принимали вас совсем не за того, кем вы являетесь. Но все же вы кое-чему научились. Если можете, думайте о нас хорошо. Даже у разбойников есть что сказать в свое оправдание".

Времени на разговоры не было. Чистор без особого труда вскарабкался к входу в проход. Но сам проход оказался ужасным. Как и говорил вождь, здесь царила кромешная тьма, и греку приходилось нащупывать путь, ползая на руках и коленях. Дважды путь обрывался, как ему казалось, в пропасти, так как он слышал далеко внизу шум падающей воды. Но, исследуя стену слева, он обнаружил достаточно широкий выступ, чтобы по нему можно было проползти. Наконец, после нескольких часов напряженного труда - впоследствии он убедился, что времени прошло гораздо меньше, чем казалось, - он увидел вдалеке слабый свет. Вскоре он вышел на открытое пространство на склоне холма, возвышающегося над равниной на четыреста футов.

Вскоре Клеанор столкнулся с крестьянином. Тот был в курсе случившегося. Он видел фессалийские войска на марше и по дыму, поднимавшемуся со склона холма, догадался о тактике, которую они применили. Из разговора мужчины стало ясно, что разбойники не были непопулярны в округе. Как правило, они платили, и платили обильно, за припасы. Короче говоря, их считали друзьями бедняков, как это часто бывало и раньше, и впоследствии. Человек вывел Чистора на короткую дорогу, что позволило ему догнать свой отряд, который без дальнейших приключений добрался до Пеллы. Бандиты, как он слышал во время пребывания в Македонии, пали в отчаянной схватке с нападавшими.

ГЛАВА X. АЛЕКСАНДР ЩИПАЧЕВ.

Прибыв в столицу Македонии, Клеандр первым делом отправился к купцу, которому был сделан денежный перевод. По имени Осий он ожидал найти в нем своего соотечественника и был несказанно удивлен, обнаружив, что тот - иудей. Старик, который легко переносил свои сорок лет и был таким же проникательным и острым в делах, как и в расцвете сил, был очень радушен и гостеприимен. Его дом внешне выглядел очень убого - евреи уже начали использовать этот почти универсальный способ сокрытия своего богатства, - но на самом деле был большим и великолепным особняком. Однако за время своего пребывания здесь Чистор видел его лишь мельком и вскользь. Его собственные покои находились в пристройке, предназначенной для гостей, не принадлежащих к древнееврейской расе. Она была полностью отделена от основного здания, а обслуживание осуществлялось отдельным штатом рабов.

Хосий - именно в такую форму было переделано настоящее имя купца, *Хошеа*, - много интересного рассказал своему гостю. Он был очень откровенен в своих рассуждениях.

"Я не очень строг, - сказал он, - мне достаточно быть одним из тех, среди кого я живу. Я называю себя Хозиус. Это имя легче произносится их устами, чем мое собственное. И греческая мода и уклад вполне меня устраивают. Но молодое поколение не удовлетворено. Мой сын Давид - сторонник строгости, и я вынужден подтрунивать над ним ради спокойствия дома. Видите ли, он был одним из "праведников",²⁸ как они себя называли. Он служил под

началом Иуды Молота три года с лишним; был с ним, когда тот пал при Элаиме, и был оставлен умирать на поле боя. Именно он заставил меня построить гостевую палату, где ты сейчас находишься. До этого я принимал гостей в собственном доме. Но он этого не позволяет; он скорее умрет с голоду, чем будет есть с язычником, как он называет всех, кто не из народа. Я и сам с этим не согласен. Но он хороший молодой человек, гораздо лучше своего старого мирского отца, и мне не хочется перечить ему".

Так случилось, что Давид в это время отсутствовал дома, отправившись в Иерусалим, чтобы присутствовать на празднике Посвящения и заняться семейными делами своего отца; его рвение ничуть не мешало ему быть отличным деловым человеком. Старый Хосий воспользовался его отсутствием, чтобы увидеть своего гостя больше, чем это было бы возможно в противном случае. Откровенность и ум молодого человека очень привлекали его; с другой стороны, ему было что рассказать о делах, в которых Клеанор был глубоко заинтересован. Разговор часто заходил о деяниях еврейских героев Маккавеев. Старый купец, при всей своей циничности и светскости, по-настоящему гордился своими соотечественниками. У него были замечательные истории о стойкости и мужестве, о нежно лелеемых женщинах, переносящих неслыханные муки, о матерях, на глазах которых все их дети были замучены до смерти, чем нарушили закон, и о мужчинах, которые спокойно шли на верную смерть, если могли таким образом добиться спасения своей страны.

Эти истории он всегда преподносил с чем-то вроде извинения. Он слышал их от своего сына. Он был уже слишком стар, чтобы восторгаться чем-либо, но все же его молодому другу было бы интересно их послушать. Затем, когда он рассказывал их, его глаза загорались, а голос трепетал почти вопреки ему самому.

"Послушайте, - рассказывал он, - нам запрещено есть свиную плоть. Я осмелюсь сказать, что вам это кажется очень смешным, хотя, кстати, ваш Пифагор не позволял своим ученикам есть бобы. Тем не менее закон есть закон, и, будь он мудр или глуп, мужчина или женщина, которые скорее умрут, чем нарушат его, - благородная душа. Царь Антиох поклялся, что над ним не будут издеваться рабы, а этот гончий осмелился говорить о нашем народе. То, что было достаточно хорошо для него, было достаточно хорошо и для них. Если он решил дать им хорошую пищу, они должны ее есть, закон это или не закон.

"К нему привели мать-еврейку и семерых ее сыновей и попытались склонить их к своей воле. Старший из семерых встал и заговорил от имени своих братьев. "То, о чем ты просишь, царь, противоречит нашему закону, и мы скорее умрем, чем сделаем это". Антиох в гневе воскликнул: "Разве он говорит так со своим господином? Отрежь ему язык". Зачем мне рассказывать вам всю эту ужасную историю. Они растерзали его и жестоко сожгли, пока он не умер. Вторым принесли. "Будешь ли ты есть?" - крикнул король. "Не буду", - ответил тот. И они поступили с ним так же, как с первым. Так они поступали с ними один за другим. И все это время те, кто остался, и сама женщина увещевали каждого из них мужественно терпеть и скорее умереть, чем сдаться. Так продолжалось до тех пор, пока не остался один, самый младший из семи. Слушай, юноша, - сказал ему король. Эти шестеро погибли в своем безрассудстве. Будь же мудр. Съешь эту пищу, которая, несомненно, является одним из благ, дарованных нам богами, и я возведу тебя в почет". И когда отрок, а он был еще совсем юн, отказался, царь обратился к матери, пытаясь убедить ее, чтобы она, в свою очередь, убедила своего сына. Через некоторое время она притворилась убежденной. "Я уговорю его, о царь", - сказала она. Но ее убеждения сводились к следующему: "Пожалей меня, сын мой; помни, что я родила и вскормила тебя; терпи, что бы ни сделал этот мясник, чтобы я получила в грядущем мире всех семерых из вас и не потеряла ни одного". И он тоже выдержал и умер.

А после того как семеро были убиты на ее глазах, была убита и мать. Скажи мне, - вскричал старик, - была ли какая-нибудь спартанская мать из всех них равна этой?

"И еще, послушайте рассказ Елеазара, прозванного Зверобойным, о том, что он сделал, когда Иуда Молот сражался с войском царя Антиоха у дома Захарии. Царь привел с собой несколько слонов. Вы знаете этого зверя, если вы родом из Африки, и знаете, что он не так страшен, как кажется, и едва ли более склонен причинять вред своим врагам, чем друзьям. Но позвольте мне сказать вам, что тот, кто видит его впервые и не дрожит, храбрее многих мужчин. Так и случилось, что наши солдаты не на шутку перепугались при виде его. Тогда этот Елеазар, который был братом Иуды, увидев, что один из зверей больше остальных и великолепно экипирован, словно нес самого царя, яростно бросился на компанию, в которой он находился - ведь вокруг каждого зверя была целая рота солдат, - убивая направо и налево, пока не добежал до зверя. Грудь и плечи зверя были защищены медными пластинами, но живот, как недосыгаемый, остался без защиты, и тут Елеазар нанес ему сильный удар мечом и продолжал наносить удары, пока зверь не упал замертво и не придавил своим падением этого храброго еврея".

Что касается молодого грека, то он был поражен, обнаружив, что этот фанатичный и суеверный народ - так он всегда привык думать об иудеях - может похвастаться воинами и государственными деятелями, не уступающими тем, кого создал его собственный народ. Сам Леонид со своими тремя сотнями не проявил при Фермопилах более отчаянной храбрости, чем Иуда Маккавей со своим скудным отрядом последователей при Элаиме; Фемистокл не продемонстрировал более тонкого и искусного государственного управления, чем Ионафан. И хотя иудей вызывал у него восхищение, он был вынужден презирать грека. Антиох Великолепный, как он сам себя называл, Безумный, как его называли все, кто не входил в круг придворных подхалимов и льстецов,²⁹ выглядел очень плохо рядом с Иудой Молотом.

Еще одним крайне тревожным фактом для молодого человека было следующее. Где эти патриоты нашли союзников? Не в каком-нибудь греческом царстве - все они были объединены против них, - а в Риме. Именно в Рим обратился Иуда в своем крайнем положении, и именно в Риме он нашел помощь. Сын старика был секретарем посольства, отправленного Иудой по этому случаю, и изложил свои впечатления от увиденного и услышанного в письме к отцу, которое старик теперь показывал своему гостю. Оно гласило:

Я не убежден, что наш вождь поступил правильно, ища союза с этим языческим народом, ибо разве Господь Бог наш не заповедал нам не иметь дел с идолопоклонниками? Как же мы сможем отделиться от них, если они станут нашими друзьями и будут сражаться на нашей стороне в битве? Но вот что я признаю: если и позволительно иметь в друзьях какой-либо народ из язычников, то это Рим. Я много слышал о том, что совершили эти римляне, и о том, что в мире нет ни одного народа, который смог бы им противостоять. Величие их достижений казалось немыслимым; но после того, что я увидел в Риме, в них больше нет ничего невероятного. Они делают царей и не делают их, но ни один из них не надевает корону на свою голову и не одевает себя в пурпур. В их городе нет царского дворца, но есть Сенат, в котором триста двадцать человек, каждый из которых годится в цари, заседают изо дня в день, давая советы о благосостоянии народа. Каждый год они выбирают двух человек, которым поручают управление государством и командование войсками. Все беспрекословно повинуются этим двоим, и нет среди них ни зависти, ни подражания.

Но когда Клеанор заговорил об особой цели своей миссии, старик оказался очень сдержанным. "Ты хочешь увидеть принца Андриска, ибо именно под этим именем его знали некоторые из нас, или Персея, как мы его теперь называем, как я понимаю. Что ж, я могу представить вас ко двору, но это все, что я могу сделать. И я бы посоветовал вам не возлагать слишком больших надежд на то, что вы можете увидеть или услышать сейчас".

Представление было дано, но дальше, казалось, ничего не получится. Король, как он сам себя называл, всегда был слишком занят, чтобы давать аудиенции. Но при всей его занятости Клеанор так и не смог понять, что хоть что-то делается. Не было ни сбора войск, ни сбора запасов. Зато было много пиров, а в театрах шли прекрасные представления - не пьесы, до которых македонцам не было дела, а зрелища, на которые, столь великолепные, были потрачены огромные деньги. Царь нашел время посмотреть на них, и хотя его везли на закрытой колеснице - способ передвижения, который Клинор всегда считал женоподобным, - никто не мог отрицать, что его сопровождающие были великолепными людьми и носили великолепные доспехи.

Наконец грек получил давно обещанную встречу. Первый взгляд на принца или претендента, как бы мы его ни называли, произвел на него сильное впечатление. Он обладал одним из тех необыкновенных личных сходств, которые часто выручали претендентов. Его лицо и фигура напоминали столь знакомый по статуям, картинам и монетам образ великого Александра, как и сам Александр был похож на Ахилла, настолько он был схож с традиционными изображениями знаменитого героя. Второй и более продолжительный взгляд на лицо помог развеять иллюзию. Подбородок был впалым и слабым; полные, чувственные губы были раздвинуты так, как обычно обозначают недостаток решимости; глаза были тусклыми и немигающими; привычная невоздержанность уже придавала коже цвет, который еще несколько лет сделает ее обезображенной. Когда он заговорил, его голос - а нет большей приметы, чем голос, - был грубым и некультурным.

Клеанор вручил принцу грамоту, которую ему передал Гасдрубал. Тот несколько мгновений смотрел на нее, а затем бросил секретарю. После этого у грека появились основания полагать, что принц не умеет читать и что единственным его литературным достижением является тщательно выполненная подпись. Он задал несколько банальных вопросов о ходе осады Карфагена и перспективах на будущее, но, похоже, не слушал ответов. Затем, похоже, устав от серьезных тем, он перешел к более приятным темам - развлечениям и спорту. Случайно вспомнив об опыте Чистора в ловле тунцов, принц воспрянул духом.

"Я пойду, - сказал он более решительно, чем прежде, - и попробую поймать их сам". Проследите, - продолжал он, обращаясь к одному из главных придворных чиновников, - чтобы у вас все было готово для экспедиции на следующий день после завтрашнего дня". Тот поклонился; он привык видеть, как появляются и исчезают эти капризы. "Вы поедете со мной, - сказал он Чистору. "Пообедай со мной сегодня, и мы все обсудим".

МАКЕДОНСКИЙ ПРЕТЕНДЕНТ ИСПОЛНЯЕТ ПИРРОВУ ПЛЯСКУ.

Но к обеду прихоть была забыта. Настала очередь боевого настроения, что было частым явлением в часы застолий Претендента. Рапсодист, без особого мастерства напоминающий слепого менестреля из "Одиссеи", декламировал из "Илиады" о доблестных деяниях Ахилла, а ближе к вечеру сам Притворщик исполнил, насколько позволяли ему несколько нетвердые ноги, пиррову пляску. Клеанор с отвращением покинул зал под громом аплодисментов, которыми было встречено это представление. Его бесила мысль о том, сколько времени и сил он потратил впустую на этого жалкого наездника. Не от таких, как он, можно было получить помощь, чтобы остановить растущее могущество Рима. Его разочарование усугубилось известием, которое ждало его по возвращении в дом. Хозяин вложил ему в руки только что принесенную депешу. Это была депеша от Гасдрубала, которая гласила:

Гасдрубал - Клинору, приветствие.

Сегодня я узнал от друзей в Риме, что среди главных людей племен уже решено, что Сципион будет избран консулом на ближайший год. Кто-то возразит, но скорее для проформы, чем всерьез, что он еще не достиг возраста, необходимого для должности консула. Но народ устал от некомпетентных людей и намерен выбрать того, кто, по их словам, унаследовал судьбу Карфагена. Пусть Геракл отвлечет это предзнаменование! Но будьте уверены, что это будет сделано, и что, будучи сделано, это будет много значить. Поэтому возвращайся со всей возможной скоростью. Если вы нашли друзей для нашей страны, призывайте их сделать все возможное без промедления. Никогда еще мы так не нуждались в помощи и не были так готовы ее оказать. Но в любом случае возвращайтесь сами. Нас ждет большая работа и большая честь; и нет ничего, на что, если боги будут благосклонны к нашей стране, вы не могли бы надеяться или, скорее, требовать. Прощайте!

Клеанор ничего не делал, хотя, по справедливости, можно сказать, что ему нечего было делать; и он с облегчением понял, что наконец-то перед ним открылся план действий. Две стороны в великой борьбе сближались; он знал, где находится его собственное место, и не мог занять его слишком рано. Но выяснить, как ему туда попасть, было непросто. Делегация Гасдрубала добиралась до него почти два месяца, ведь она была отправлена вскоре после его собственного отъезда из Африки. Уже близился конец года, а с новым годом в Риме должны были состояться выборы консулов. Сципион, придя к власти, не позволит траве расти у себя под ногами; сам он тоже не должен терять времени, если хочет хоть чем-то послужить Карфагену. К счастью, в его распоряжении было достаточно средств. С помощью Хосия он нашел быстроходную пинасу, владелец которой за десять мин³⁰ был готов рискнуть опасностями зимнего плавания. Бодрый норд-ост доставил их в Коринф за три дня. Добраться из Коринфа в Патре было легко, ведь в Коринфском заливе, не имеющем выхода к морю, зимой и летом не прекращалось движение. Там он оказался на регулярном маршруте между Востоком и Италией - маршруте, по которому совершалось столько необходимых дел, что он никогда не был полностью закрыт. В Патре он нашел римского чиновника, только что назначенного в комиссариат армии в Карфагене, который направлялся в Рим. Он ожидал прибытия корабля, который должен был причалить к нему, направляясь из Амбракии в Брундизий.

По прибытии корабля, которое состоялось на следующий день, Клинор отправился на борт вместе со своим новым знакомым, и ар ранга отправился с ним в Италию. Он принял облик студента в Афинах, покинув этот город на время из-за беспорядков, которые, казалось, неминуемо должны были произойти в Греции. Он достаточно знал это место по своему прежнему месту жительства, чтобы с успехом сыграть эту роль, и убедился, что на борту нет ни одного настоящего студента.

В Брундизиуме их встретило известие о том, что предсказание римского корреспондента Гасдрубала сбылось - Сципион был избран консулом на этот год, а его провинцией стала Африка. Их информатор описал эту сцену как сцену неопишуемого энтузиазма. Племена просто отказывались слышать любое другое имя. Предлагались кандидаты, заслуживающие доверия и даже имеющие высокую репутацию, но это было лишь немое шоу: голоса предлагавших их утопали в непрерывном реве "Сципион! Сципион!"

Было созвано спешное заседание сената, на котором была принята резолюция, приостанавливающая действие закона, устанавливавшего квалификационный возраст в

сорок два года. Народ был так поглощен избранием своего фаворита, что нелегко было убедить его дать ему коллегу. Собрание распалось, Рим предался безумному ликованию, которое не могло бы быть сильнее, если бы Карфаген уже пал. Каждый из них абсолютно верил, что он "рожден для разрушения Карфагена", а такая вера имеет свойство исполняться.

Теперь Клинор оказался в очень сложном положении. Ему пришла в голову дерзкая мысль, что он может поступить на службу в войска, которые собираются отправиться из Италии, и, прибыв в Африку, воспользоваться случаем и дезертировать. Но этот план был не только опасен, так как существовал большой риск быть обнаруженным, - Сципио был одним из тех людей, чьи глаза видны повсюду, - но и выглядел бесчестным. Но без уловки не обойтись, и совесть не запрещала Чистору прибегнуть к ней.

Счастливый случай освободил ему дорогу. Его попутчик, офицер комиссариата, случайно вспомнил, что он говорил о том, что направляется на Сицилию, и спросил его, не знает ли он случайно что-нибудь о рынке кукурузы на этом острове. Итальянские поставки, на которые предъявлялись значительные требования, несомненно, будут недостаточными, а из Африки, истощенной войной, ничего нельзя было получить. Клеанор, не желая говорить того, чего нет, заявил, что у него есть дядя в Агригентуме, который занимается этим делом, что он едет к нему домой и доставит любое послание, которое будет удобно отправить.

Римлянин с радостью ухватился за это предложение. Он записал количество бушелей пшеницы, которое ему, вероятно, понадобится, и цену, которую он готов дать. Детали дела, способы транспортировки, условия оплаты и прочие вопросы можно было уладить с агентом, представлявшим Рим в Агригентуме. Он также вручил нашему герою так называемый *диплом* - слово, которое мы можем представить в некотором роде как "паспорт", но которое на самом деле означало гораздо больше. Его обладатель мог требовать лошадей и кареты, словом, любые орудия передвижения, принадлежавшие государству. Без этого вряд ли было бы возможно продолжать путь. Предстояла большая кампания, и все виды транспорта были практически задействованы.

С этим документом в руках Чистору все было открыто; он обратился к купцу, с которым, хотя и не был знаком, но имел некоторое знакомство, и передал ему приказ римлянина. Сделав это, он как можно быстрее добрался до побережья, где ему посчастливилось найти небольшое судно каботажного плавания, которое как раз отправлялось в Африку. Это скромная торговля, которая, к счастью для тех, кто ее ведет, продолжается во все времена войны. Это судно занималось ею, и благодаря его своевременной помощи Клинор через два дня оказался в Африке, а еще через два - в Карфагене.

ГЛАВА XI. ДВА ГАСДРУБАЛА.

Клеанор застал улицы Карфагена в состоянии дичайшего смятения. Новость, которая привела его сюда с такой поспешностью, произвела глубокое впечатление на сам город. Имя Сципиона обладало в Карфагене не меньшей силой воздействия, чем в Риме. Только в Африке оно предвещало поражение и гибель, а в Италии казалось верным предзнаменованием успеха. Тем не менее, дух нации не был сломлен. Это одна из особенностей великой семьи человечества, к которой принадлежал народ Карфагена, -

отчаянно сражаться, когда его заставляют стоять на месте. Самые долгие и упорные осады в истории случались, когда какой-нибудь семитский народ оказывался отброшенным к своему последнему оплоту.

Теперь пунийцы были готовы оказать такое же яростное, непреклонное сопротивление, с каким два столетия спустя их сородичи-евреи встретили непреодолимое нападение того же врага. Одним из шагов, предпринятых не без неохоты, но абсолютно необходимых в сложившейся ситуации, было введение в стены армии, которая до этого времени стояла лагерем снаружи. Это войско состояло в основном, почти полностью, из наемников, а Карфаген никогда не доверял своим наемникам больше, чем мог помочь. У нее часто возникали с ними проблемы; однажды их мятеж привел ее почти к разорению. В связи с этим был принят закон, согласно которому они никогда не должны входить в стены в большом количестве. Теперь этот закон должен был быть отменен. Было бы опрометчиво рисковать сражением в поле, когда поражение могло означать так много; с другой стороны, оборона города нуждалась во всех людях, которых только можно было найти, если мы хотели, чтобы она была должным образом гарнизонована.

Прибыв в город, Клеанор обнаружил, что процесс переброски внешней армии в город идет полным ходом. Дороги, ведущие к воротам, были заполнены пестрой толпой, ведь Карфаген нанимал своих солдат из самых разных мест. Здесь были всевозможные оттенки кожи, от светловолосых сыновей кельтов или тевтонов из Северной Европы до толстогубых, шерстистых негров цвета черного дерева, которых весть о карфагенских богатствах привлекла из отдаленных областей даже за пустыней. Языки, на которых они говорили, были столь же разнообразны, как и цвет их кожи. Один писатель, рассказывавший о великом восстании наемников за сто лет до этого, сказал³¹, что единственным общим для них словом было что-то вроде "убивать". Они были все такими же полиглотами и, так, по крайней мере, казалось Чистору, почти такими же дикарями. Большая часть разговоров, которые он подслушивал, пробираясь по людным дорогам, была для него неразборчива, но он понимал достаточно, чтобы убедиться, что среди них царят гнев и подозрительность.

Он намеревался предложить себя в качестве гостя Гасдрубалу, который командовал войсками в стенах города. Гасдрубал был внуком короля Масиниссы и наверняка окажет ему дружеский прием. Но уже поздно вечером он не смог вырваться из толпы, запрудившей все подступы к городу, и решил отложить вручение верительных грамот до завтрашнего дня. В этих обстоятельствах он с радостью принял приглашение Гиско, которого мои читатели могут помнить как офицера другого Гасдрубала, разделить с ним его покои. Они находились в гостевом зале, пристроенном к дворцу первосвященника Мелькарта.

На вечерней трапезе присутствовала большая компания офицеров, и когда вино, по вкусу и крепости вполне достойное священнических погребов, прошло по кругу, в разговоре не было особой сдержанности. Присутствие Чистора осталось незамеченным, или, возможно, как гость и друг Гиско, предполагалось, что он сочувствует взглядам, которых придерживаются остальные члены компании. Вскоре слушателям стало ясно, что против Гасдрубала, командовавшего городской армией, испытывают очень сильные чувства.

"Мне не нравится эта порода", - сказал один из соседей Клестора. "В нем более чем достаточно крови Масиниссы, а Масинисса, как я понимаю, был самым страшным врагом Карфагена".

Клеанор напрасно прислушивался к более определенным словам. Казалось, считалось само собой разумеющимся, что человек с таким происхождением не может быть верен своей стране. Никто не осмеливался утверждать, что он предал Карфаген. Никто не мог привести

ни одного случая ошибки или небрежности. Не отрицалось даже, что он с большим успехом руководил обороной города. Разумеется, на его долю не выпало такого бедствия, как сокрушительное поражение, которое другой Гасдрубал потерпел за четыре года до этого от рук царя Масиниссы. Молодой грек с трудом подавил в себе сильное желание выступить в защиту обвиняемого; но он видел, что его вмешательство бесполезно. Лучшая, фактически единственная услуга, которую он мог оказать несчастному, - это предупредить его об опасности.

Вопрос заключался в том, как его предупредить. Покинуть пансион в ту ночь было невозможно. У дверей были расставлены часовые, и их нельзя было миновать без дозора, а этого он, как оказалось, не знал. Все, что он мог сделать, - это позаботиться о том, чтобы утром не потерять время. К счастью, Гиско, чьи покои он делил, - гостевой дом был переполнен компанией до отказа, - был офицером на страже на следующий день. Перед самым рассветом санитар разбудил его ото сна и, дав ему слово на день, которое он сообщил себе на ночь, оставил его, чтобы снять караул.

Через полчаса после этого Клинор, удовлетворив вызов часового, вышел за ворота и, поспешив по пустынным улицам, направился к особняку Гасдрубала. Генерал настолько не подозревал об опасности, что даже не позаботился поставить часового у своих ворот. Сонный портье принял Чистора без вопросов, хотя и не без ворчания по поводу несвоевременности столь раннего визита.

Огромный негр, спавший у дверей генерала, не пропустил его так легко. Поскольку тот не понимал ни слова ни по-карфагенски, ни по-латыни, ни по-гречески - неплохая квалификация для чиновника, вынужденного отказывать неприятным посетителям, - спорить было бесполезно. Клеанор, чувствуя, что нельзя терять ни минуты, чтобы разбудить генерала, повысил голос до самого громкого, в результате чего уже через минуту Гасдрубал открыл дверь своих покоев.

Он был немного знаком с греком, знал его историю и имел общее представление о миссии, с которой тот только что вернулся.

"Входи, - сказал он, - тебе рады. А ты", - обращаясь к негру, - "принеси две чашки *мульсума*³²."

Клеанор вкратце изложил причину своего визита, и Гасдрубал выслушал его с невозмутимым спокойствием.

"Не знаю, - сказал он, когда рассказ был закончен, - удивлен я или нет. Должен признаться, что я не ожидал такой формы нападения, но я предполагал, что мой тезка сделает все возможное, чтобы сместить меня с места, как только получит приказ ввести свои войска в стены. Я прекрасно понимаю, что теперь, когда вся наша армия собрана в единое целое, должен быть один генерал, и я должен был быть готов подать в отставку. Но после того, что вы мне сказали, я должен смириться с этим; уйти в отставку означало бы почти признать, что в том, что говорят эти болваны и те глупцы, которые за ними следуют, что-то есть. Сегодня в полдень должно состояться заседание Сената, на котором будет обсуждаться вопрос о командовании. Разумеется, я буду там. Вот и все; но вы должны понять, что я вам безмерно обязан. Я собирался предложить вам должность в своем штабе, но, поскольку дела обстоят так, как обстоят сейчас, чем меньше вам придется иметь дело с подозреваемым человеком, тем лучше для вас. Если все сложится более благоприятно, чем я опасаюсь, мы обязательно поговорим об этом еще раз".

"Но, сэр, - с жаром вклинился грек, - конечно, невозможно, чтобы Сенат слушал такие вопиющие нелепости, как эта. Ведь в Карфагене нет ни одного полководца с таким послужным списком успехов, как у тебя".

"Мой дорогой юный друг, - ответил генерал, - ты нас не знаешь. Карфагеняне всегда подозревают своих генералов. Мы всегда сражаемся с веревкой, так сказать, на шее. Если мы побеждаем, они боятся, что мы станем слишком могущественными, и защищают себя ударом кинжала или щепоткой яда в нашем вине. Если же мы терпим поражение, нас ждет обычное наказание. Они распинают нас в качестве поощрения для наших преемников. Ими движет не месть, а подозрение. Они не могут представить, что их можно победить иначе, как вероломством. Это ужасная ошибка, и Карфаген страдает от нее, оказавшись в гораздо худшем положении, чем Рим. У Рима есть план, который выглядит как сущее безрассудство. Она берет человека, потому что он пользуется популярностью у городских лавочников и ремесленников, а также у деревенских крестьян, и ставит его командовать своей армией. И все же это хорошо работает, потому что римляне доверяют друг другу. Как великолепно они поступили, когда их консул Варро почти довел их до гибели, потеряв армию при Каннах! Сенат и народ вышли ему навстречу и благодарили за то, что он не отчаивается за республику. И действительно, республика, в которой возможны такие вещи, никогда не должна отчаиваться. Но говорить об этом бесполезно. А теперь о себе. Уходите из этого дома как можно скорее и заходите в отдельную дверь, которую вам покажет негр. Нет, ни слова больше. Карфаген не позволит мне больше служить ей, но она не должна потерять и вас. Прощай!"

Гасдрубал коснулся маленького гонга, стоявшего у его кровати, и, когда негр появился в ответ на вызов, дал ему краткое указание:

"К почтовым воротам этого господина".

Чистор последовал за своим проводником, и через некоторое время его вывели в безлюдный переулок, который шел сзади дома Гасдрубала. Он добрался до своих покоев еще до того, как остальные гости приступили к утренней трапезе.

Разумнее всего, конечно, было остаться в стороне и наблюдать за развитием событий. Однако такое благоразумие было чуждо его нраву. Гасдрубал был наследственным другом его семьи и состоял в родстве со старым королем, от которого Клинор получил столь неожиданную любезность. Существовал лишь малейший шанс, что он сможет оказать ему какую-либо помощь; но Чистору казалось неблагодарным и даже бесчеловечным оставаться в стороне. Но что же ему оставалось делать? Прежде всего, он столкнулся с непреодолимой трудностью - заседания Сената, разумеется, были закрытыми. Как же он мог попасть на них? Однако это препятствие вскоре было устранено. Гиско принес ему послание от своего шефа, что тот вызван на заседание Сената и желает, чтобы он присутствовал на нем в качестве одного из его телохранителей.

Заседание сената, проходившее, как обычно, в храме Ваал-Хаммона, известного также как Молох, представляло собой впечатляющую сцену. На двух тронах в восточной полукруглой нише здания, соответствующей святилищу в еврейском храме или алтарю или апсиде в христианской церкви, восседали два царя или шофетима в одеждах из богатейшего тирийского пурпура, с богато украшенными диадемами на головах. Перед ними стояли полукруглые скамьи, заполненные членами Внутреннего сената, как его можно назвать. Едва ли кто-то из сотни - а именно этим числом она была ограничена - отсутствовал на своем посту. Дальше находились другие скамьи, расположенные аналогичным образом и предназначенные для Четырехсот или Внешнего сената. Сразу стало ясно, что, какими бы ни

были обычаи, это собрание, по крайней мере, не было закрытым. Тело храма было заполнено огромной толпой, отделенной от самого собрания лишь небольшим деревянным барьером. Гасдрубал из лагеря, как мы его называем в порядке различия, сидел как раз внутри этого барьера; его телохранители располагались рядом с ним, но по внешнюю сторону барьера. Другой Гасдрубал занимал свое обычное место в качестве одного из членов внутреннего сената.

После того как заседание было открыто с обычными церемониями, старший царь призвал Маго, сына Гамилькара, внести предложение, о котором он сообщил. Маго, пожилой человек, чей облик сильно выдавал его, если он не был воплощением пунического недоброжелательства, превратившегося в поговорку, встал на свое место и произнес речь, отличавшуюся выверенной сдержанностью.

"Вот уже несколько дней в городе ходят слухи, что Карфагену недобросовестно служат некоторые из тех, кому она поручила должности большого достоинства и важности. На одного человека указывали особо. Со своей стороны я отказываюсь верить, что солдат, не раз отличившийся на поле боя, может быть неверен стране, которой он так хорошо служил. Но лучшая услуга, которую можно оказать человеку, которого обвиняют - не могу ли я сказать, что клеветают, - это дать ему возможность защищаться. Поэтому я предлагаю, чтобы Гасдрубал, сын Маго - почему я должен воздерживаться от упоминания имени, которое у всех на слуху, - был призван дать сенату любые объяснения, которые он сочтет нужным сделать".

Одобрительный ропот пронесся по толпе, когда оратор сел на место. Обвиняемый встал на свое место, но прежде чем он успел заговорить, вмешался другой сенатор.

"Я не вижу, - сказал этот сенатор, - что Гасдрубал, сын Маго, должен что-то объяснять. Против него не было выдвинуто никаких доказательств. Я даже не слышал никаких обвинений, кроме тех, что ходят против него. А какой есть человек, против которого не ходят слухи? И чем лучше человек, тем злее слухи. Я предлагаю Сенату перейти к следующему делу".

Из толпы поднялся ропот, отнюдь не означавший одобрения. Гасдрубал, который занял свое место, пока последний оратор выступал перед сенатом, снова поднялся.

"Мне нечего объяснять, - сказал он. "Вы знаете меня, кто я такой и что я сделал".

"Да, мы знаем тебя!" - раздался голос из толпы. "Внук этого проклятого разбойника, Масиниссы".

Это имя было встречено яростным воем толпы, за которым последовали оглушительные крики "Разбойник!". "Предатель!" Гасдрубал, не дрогнув, встретил этот шум. Но это был час такого безумия, которое делает людей слепыми и глухими ко всему, что может взывать к их лучшим чувствам. Кое-что можно сказать не в оправдание, а в объяснение этого неистовства. Имперская раса, воспитанная в традициях величия, почувствовала, что приближается час рабства или исчезновения, и разбушевалась, как дикий зверь в сети. Ничто, оказавшееся в пределах досягаемости его ярости, не могло быть пощажено. Толпа хлынула вперед, деревянный барьер подался, и отведенное сенаторам пространство в одно мгновение заполнилось беснующейся толпой.

Клеанор успел мельком увидеть бледное, но все еще решительное лицо обреченного человека. В следующее мгновение оно исчезло.

Он бросился вперед с криком: "Спасите его!", но, будучи безоружным, так как в здании не разрешалось иметь оружие, чувствовал себя совершенно беспомощным. В сущности, он ничего не мог сделать, и, к счастью для себя, ему даже не позволили попытаться. Его схватили сзади за руки и набросили на голову плащ. В следующее мгновение он почувствовал, что его поднимают с земли и несут неизвестно куда. Он не мог даже сопротивляться, так как обе руки и ноги были ловко зафиксированы, а его голос заглушался накинутым на голову покрывалом.

Когда через полчаса с него сняли плащ, он оказался в маленькой камере, где не было никого, кроме раба, который, судя по всему, был глухонемым, поскольку на все вопросы отвечал одним лишь жестом - прикладывал палец к губам.

Еще через полчаса появился Гиско.

"Мой дорогой друг, - сказал он, - простите мне эту жестокость, которая была бы непростительна, если бы не была единственным способом спасти вашу жизнь. Поверьте, у вас есть друзья, которые, я надеюсь, скоро найдут более приятные способы проявить свою добрую волю, чем те, к которым они были вынуждены прибегнуть сегодня утром. За тобой следили с тех пор, как ты появился в Карфагене, хотя ты об этом не знал. У Совета повсюду есть шпионы, и они знают свое дело. Они знали, что ты друг Гасдрубала, и были уверены, что ты сделаешь все возможное, чтобы помочь ему. Они проследили за тобой до его дома, услышали, что ты сказал ему, а он - тебе, и донесли об этом вождю. Он очень привязался к тебе и дал мне *карт-бланш* делать все, что я пожелаю, лишь бы ты не подвергался опасности. Так что, если в способе вашего спасения было что-то грубое, винить нужно именно меня. Поверьте, вы бы пожертвовали собой ни за что. Спасти Гасдрубала было невозможно. Дело в том, что ему давно следовало принять предупреждение, которых у него было предостаточно. Ему снова и снова говорили, что внук Масиниссы никогда не будет в безопасности в Карфагене, и он должен был давно уехать. Разумеется, я ничего не говорю против него. Он был упрям, но это было благородное упрямство. Он знал, что непорочен, и хотел спасти Карфаген".

"И что с ним случилось?" - спросил Клеанор.

"Боюсь, что самое худшее, - ответил Гиско, - но большего я не знаю. Я был занят твоим делом и ничего не видел".

Впоследствии Клеанор услышал эту шокирующую историю от очевидца. Толпа, возглавляемая некоторыми из сенаторов - его информатор был уверен, что некоторые из них приложили к этому руку, - сорвала скамьи с креплений, разломала их на куски и забила несчастного до смерти. Жертва не оказала никакого сопротивления, даже не издала ни единого крика.

ГЛАВА XII.

СЦИПИОН ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ.

Клеанор, хотя у него и не было доказательств причастности Гасдрубала к только что совершенному преступлению, не мог избавиться от подозрения, что тот имеет к нему отношение. Никто не извлек из этого большей выгоды; он присутствовал при совершении преступления и не произнес ни слова, не пошевелил пальцем, чтобы помешать ему. Такого

подозрения было достаточно, чтобы сделать неприятной для молодого человека любую должность, на которой он вступал в тесный контакт с генералом. Да и личные привычки Гасдрубала были отвратительны на его вкус. Этот человек был склонен к обжорству. Он обладал достаточно ясным умом и некоторым военным мастерством, но огромные порции, которым он предавался, приводили его в состояние оцепенения, которое лишало сил на большую часть дня.

Поэтому Чистор был несказанно рад, когда благодаря добрым услугам Гиско его прикрепили к штабу одного из лейтенантов Гасдрубала, Химилько по имени. В ведении Гимилько находился участок стены, выходящий к морю, длиной около четырех стадий. В обязанности Чистора, которую он делил с другим офицером, входило следить за тем, чтобы дозорные были бдительны в течение ночи. Каждый из них отвечал за две из четырех вахт: один нес первую и четвертую, другой - вторую и третью.

В это время главный интерес осады был сосредоточен в этой точке, где, как казалось, римлянам придется столкнуться с очень серьезными трудностями. Второй командир осаждающих, специально отвечавший за флот, офицер скорее предприимчивый, чем рассудительный, увидел, как ему казалось, шанс значительно отличиться.

Воспользовавшись длительной штилевой погодой, чтобы подойти к берегу ближе, чем обычно, он заметил, а точнее, ему указал на это один остроумный молодой офицер, часть крепостных валов, которая казалась недостаточно защищенной. Стена здесь проходила по вершине обрыва, настолько крутого и труднодоступного, что могло показаться излишним дополнять искусством то, что дано природой. Однако такие места, хотя и кажутся самыми прочными, на деле часто оказываются самой слабой частью укреплений.³³ По счастливой случайности Манцинус - так звали римского адмирала - узнал, что скалы отнюдь не так труднодоступны, как казалось. Один из рыбаков, промышлявших на побережье, прибыл на борт адмиральского корабля с грузом рыбы на продажу. Его спросили, есть ли способ подняться на скалы, он ответил, что есть, и пообещал за пару золотых выступить в качестве проводника. Манцин, дождавшись непроглядной ночи, высадил на берег отряд примерно в тысячу человек. Проводник выполнил свое обещание и указал им путь, который, благодаря небрежности осажденных, оказался совершенно неохраняемым.

Некоторое время все шло хорошо. Дозорные стали считать этот путь тем, которым можно пренебречь без риска. Когда им случалось отправляться на службу, они привыкли спать так же беззаботно, как если бы находились в своих постелях дома. Около пятидесяти или шестидесяти нападавших успели взобраться на стены с помощью лестниц, когда была объявлена тревога. Осажденные организовали летучий отряд из пятисот человек, в задачу которых входило быть готовыми к любой чрезвычайной ситуации и сразу же спешить туда, где они могут понадобиться.

Эти силы подошли на полной скорости, и те немногие, кто успел взобраться на стену, были быстро выбиты. Сделав это, командир приказал открыть ближайшие ворота и вышел во главе своих людей. Но он не ожидал, что ему будет противостоять столь грозная сила. Его подразделение было полностью перебито и отброшено назад в стены, а римляне пробились через ворота, которые не успели закрыть, вместе с отступающим врагом.

Теперь обе стороны получили подкрепление: карфагеняне - свежие отряды из гарнизона, римляне - сам Манцин с еще одним контингентом из флота. В результате боя, который продолжался всю ночь, римляне отступили от стен, но заняли довольно сильную позицию снаружи.

В прежние времена, когда мысль о том, что карфагенская территория может быть успешно захвачена, еще никому не приходила в голову, один из богатых купцов города построил себе особняк на ровном участке между стеной и скалой. Особняк был окружен просторными садами и огородами, которые опять же были защищены от посягательств посторонних глубоким рвом и стеной необычной высоты. Здесь Манцинус и закрепился. Он все еще лелеял надежду, что ему удастся закрепиться и использовать эту позицию в качестве отправной точки для успешных операций против города. Каким великолепным достижением было бы, если бы он смог опровергнуть общепринятое мнение, если бы оказалось, что именно Манцин, а не Сципион, был завоевателем Карфагена! И действительно, он был настолько прав, что ему всегда приписывали заслугу первого, кто поселился в пределах самого Карфагена.³⁴

Однако на данный момент его положение было шатким. У него не было с собой никаких запасов провизии, кроме того, что людям было приказано нести пайки на три дня. Припасы, конечно, можно было получить с кораблей, но только до тех пор, пока сохранялась хорошая погода. Неделя сильного ветра с моря привела бы к абсолютной голодной смерти. Воды и так не хватало. Строитель особняка предусмотрел достаточный запас для большого семейства, но на две-три тысячи человек его не хватало. К тому же, помимо трудностей с едой и питьем, положение было не из тех, которые можно было удерживать постоянно. Стена вокруг особняка, например, не была военным укреплением. Она предназначалась для того, чтобы отгонять разрушителей, а не для того, чтобы противостоять таранам.

Таково было положение дел, когда Клеанор принял командование. Прошло два дня с тех пор, как Манцинус занял позицию за стенами, а он уже был в бедственном положении. Случилось непредвиденное, на случай которого он не предусмотрел ничего. С моря дул сильный ветер, и капитаны флота сочли благоразумным отойти от берега. Карфагеняне были прекрасно осведомлены о положении дел. Они перехватили гонца, доставившего в штаб срочный призыв о помощи, и знали, что, если погода не изменится, римляне будут доведены до крайности. Разумеется, их политика заключалась в том, чтобы сидеть тихо и ждать. Действительно, существовал хороший шанс, что, если тараны будут энергично биться о стены, можно будет пробить брешь и успешно провести штурм. Но штурм, каким бы ни был результат, стоил бы многих жизней. А из всех людей никто не обязан быть более бережливым к жизни, чем тот, кто командует гарнизоном осажденного города; и это по той простой причине, что он не может надеяться получить рекрутов. Еще через два-три дня римлянам пришлось бы капитулировать или сражаться в крайне невыгодном положении. Сципиона, правда, теперь ожидали ежедневно, и, если он прибудет вовремя, то обязательно предпримет энергичные усилия для спасения своих соотечественников. Но то, что он прибудет вовремя, казалось почти невозможным.

Но карфагеняне не знали Сципиона. Сам Клеанор, который, как мы видели, имел возможность оценить замечательные качества этого человека, был застигнут врасплох, настолько энергично и стремительно действовал римлянин. С той удивительной прозорливостью, которую он не стеснялся приписывать божественному побуждению и которую мы, во всяком случае, можем назвать гениальной, он специально подготовился к такому случаю, который произошел на самом деле. Он отобрал десять самых быстрых кораблей из флота, сопровождавшего его из Италии, и посадил на них отборный отряд в пятьсот человек. С этой эскадрой он опередил более медлительных мореплавателей не менее чем на сорок восемь часов, что, как оказалось, было неоценимой экономией времени.

Он достиг Утики, которая находилась в двадцати семи милях к западу от Карфагена, на закате того дня, когда Манцинус отправил свой призыв о помощи. Двое из трех гонцов,

отправленных с этим поручением, были схвачены, но один сумел ускользнуть от карфагенских дозорных и добрался до Утики в полночь. Сципион не терял ни минуты. Его собственные люди были готовы к немедленным действиям, но их было недостаточно для той работы, которую им предстояло выполнить.

В Утике он нашел помощь в изобилии. В начале войны он провел в этом городе семь месяцев, командуя расквартированным там отрядом. Влияние его неординарной личности сказалось в Утике, как и везде. И стар и млад в городе были преданы ему. Был сформирован батальон добровольцев, почетным трибуном которого он согласился стать. Уже поздно, он послал по улицам глашатая с уведомлением, что эти силы должны немедленно собраться в порту. Не прошло и часа, как батальон собрался в указанном для *встречи* месте в полном составе, не отсутствовал ни один человек, за исключением полудюжины неспособных по болезни. Кроме того, были запрошены парни и пожилые мужчины, и их собралась такая толпа, что задача, для которой они были нужны, - переноска провизии и запасов на борт эскадры - могла быть выполнена в пять раз больше. Все работали с таким усердием, что к рассвету все было готово, и эскадра смогла стартовать.

Прибытие Сципиона было замечено в Карфагене: гавань Утики была хорошо видна, несмотря на расстояние, сквозь прозрачную атмосферу североафриканского побережья. Он сам постарался, чтобы о нем узнали, поскольку не преминул воспользоваться впечатлением, которое производило на него его имя, как ему было хорошо известно. Не успел он добраться до Утики, как приказал освободить нескольких моряков, находившихся среди карфагенских пленников, снабдить их быстроходной пинасой и поручить доставить в Карфаген весть: "*Сципион пришел*".

О том, что он поспешит на помощь Манцину, знали все в Карфагене, поэтому был отдан приказ атаковать позиции этого генерала как можно скорее после рассвета. Это было быстро, но недостаточно быстро.

Ночь, правда, не была потеряна. На стене, окружавшей особняк, были установлены тараны и проделано несколько брешей, готовых к тому, что штурмующие войдут туда, как только рассветет. К утру стена была настолько разрушена, что стала практически неприступной, и Манцинус отказался от мысли удержать ее против нападавших. Он выстроил своих людей в квадрат, где тяжеловооруженные, которых насчитывалось около пятисот человек, находились снаружи, а легкие войска, у которых не было никакой защиты, кроме стального колпака и небольшой мишени, - внутри.

Гимилько, лично руководивший атакой, приказал атаковать угол площади, где стояли вспомогательные нумидийские отряды. Он надеялся, что они окажутся менее стойкими в сопротивлении, чем регулярные легионеры, которые все были италийцами. Клеанор, имевший первый опыт серьезного боя, был в первой шеренге и с удовольствием наблюдал, как дрогнула римская линия. Но она дрогнула, не сломавшись.

Нумидийцы находились под командованием заместителя центуриона, пиценского горца огромного роста и геркулесовой силы. Выскочив вперед, он одним ударом пики убил тяжеловооруженного карфагенянина. Затем он ударил Чистора в грудь. Тонко выкованный стальной кираса, подаренный старым королем, выдержал удар, но его обладателя с непреодолимой силой отбросило назад, и он упал на землю от удара, который частично оглушил его. Когда Гимилько приказал отступать, его пришлось поддерживать своим спутникам.

Но хотя атака была отбита, позиция римлян была полна опасностей. Тяжеловооруженные люди в первых рядах не могли защитить своих менее экипированных товарищей от непрерывного дождя снарядов, которые лучники, копьemetатели и пращники обрушивали на беспомощных людей на площади. Их собственные доспехи не всегда защищали от них, а тем более от камней, которые катапульты, установленные на городских стенах, сбрасывали в их ряды. Все они продолжали отступать за стены, не обращая внимания на то, что каждый шаг приближает их к обрыву.

Когда эскадра Сципиона появилась в поле зрения, катастрофа была неминуема. Палубы были переполнены, каждый свободный человек выставлял себя как можно больше. Это был приказ Сципиона, отданный для того, чтобы создать впечатление большей численности, чем он имел на самом деле. Эффект, оказанный на противоборствующие стороны, был мгновенным и огромным. Карфагенские вожди почувствовали, что перед ними грозный противник, и встали в оборону. Силы Манцина вернули себе утраченную было уверенность. За прибытием Сципиона вскоре последовало появление кораблей самого Манцина. Одним из многочисленных примеров необыкновенной удачи, которая, казалось, сопровождала Сципиону на протяжении всей его карьеры, стало то, что не успел он появиться на сцене, как погода изменилась. Ветер изменился и теперь дул с умеренной силой с берега. До полудня оставалось еще несколько часов, когда все силы под командованием Манцинуса вновь высадились на берег.

"Мы не должны терять ни минуты, - сказал Гиско нашему герою, когда они обсуждали события дня, - если хотим не отстать от этого удивительного человека. Что касается того, чтобы быть заранее с ним, то это кажется невозможным. Кто бы мог подумать, что, проделав весь путь из Италии, он снова пустится в путь, почти не дав себе времени на передышку! Это совсем не похоже на манеру Пизо вести дела".

ГЛАВА XIII. В РИМСКОМ ЛАГЕРЕ.

В конфликтах, последовавших за высадкой Манцина, как уже было замечено, не обошлось без колебаний судьбы. В результате с обеих сторон было взято большое количество пленных. Кроме того, обе стороны стремились к обмену. Карфагеняне не хотели иметь больше бесполезных людей, чем можно было прокормить; римляне опасались, и не без оснований, что с их друзьями и товарищами будут обращаться варварски. Карфаген всегда имел дурную репутацию в этом отношении и был слишком склонен оправдывать ее, если когда-нибудь будет доведен до крайности.

Посланником, который вел переговоры от имени города, был член сената по имени Махарбал. Он прославился как лидер мирной, иначе проримской, партии и, как предполагалось, был приемлем для Сципиона. Клеанор сопровождал его в качестве переводчика. Беседы будут вестись на греческом языке, которым Сципион владел в совершенстве. Что касается латыни, то в Карфагене не было никого, кто мог бы сказать на ней больше нескольких слов, да и в римском лагере пунийский язык не знали. Невозможно найти более убедительного доказательства непримиримой вражды двух народов, чем это взаимное невежество.

Визит Клеанора пришелся на очень интересное время, поскольку римский лагерь под руководством нового полководца подвергался тщательнейшей чистке. Под управлением его

некомпетентных предшественников он пришел в самое плачевное состояние. Прежде всего, он кишел непорядочными лагерниками. Там была толпа сатлеров, торговцев, которые продавали солдатам различные предметы роскоши по самым экстравагантным ценам и покупали у них награбленное за смехотворно малые суммы готовых денег. Еще большее количество солдатских слуг. Даже рядовой должен был иметь раба для ухода за лошадью, а пехотинцу казалось тягостным, если ему приходилось самому чистить и полировать свое оружие. А поскольку некоторые офицеры имели целые штаты прислуги, вторая армия слуг была фактически более многочисленной, чем первая армия бойцов.

Сципион быстро расправился с этими бесполезными и вредными отягощениями. Ни одному торговцу не разрешалось оставаться в лагере или даже поблизости, если у него не было генеральской лицензии. Даже в этом случае ему не разрешалось продавать никакие товары, кроме тех, что содержались в очень кратком списке, утвержденном генералом, и по ценам, получившим его одобрение. Покупка товаров у солдат была абсолютно запрещена. По сути, торговля прекратилась сама собой, поскольку грабеж был жестко запрещен. Любой солдат, ушедший из лагеря дальше, чем можно было услышать горн, становился дезертиром. Реформа в отношении солдатских слуг была не менее радикальной. Два человека полагалось трибуну, один - центуриону, и четыре - на век или роту пехоты и отряд кавалерии, которые должны были находиться в общей собственности и использоваться совместно. Все они должны были быть трудоспособными мужчинами, обученными военному делу; в случае необходимости они должны были служить в строю.

Сципион, все еще действуя по принципу, который заставил его объявить карфагенянам о своем прибытии, ничего не скрывал от посланника и его сопровождения; напротив, он постарался, чтобы они увидели и узнали все, что нужно было увидеть или узнать. Он пригласил их присутствовать на общем собрании армии, которое было созвано во время их пребывания в лагере, чтобы услышать обращение от него самого. Махарбал, как уже говорилось, почти ничего не знал по-латыни, а Клестор не знал достаточно, чтобы следить за Сципионом во всем. Тем не менее, они могли видеть, что эффект от речи был поразительным. Оратор держал свою аудиторию, так сказать, в своей ложбинке. Он не говорил своему войску гладких слов; напротив, он говорил им, что они скорее разбойники, чем солдаты. Он установил для них на будущее строжайшую дисциплину; он не давал им никакой надежды на поправки. Но его выслушали с глубоким вниманием и без единого ропота несогласия или жалобы.

На следующее утро Клеанор увидел, как изгнанная толпа отправляется в путь. Более странного зрелища, более пестрой толпы и более любопытного разнообразия имущества никто не видел. Один человек уныло наблюдал, как на борт поднимают десяток бочек с вином, полных какой-то ядовитой жидкости, которую, как он надеялся, продаст ему африканское солнце; другой держал с собой отряд собак-исполнителей; третий вел отряд поющих и танцующих девушек, чьи грубые щеки и безвкусные наряды выглядели в безжалостном свете достаточно печально. Изгнанники отнюдь не молчали; они ругались и ссорились на совершенном вавилонском наречии, но не смели задерживаться. *Оцепление* из солдат жестко удерживало их в границах места высадки. Судно за судном принимало на борт свой груз с удивительной регулярностью и быстротой. К вечеру лагерь был возвращен к первобытной строгости и простоте, достойным лучших времен Республики.

В вопросе обмена Махарбал нашел римского генерала либеральным до щедрости. Он не позаботился о том, чтобы добиться очень точного соответствия между достоинствами и количеством пленных, которых нужно было отдать и получить. Когда все римляне были учтены, в руках Сципиона все еще оставался значительный остаток карфагенян. Посланник

предложил выкупить их по цене, которая была принята в прежних войнах - два фунта с половиной серебра за человека. Сципион с улыбкой отказался. "Твой Ганнибал, - сказал он, - опустошал нашу казну, потому что редко когда у него было больше пленных, чтобы отдать, чем получить. Ты должен дать мне возможность почувствовать, что хоть раз я могу быть щедрым".

На таких условиях было легко вести дела. Когда все было улажено, генерал пригласил карфагенянина и его переводчика, которого он встретил самым дружелюбным образом, разделить с ним вечернюю трапезу. Он предусмотрительно распорядился, чтобы два молодых офицера, которые были его *адъютантами* и, как правило, были гостями за его столом, не присутствовали. Он считал, что их общество не понравится ни Махарбалу, ни тем более молодому греку. Единственным гостем был человек, с которым Клестор был особенно рад познакомиться. Это был историк Полибий, уже завоевавший значительную репутацию как солдат, государственный деятель и литератор. Во время своего пребывания в Афинах Клинон слышал, как горячо обсуждалась его личность как политика; в том, что он был честным человеком, никто не сомневался. Лично он был настроен против него как против сторонника Рима. Но он не мог устоять перед очарованием его беседы.

В такой восхитительной компании часы пролетели слишком быстро, и когда пришло время расставаться, Клеанор почувствовал, что не сказал и десятой доли того, что хотел сказать своему новому знакомому. Когда они прощались, Полибий, услышавший от Сципиона в общих чертах историю молодого грека, нашел возможность сказать ему несколько добрых слов.

"Хотел бы я, - прошептал он, дружески сжав руку, - чтобы с тобой все было иначе. Поймите, я не виню вас и не сомневаюсь в том, что в своих поступках вы вполне верны совести. Но, поверьте, вы не на той стороне. Есть ли в Карфагене кто-нибудь, кого ты мог бы сравнить в чем-либо, что составляет ценность человека, с нашим благородным Сципионом? Я понимаю, что ты чувствуешь, хотя у меня не та причина, ибо я тоже грек и потерял свою страну; но боги дают власть, кому хотят, и кто мы такие, чтобы бороться против них? Прощайте на сегодня! Но я уверен, что мы еще встретимся, и при более счастливых обстоятельствах".

"Благодарю тебя за эти слова, - ответил Чистор, - но будущее представляется мне очень мрачным".

И действительно, пока он возвращался в город, вполуха слушая восторженные похвалы Махарбала о любезности и либеральности римского полководца, он чувствовал, что его дух погружается в более глубокое уныние, чем когда-либо прежде.

ГЛАВА XIV. МЕГАРА.

Любезный и даже великодушный Сципион, каким он показал себя в вопросе обмена пленными, был не из тех, кто упускает ни одного преимущества, которое может попасть ему в руки, или, нанося удар, колеблется, чтобы ударить со всей силой. Он дал армии некоторое время, чтобы привыкнуть к новому положению вещей. Он вполне мог себе это позволить, ведь сезон еще не наступил. Когда он нашел свою армию в хорошем физическом и моральном состоянии, одновременно закаленную в труде и поддающуюся дисциплине,

одним словом, вполне боеспособную, он приступил к действиям. В его руках она была как острый, хорошо закаленный меч, и он наносил удары быстро и энергично.

Его первый план заключался в том, чтобы следовать линии атаки, которую начал Манцинус. Слабым местом в обороне богатого города обычно оказываются здания, которым в мирное время разрешается расти за пределами укреплений. Жизнь в городе, обнесенном стеной, часто бывает и утомительной, и нездоровой. Бедняку, всегда вынужденному мириться с тесным пространством как в стенах, так и без них, все равно, а богатый человек хочет иметь свой сад и свою игровую площадку, хочет иметь место для здоровья своей семьи или собственных развлечений. Так за северными стенами города вырос пригород, состоящий в основном из резиденций состоятельных людей. Оно, только в большем масштабе, имело те же черты, что и местность, которую Манцинус выбрал в качестве места для нападения. Но у него была своя крепостная стена. В процессе времени это стало необходимостью. На протяжении более четырех веков после своего основания Карфаген не видел на своей земле ни одного иноземного захватчика. Но наступил момент, когда враги обнаружили, что наиболее эффективное нападение можно совершить дома. Поэтому великолепные дома, предлагавшие богатый приз грабителю, больше нельзя было оставлять без защиты, и Мегару пришлось окружить укреплением, которое начиналось от городской стены и соединялось с ней. Но пространство, которое нужно было огородить, было огромным, а новая стена не была ни столь прочной, ни столь хорошо обставленной башнями, ни столь хорошо гарнизонированной, как старая. По сути, она предназначалась скорее для защиты от внезапного нападения, чем для постоянной обороны.

Сципион решился на ночной штурм - операцию, которая под силу только хорошо дисциплинированной армии. Он разделил свои силы на две колонны, взяв под личное командование ту, которая должна была атаковать. Другая должна была провести демонстрацию, которая не должна была перерасти в штурм, пока офицер, возглавляющий ее, не увидит особенно благоприятную возможность. Поскольку оба угрожаемых пункта находились на расстоянии более чем в пару миль друг от друга - так велика была окружность стены Мегары, - внимание гарнизона было эффективно отвлечено. Колонне Сципиона удалось добраться до места назначения незамеченной, и ее внезапное приближение, а также тревога, одновременно поднятая на другой стороне, привели гарнизон в замешательство.

Но штурм был отбит. Дезертир указал место, где стену было легче всего преодолеть. Этим местом воспользовались мародеры, бродяги и другие, кто не хотел входить или выходить через ворота. В верхней части стены было выбито несколько камней, а внизу был естественный подъем, уменьшавший высоту. Но это место не ускользнуло от бдительности офицера, в чьи обязанности входил осмотр этой части укреплений. Камни были заменены, а возвышение выровнено. Тогда в разных местах была предпринята решительная попытка с помощью лестниц. Но нападающий, взбирающийся по лестнице, оказывается в невыгодном положении, когда его противник прочно стоит на стене сверху. То тут, то там, особенно там, где часть стены находилась в тени, лестницу удавалось применить и преодолеть стену незаметно для стражи. Но эти успехи не могли быть продолжены. Солдаты, закрепившиеся на вершине, были немногочисленны и малочисленны; не имея возможности помочь друг другу, они не могли удержать завоеванную позицию. Единственным решающим преимуществом, полученным в этом направлении, был захват одной из небольших башен, расположенных через определенные промежутки вдоль стены. Эта башня была покинута стражей, которая поспешила отразить штурм, и была занята римлянами в их отсутствие.

Сципион увидел, что теряет людей без толку, и приказал отступить. Но его зоркий глаз заметил место, которое, казалось, сулило лучшие перспективы. Какой-то житель Мегары, испытывая то же нетерпение оставаться в стенах, которым был обязан своим существованием весь пригород, построил на месте, откуда открывался широкий вид на море, одну из тех башен, которые мы сейчас называем "фоллисами". Когда началась война, башня, конечно, опустела, но ее не разрушили, как следовало бы, поскольку она находилась в опасной близости от стены. Настолько близко, что через промежуток можно было перекинуть мост; к счастью, он находился недалеко от башни, о которой говорилось выше, что она была занята нападавшими. К этому месту подтянули значительные силы лучников и пращников, которые так энергично обстреливали стену, что этот участок стены длиной около пятидесяти шагов был полностью очищен от защитников. Две наспех сколоченные лестницы служили неплохим мостом. По ним два или три десятка молодых воинов, отобранных за храбрость и силу, быстрым шагом перебрались через стену и, спустившись с стены с внутренней стороны, поспешили открыть одни из ворот. Не прошло и часа, как Сципион с почти четырьмя тысячами воинов оказался в стенах Мегары.

На какое-то время паника была столь велика, как если бы был взят сам Карфаген, а не его предместье, которое невозможно было серьезно оборонять. Гарнизон Мегары в диком смятении бежал во внутренний город, ворота которого были запружены толпой обезумевших беглецов. Клеанор, присоединившийся к летучей дивизии в качестве добровольца, оказался отнесен назад к городским стенам совершенно непреодолимым потоком охваченных паникой людей.

Затем произошел митинг. Прежде всего беглецы были вынуждены остановиться, хотя бы потому, что не могли пройти через ворота. Затем вновь проявился старый инстинкт послушания и дисциплины, особенно у наемников, среди которых паника была наиболее сильной. Постепенно офицерам удалось восстановить порядок и даже вернуть часть утраченных позиций. У защитников было неоценимое преимущество - они знали местность. Для наемников, большинство из которых никогда не бывали в Карфагене, это место было таким же чужим, как и для римлян; но летучая дивизия состояла исключительно из туземцев, и они чувствовали себя как дома среди переулков и улочек Мегары, где у большинства из них были свои семейные резиденции.

В компании одного из офицеров дивизии Клеанор провел около часа в весьма оживленных приключениях и не мог не почувствовать некоторого сожаления, когда услышал, как римские горны подали сигнал отбоя. Сципион, по правде говоря, обнаружил, что его позиция отнюдь не желательна. Мегара была почти сплошь покрыта отдельными домами, каждый из которых был окружен садами и огородами, их пересекали ручьи, некоторые из которых имели значительную глубину и разветвлялись во всех направлениях. Для того чтобы занять такую территорию, потребовались бы гораздо большие силы, чем имелись под рукой, и это не принесло бы никакой пользы. К тому же он не мог полностью доверять своим людям. Они приняли его реформы с удивительной покорностью, но здесь их подстерегали почти непреодолимые соблазны. Многие дома в Мегаре были полны накопленных веками богатств. Несколько минут среди таких владений обогатили бы солдата больше, чем он мог надеяться приобрести за двадцать кампаний. К тому же было вполне вероятно, что люди займутся грабежом, и совершенно точно, что, если они это сделают, то будут уничтожены в деталях. Поэтому у римского полководца было множество причин, чтобы отдать приказ об отступлении. Но даже в этом случае его потери были немалыми.

"Интересно, не заглядывал ли сюда кто-нибудь?" - спросил спутник Клинора, когда они подошли к одному из домов в Мегаре. "Это дом моего отца".

Следует пояснить, что небоевое население покинуло Мегару сразу же после нападения. Еще раньше многие покинули свои дома, чтобы найти более безопасные места в самом городе.

"Это весьма вероятное место, - продолжал карфагенянин, - где человек может заблудиться. Возможно, нам удастся заполучить приз. Идемте сюда, я знаю лучшее место для ожидания".

Двое молодых людей, взяв с собой пару солдат, направились по узкой дорожке, огиравшей сад дома. Луна к этому времени уже зашла, но вдали виднелся тусклый свет зари. Через несколько минут ожидания стало ясно, что кто-то приближается.

"Должно быть, двое, - прошептал карфагенянин, - и они не прошли по тропинке, так как ломаются через кустарник. Клянусь Дагоном! Мы настигли их, потому что здесь есть глубокая вода, которую они должны преодолеть. Давайте пройдем еще немного вперед. Маго, ты знаешь ручной мост; иди как можно быстрее и закрепи его".

Он еще не успел договорить, как в поле зрения появилась группа, за которой они наблюдали. Она состояла из трех человек, и теперь было достаточно света, чтобы различить их. Один из них был римским офицером. На нем были украшения трибуна, и ему, возможно, было около двадцати лет.³⁵ Двое его спутников были рядовыми солдатами, причем легковооруженными. Пробираясь сквозь кустарник, который здесь был особенно густым, все трое вышли к воде. Очевидно, это было совершенно неожиданное препятствие.

"Кайус, - сказал офицер, обращаясь к одному из мужчин, - как это можно преодолеть?"

"Мы можем перепрыгнуть ее, - ответил тот, - с помощью наших копий. Когда мы окажемся на другой стороне, вы, сэр, должны сделать все, что в ваших силах, а мы вам поможем".

"Очень хорошо, - сказал офицер, - прыгайте!"

"Отпусти их, - шепнул карфагенянин Чистору, - они нам не нужны, а вот офицер будет достойным призом".

Каждый из двух солдат уперся копьем в русло потока и без особого труда перемахнул через него. Трибун, первым перебросив меч на другой берег, прыгнул дальше всех. Разбежаться не удалось, так как кустарник на берегу был густой; тем не менее прыжок получился отличным, учитывая вес доспехов молодого римлянина. Ширина воды составляла около двадцати четырех футов, а трибун преодолел восемнадцать. Его спутники как раз протягивали копья, чтобы он мог за них ухватиться, когда показался карфагенянин со своим отрядом. Молодой римлянин мгновенно понял ситуацию.

"Спасайтесь, - закричал он, как только смог говорить, - я пропал!"

После минутного колебания люди повиновались. Остаться было бы бесполезной жертвой, ведь их неминуемо прирезали бы, пока они пытались спасти своего товарища.

"Поговори с ним, - сказал карфагенянин. "Попробуй с ним по-гречески; римские господа в основном знают его. Но, пожалуй, лучше сначала помочь ему выбраться из воды".

"ТЫ УСТУПАЕШЬ?" СКАЗАЛ КЛИНОР, КОГДА РИМЛЯНИН ДОСТИГ БЕРЕГА.

"Уступаешь ли ты?" - сказал Клестор по-гречески, когда римлянин достиг берега.

"Я не вижу выбора", - ответил юноша на том же языке.

Дав обещание, что не будет пытаться бежать, он получил меч и в сопровождении похитителей отправился в город. Несколько расспросов, сделанных и отвеченных по-гречески, убедили их в том, что они, как и предполагал карфагенянин, получили приз . Трибун оказался Сципионом, не очень дальним родственником полководца.

"Пусть он будет твоим пленником, - сказал ему спутник Клеанора. "Он может принести тебе повышение, в чем я в любом случае уверен. Хотя, конечно, - добавил он после паузы, - я сильно подозреваю, что для большинства из нас через год будет все равно, повысят нас или не повысят".

ГЛАВА XV. ПЛЕННИКИ.

Римлянину стало так плохо от потрясения, вызванного внезапным погружением в воду после ночи необычных нагрузок, что Клеанор счел необходимым отвести его в свою каюту. Через несколько часов они вместе сидели за утренней трапезой, когда слуга Клестора объявил, что к нему пришли по срочному делу. Это был карфагенский офицер, в компании которого он находился во время приключений предыдущей ночи.

"Что с молодым римлянином?" - спросил новоприбывший, который, казалось, находился в состоянии сильного волнения. "Сдали ли вы его в штаб или случайно привезли сюда?"

"Он здесь", - ответил Чистор. "Он показался мне таким слабым, что я счел за лучшее взять его с собой домой".

"Это хорошо, - сказал карфагенянин, - хотя на самом деле я не могу сказать, хорошо ли это. Ты знаешь, что случилось?"

"Я ничего не слышал. Мой начальник освободил меня от службы на четыре с половиной часа, и я воспользовался возможностью хорошенько выспаться".

"Ну, это были самые ужасные события. Гасдрубал пришел в ярость сегодня утром, когда узнал, что творится в Мегаре. Дело в том, - он понизил голос до шепота, - что, между нами говоря, прошлой ночью он был слишком пьян, чтобы появиться на свет. Мне сказали, что они не смогли заставить его ничего понять. Это не сделало его более приветливым сегодня утром. Затем его обвинили в том, что он позволил Мегаре остаться в том виде, в каком она есть, и особенно за башню, которой, конечно, не следовало позволять стоять. И наконец, в последние несколько дней все чаще говорят о капитуляции. Людей очень поразила либеральность Сципиона в отношении пленных, и они начали думать, что от него можно добиться лучших условий. Все это приводило его в ярость. И вот сегодня утром он приказал привести всех пленников, захваченных во время вчерашнего дела, всего около трех десятков человек, на стену в точке, ближайшей к римскому лагерю, и там замучил их до смерти самым жестоким образом. Мы, карфагеняне, не такие брезгливые, как вы, греки; но скажу вам, что мне стало совсем плохо от того, что я увидел, а я не видел и половины или даже четверти тех ужасов, которые там происходили. У некоторых были вырваны глаза или языки, некоторых заживо сжигали на огне; а когда он покончил с ними, то сбросил их со стены. Скажи своему генералу, - крикнул он, когда последний из несчастных был сброшен вниз, - скажи своему генералу, что я возьму с него за них не больше одной медной монеты за штуку".

"Но это же просто безумие", - воскликнул Чистор. "О чем он мог думать? Каков был его мотив?"

"Это легко объяснить", - ответил карфагенянин. Когда все закончилось, он обратился к одному из сенаторов, который, как предполагается, был сторонником мира - он заставил его пойти с ним - и сказал: "Мы услышали последнее слово о капитуляции, как мне кажется, на некоторое время. Как вы думаете, какие условия вам предложит ваш дорогой Сципион после

этого? А теперь о вашем пленнике. Я пришел предупредить тебя. Мы должны подумать, что делать. Одно, конечно, несомненно - вы не можете держать его здесь. Какая-нибудь залетная птица унесет его. У Гасдрубала тоже повсюду есть свои шпионы, он все знает, и вам вряд ли захочется от него отказываться. Он казался милым молодым парнем".

"Отдать его!" - вскричал Чистор, - "Конечно, нет. Я бы сам заслужил распятие, если бы сделал это".

"Ты можешь рассказать ему, что случилось, и предложить ему взять дело в свои руки. Римляне, кажется, никогда не беспокоились о том, чтобы убить себя".

"По-моему, это всего лишь подлый способ выйти из затруднительного положения. Этот человек - мой гость. Я ел и пил с ним. Ему нельзя причинять вреда, если я могу помочь. Я не люблю римлян, но я не смог бы так поступить с самым худшим из них, и уж тем более со Сципионом".

"Но ты сам попадешь в очень серьезные неприятности".

"Ну, неприятности или не неприятности, но я твердо решил спасти его каким-то образом. А пока большое спасибо тебе за то, что предупредил меня. Но нет ничего хорошего в том, что вы впутали себя в это дело".

"Хорошо! Но учтите: чем скорее он уберется с дороги, тем лучше для него, если не для вас. Прощайте!"

"Что ж, - сказал молодой римлянин, когда его похититель вернулся, - быть пленником очень приятно, но, полагаю, долго это продолжаться не может. Ты должен выполнять свой долг; молись, чтобы не попасть в беду из-за меня".

Чистор был в крайнем недоумении. Отдать галантного молодого солдата в руки такого безжалостного дикаря, как Гасдрубал, было невозможно. Однако едва ли Карфагену подобало позволить сбежать ценному пленнику, и, если он и мог на это решиться, то как организовать побег?

"Выполнить свой долг, - сказал он после нескольких минут молчаливого размышления, - бывает труднее, чем обычно".

После очередной паузы он продолжил: "В конце концов, мне ничего не остается, как сказать вам простую правду. Гасдрубал предал всех пленников смерти, и смерти ужасно жестокой".

Пленник побледнел. Он был молод, и жизнь была ему дорога. Как римлянин, он тоже знал ужасные традиции карфагенской жестокости. Через несколько мгновений он пришел в себя, и голос его стал твердым.

"Я могу вынести, - сказал он, - то, что вынесли мои соотечественники. Или, если ты хочешь заставить меня почувствовать, что мне повезло больше, чем им, верни мне на время мой меч".

"Поступок Гасдрубала - это преступление, - ответил молодой грек, - и я не стану его соучастником. Твой меч я, конечно, отдам тебе, если не вижу другого выхода".

Он снова задумался, затем его лицо озарилось. Он придумал, как выйти из затруднительного положения, по крайней мере, частично.

"Есть другой путь, и я попрошу тебя следовать ему без всяких сомнений. Я не отдам тебя Гасдрубалу и не позволю тебе отдать свою жизнь за мою. Твоя жертва тоже будет бесполезной. Гасдрубал, если узнает о тебе, скажет, что ты нужен ему живым, а не мертвым, и будет в такой же ярости от того, что я позволил тебе покончить с собой, как и от того, что позволил тебе бежать. Так что выбросьте эту мысль из головы. Теперь о побеге: за последние полчаса у меня в голове было полсотни планов, но лучшим, можно сказать, единственным, кажется следующий. Весь Карфаген усердно трудится над земляными валами, которые возводятся в тылу южной стены, как раз там, где земля немного наклоняется. На них работают мужчины всех рангов, а также женщины и дети. Все - добровольцы, жалованья не выдают и вопросов не задают. Не заметить это место невозможно, так как к нему постоянно движется поток людей, идущих взад и вперед. Большинство мужчин одеты в грубые рабочие туники. Я могу дать вам такую же и снабдить лопатой. Работайте там, пока не стемнеет. Это никому не покажется странным, ведь люди, занятые днем, часто уделяют два-три часа работе на валах ночью. Тогда вы должны использовать свой шанс. Не торопитесь и тихо спуститесь со стены. Запомните одно : ни в коем случае не открывайте рот. Если кто-то заговорит с вами, притворитесь немым или не понимающим. И еще об одном я прошу, но не потому, что считаю это необходимым, а потому, что смогу лучше ответить за тебя: поклянись клятвой, которая в твоей стране считается самой обязательной, что не дашь осаждающим никаких сведений о том, что видел в городе".

Юноша поклялся Юпитером и домашними богами своей семьи, что будет хранить полное молчание обо всем, что он видел или слышал. Вскоре после этого, экипировавшись так, как описал Клеанор, он направился к земляным укреплениям. Нет нужды говорить о том, что после наступления ночи он легко скрылся.

Когда день подошел к концу, а пленника так и не нашли, Клестор начал надеяться, что все это дело останется незамеченным. Однако незадолго до полуночи его навестил карфагенский друг. "У меня есть всего несколько минут, - сказал молодой человек. "Сначала о пленнике - что ты с ним сделал? Где он?"

"Надеюсь, в римском лагере", - ответил Клеанор и вкратце описал свои действия.

"Ну что ж, - сказал другой, - раз о нем ничего не слышно и не видно, значит, ему удалось сбежать; и это большая удача для него! Но теперь о себе. Гасдрубал знает, или узнает завтра утром. Один из солдат, который был с нами, дал информацию. Когда-нибудь я с ним поквитаюсь, с этим мерзавцем-наемником! К счастью, вождь был слишком пьян, чтобы понять, что ему говорят. Но завтра утром он протрезвеет, и тогда смотрите сами. Но что ты собираешься делать?"

"Что делать?" - ответил Чистор, - "ничего, кроме как сказать ему правду".

"Что ж, смелости тебе не занимать. Но помни, что он самый безжалостный зверь на земле. Не обольщайся, что ты найдешь в нем что-то еще".

"Я уже все решил. Пусть он делает все, что ему вздумается. Но тысяча благодарностей вам!"

"Хотел бы я, чтобы у нас в Карфагене была тысяча таких людей, как он, - бормотал про себя молодой офицер, уходя, - таких же мягких и храбрых, в то время как наши люди предпочитают быть жестокими и трусливыми".

Рано утром следующего дня в каюте Чистора появился санитар. "Генерал понимает, - сказал он, - что у вас в руках пленник. Вы должны его доставить".

Чистор не считал себя обязанным давать какие-либо объяснения санитару и просто ответил, что у него в руках нет пленника.

"Тогда, - сказал тот, - мне приказано обыскать вашу каюту".

"Обыщите, но вы ничего не найдете".

Человек обыскал и ушел. Через час или около того он появился снова, на этот раз с охраной из четырех солдат. По его словам, ему было поручено арестовать Клестора, сына Лисиса, офицера стражи юго-западной стены.

Клеанор сдался без единого слова, и его сразу же отправили в штаб. По прибытии на него надели наручники. Гасдрубал, никогда не отличавшийся особой храбростью, привык принимать эту меру предосторожности, когда к нему приводили пленника.

"Мне достоверно известно, - сказал генерал, когда Клеанор предстал перед ним, - что в ночь на позавчерашний день у тебя в руках был римский пленник. Почему ты не передал его сразу же надлежащим властям?"

"Потому что он был болен. Если это было неправильно, я признаю свою вину".

"Пусть это останется в прошлом. Где он сейчас? Как вам удалось сбежать?"

"Я не понуждал его к побегу; я позаботился о том, чтобы он сбежал".

"Что!" - вскричал генерал яростным голосом - до сих пор ему удавалось сохранять спокойствие, - "что! Вы намеренно позволили ему уйти! Это же чистейшая измена! Что вы хотите сказать?"

"Я не мог допустить, чтобы с ним поступили так же, как с остальными. Отдать его после этого было бы преступлением".

"Какая дерзость! Кто ты такой, ничтожный грек, чтобы назначать себя правителем и судьей в Карфагене? Этого достаточно. Твоя жизнь за его жизнь. Уведите его!" - прорычал он стражникам, которые держали пленника под стражей.

Клинора отвели обратно в караульное помещение, а вскоре перевели из него в камеру в подвале дома - убогую, душную, дурно пахнущую, тускло освещенную через зарешеченное отверстие в крыше. Здесь он провел пять дней. Каждое утро тюремщик открывал дверь, чтобы положить в нее буханку грубого ржаного хлеба и флягу сомнительного вида воды. Больше в течение дня он ничего не видел и не слышал.

На шестой день его снова привели к Гасдрубалу. Генерал был, или ему казалось, что был, в другом настроении. Он был сильно обеспокоен убогим видом пленника, заинтересовался, как с ним обращались, и, узнав подробности, заявил, что его приказ был понят совершенно неправильно. Чистор прекрасно понимал, какое значение следует придавать этим заявлениям, но благоразумно остался при своем мнении и поблагодарил генерала за его добрые намерения.

"Я хотел, - продолжал Гасдрубал, - поговорить с тобой об одном деле, в котором ты мог бы быть очень полезен Карфагену, но ты для этого не годишься. Позволь мне во что бы то ни стало сделать все возможное, чтобы исправить эту досадную ошибку".

Он прошептал какие-то указания слуге, и Чистора вывели из комнаты, причем обращались с ним вежливо, что сильно контрастировало с тем грубым обращением, которое он получил в прошлый раз. Ему предоставили ванну и смену одежды, после чего он сел за отличный обед.

Позже в тот же день его снова вызвали к генералу. "Я не могу не думать, - сказал Гасдрубал, - что вы ошиблись в вопросе о пленнике, но вы хотели как лучше; да, вы хотели как лучше, и, возможно, в конце концов все обернется к лучшему. Пленник, который сбежал, был Сципионом, не так ли?"

"Да, - ответил грек, - он был Сципионом".

"Сципионы будут чувствовать, что они чем-то обязаны тебе за то, что ты сделал..... Не кажется ли вам, что это дает вам шанс?"

"Я не понимаю", - ответил Клеанор, хотя, в сущности, почти не сомневался, что генерал хочет именно этого.

"Есть некоторые вещи, - продолжил Гасдрубал после паузы, - которые мне очень хотелось бы узнать, и я с радостью отдал бы десять талантов тому, кто мне их откроет".

"Говоря прямо, - сказал Клеанор, - ты хочешь, чтобы я пошел шпионом?"

"Ну, - ответил Гасдрубал, - если ты хочешь так сказать, то да".

"Я не могу этого сделать", - сказал Клеанор.

"Я знаю, что это опасная работа; шпионам нет пощады. Но подумай о вознаграждении - я не буду говорить, что ты мало думаешь о нем, - подумай о том, какую услугу ты можешь оказать Карфагену".

"Не то чтобы я отказывался быть шпионом. Работа шпиона, как я понимаю, столь же законна и честна, как и любая другая. Но я не собираюсь торговать тем, что сделал для этого юноши. Это было бы подло".

Гасдрубал с трудом сдержал себя. Он видел, что молодой грек не из тех, кого можно заставить подчиниться, но не терял надежды переубедить его.

"Так, так, - сказал он после паузы, - мы должны поговорить об этом еще раз. Возможно, мы найдем способ помочь вам без ущерба для вашей совести. На сегодня прощайте, и поверьте, что я глубоко обеспокоен тем, что вы были поставлены в неудобное положение. Этого больше не повторится".

Клеанор обнаружил, что его покои и условия жизни изменились к лучшему. Теперь у него была просторная каморка высоко в доме, из которой открывался вид на море. Его навестил собственный лекарь генерала, его земляк, который утверждал, что принадлежит к великому роду Эскулапов.

"Немного уменьшился, - сказал ученый человек, пощупав его пульс и послушав удары сердца, - немного уменьшился, но этому не стоит удивляться. Мне не придется давать никаких лекарств; щедрая диета сделает все, что нужно. А генерал предоставляет вам в пользование свою собственную террасу, так что вы не будете нуждаться в свежем воздухе и физических упражнениях".

Время прошло достаточно приятно для молодого человека, хотя было неприятно сидеть в бездействии, когда столько всего происходит. К тому же всегда оставалась тревога за то, что

предпримет Гасдрубал. Тигр был доволен тем, что на время убрал когти в ножны, но когти были на месте, и когда-нибудь они проявятся. А пока он старался как можно лучше использовать свое положение. Лекарь ежедневно навещал его, рассказывал новости об осаде, болтал с ним на разные темы, играл в разные шашки и солдатики,³⁶ и, что самое приятное, одалживал ему книги.

Не раз его вызывали на беседу с генералом, который, однако, не стал вновь затрагивать тему последней встречи, но всегда был очень общителен и дружелюбен, льстил молодому человеку, обращаясь к нему по разным военным вопросам и спрашивая его совета. По истечении двух недель он был безоговорочно освобожден, что не мало его удивило. За освобождением последовало повторное назначение на прежнее место службы.

Он недолго оставался в неведении относительно причин, которые привели к такому неожиданному результату. Дело в том, что на Гасдрубала было оказано давление, которому он не чувствовал себя в силах противостоять. Тиран и дикарь, каким бы он ни был, он боялся своих солдат и не мог позволить себе пренебречь любым сильным чувством, которое они могли проявить. Греческий контингент среди наемников был многочисленным и составлял наиболее эффективную часть войска. Для многих из них Клинор был личным фаворитом; большинство из них знали его наперечет и с сочувствием выслушали его печальную историю. Среди коренных карфагенян у него тоже было немало доброжелателей. Гасдрубалу, соответственно, дали понять, что если с молодым человеком что-то случится, то это вызовет сильное возмущение. Его начальник вкратце изложил ему эти факты, но добавил со значительным акцентом:

"Будьте с ним начеку, хотя это легче сказать, чем сделать. Он не забывает и не прощает".

ГЛАВА XVI. БААЛ ХАММОН.

Некоторое время после событий, описанных в предыдущей главе, осада продолжалась без каких-либо заметных происшествий. Бои шли почти непрерывно, но ничего похожего на сражение не было. Осаждающие не предпринимали новых попыток штурма, но и осажденные не выходили на штурм. План Сципиона заключался в том, чтобы завершить блокаду города, а затем ждать развития событий, откладывая атаку до тех пор, пока голод и болезни не истощат силы противника.

Первым шагом было отрезать все коммуникации на суше. Карфаген стоял на полуострове, и благодаря превосходству Сципиона в полевых условиях он овладел перешейком, соединявшим полуостров с материком. Этот перешеек он прикрыл от моря до моря огромным укреплением, которое одновременно служило и лагерем. Оно имело ров и вал как со стороны, обращенной к городу, от которого оно было удалено не более чем на расстояние выстрела из лука, так и с той, которая выходила на материк. Необходимо было, чтобы она была защищена как спереди, так и сзади. Одна из самых грозных возможностей войны заключалась в том, что римская армия может быть атакована сзади туземными союзниками Карфагена. Сципион знал - а его гениальность заключалась в том, что он знал все, - что эмиссары города неустанно пытаются собрать армию вспомогательных войск среди туземных племен Северной Африки. Стена, как обычно, имела башни, расположенные через определенные промежутки по всей ее длине. Одна из этих башен, построенная самым

прочным образом из камня, была вознесена на такую высоту, что с нее открывался вид на все, что делалось в стенах города.

Разумеется, осажденные не позволяли беспрерывно вести эти работы, угрожавшие самому существованию их города. Катапульты, установленные на городских стенах, непрерывно выпускали снаряды; лучники и пращники непрерывно бросали камни, а пехота была наготове, чтобы броситься в атаку в любое время и в любом месте, где только представится возможность нанести урон. Римлянам приходилось, так сказать, строить и копать с рабочим инструментом в одной руке и оружием в другой, но они выполняли свою задачу с неустойчивым рвением и неистощаемым мужеством. Офицеры разделяли все труды и опасности своих людей, и работа продвигалась не то чтобы без потерь, но без перебоев.

Тем временем город находился в состоянии постоянно растущего волнения, вызванного другой причиной, не связанной, однако, с войной. Приближался праздник Баал-Хаммона - иначе Молоха, - и он должен был пройти с необычайной пышностью, даже, как говорили, с обрядами поклонения, которые уже много лет как вышли из употребления. Карфаген, хотя и обладал неизменным нравом Востока, не был полностью лишен духа прогресса, и некоторые из темных и более диких обрядов его религии больше не практиковались. Но теперь вновь пробуждались самые свирепые инстинкты расы. На улицах часто говорили о том, что отчаянное положение государства требует более эффективных методов умиловления небесного гнева. Заседания сената проходили ежедневно при закрытых дверях, и было известно, хотя за любое неосторожное высказывание сенатора полагалась мгновенная смерть, что главным предметом дебатов было решение деталей великого праздника Молоха.

Клеанор, как и другие греки, как гражданские, так и военные, почти ничего не слышал об этом событии. От них в некотором роде скрывали это их товарищи и соратники, которые знали, что те относятся к подобным мероприятиям без сочувствия, если не сказать - с отвращением. В обычном случае великий день наступил бы и прошел, и он не знал бы о нем ничего, кроме того, что это был главный праздник карфагенского года. Но этого не случилось.

Он возвращался в свою каюту поздно вечером, за два дня до назначенного времени, когда почувствовал руку на рукаве своей туники и услышал, как его окликнули по имени голосом, который показался ему знакомым, хотя он не сразу смог связать его с кем-то из друзей или знакомых. Он остановился и повернулся к говорившему.

Это была женщина, бедно одетая, насколько он мог разглядеть в тусклом свете, и средних лет, если судить по ее фигуре, покрытой вуалью и плащом.

"Помогите, благородный Клеанор!"

Странная способность запоминать голоса, которой обладает большинство из нас, странная потому, что это простое усилие памяти, не подкрепленное никакими аксессуарами в виде формы и цвета, не подвела его.

"Что! Это ты, Теоксена?" - воскликнул он.

Теоксена была его приемной матерью, женой бедного школьного учителя из Челиса, которую собственная нужда и либеральные предложения отца Клинора убедили взять на воспитание одного из его детей-близнецов. Несколько лет она жила в Карфагене, куда перебрался ее муж, соблазненный перспективой более щедрого вознаграждения, чем то, на которое он мог рассчитывать в родных местах.

"Да, сэр, это я", - сказала бедная женщина срывающимся от слез голосом. "И в такой беде! Если бы вы могли мне помочь... Но зайдите сюда. Это всего лишь бедное место; но я не могу рассказать вам свою историю на улице".

Ее дом был совсем рядом, и Клинор последовал за ней. Это было бедное жилище, но чистое и аккуратное, даже с некоторыми признаками вкуса и культуры. В одном из углов комнаты стояла *капса* - цилиндрический футляр для хранения рукописей, а над ним, на кронштейне, вделанном в стену, - статуэтка Гермеса. Стулья были изящные, хотя и из обычного дерева, а коврики на полу, хотя и потертые, но с художественным рисунком.

"Ну, Теоксена, - сказал он, - в чем дело? Что я могу для тебя сделать?"

"О, господин!" - ответила она, с усилием подавая голос, - "они украли у меня моего маленького Цефала, самого дорогого и смышленного мальчика на свете, и собираются принести его в жертву своему ужасному Хаммону".

"Но откуда ты знаешь? Как это случилось?"

"Вы узнаете об этом от Дафны, которая была с ним, когда его украли".

"А кто такая Дафна?" - спросил Клеанор.

Дафна, сидевшая в маленькой каморке, выходящей из главной комнаты, услышав свое имя, вышла вперед, держа в руках кусок гобелена, над которым она работала. Это была девушка лет четырнадцати или около того, не очень красивая, возможно, но с редкими задатками красоты; в ее фигуре было что-то от неловкости времени, которое наступает между детством и женственностью; ее черты лица все еще нуждались в той тонкой лепке, которую, кажется, способны дать последние критические годы девичества. Но ее глаза, голубые, как южное море с полуденным солнцем над ним, были удивительно ясными и полными света; цвет лица был ослепительно ярким и еще более поразительным от контраста со смуглым цветом жителей Карфагена. Ее волосы были насыщенного цвета красного золота и были бы необычайно красивы, если бы имели естественную длину. А так они были уложены почти вплотную, хотя кое-где уже начали пробиваться маленькие завитки новой прически.

"Это, сэр, моя Дафна", - сказала женщина, положив руку на голову девочки. "Мы с ней патриоты, я уверена, потому что дорогая девочка отдала свои прекрасные волосы - если вы мне поверите, они спускались почти до щиколоток, - чтобы сделать из них тетиву для лука. Мастер, делавший лук, сказал, что это самая лучшая из всех, что у него были, хотя, как мне сказали, все великие дамы в Карфагене поступали так же. Дафна, - продолжала она, - расскажи благородному Клеанору о нашем милом малыше Цефале".

"Помни, - сказал юноша, видя, что девушка сильно дрожит, - помни, что благородный Клеанор - твой брат, так же как Теоксена - его мать", - и он поднес руку приемной матери к губам и почтительно поцеловал ее.

Девушка начала свой рассказ: "Я взяла своего младшего брата погулять в саду - я имею в виду сад сенатора Маго, который любезно разрешает нам пользоваться им, потому что на улицах так шумно и многолюдно, а люди так грубы". Чистор не удивлялась, что привлекает к себе больше внимания, чем ей хотелось бы. "Там редко кто бывает; но в тот день там был старик, который стал гладить маленького Цефалуса и угощать его сладостями и пирожными. Он казался очень добрым, и я даже не мечтала о каком-то вреде; к тому же я была рядом, ведь я никогда не оставляю Цефала одного. Ах! Но в то утро я оставила его одного, злая девчонка". И она разразилась потоком слез. "Но что же я могла сделать? Хилакс - щенок,

которого так любит Цефал, - начал драться с другой собакой, и Цефал испугался и сказал: "Его убьют, его убьют! Спаси его, Дафна". Он бы и сам побежал на помощь, но я боялась, что его укусят, хотя это было бы лучше, чем то, что случилось. Поэтому я велела ему сидеть на месте, а сама побежала на помощь Хайлаксу. Мне потребовалось много времени, чтобы схватить его, потому что он был очень зол и продолжал драться, хотя другой пес был намного больше. А когда я оглянулся, дорогого мальчика уже не было. Я искала его по всему саду и звала сотни раз, но все было бесполезно. Мама ни разу не упрекнула меня, но я не могу отделаться от чувства, что это была моя вина".

"Но что, - спросил Чистор, обращаясь к Теоксене, - вбило тебе в голову эту ужасную мысль о Хаммоне?"

"О! Я знаю со слов соседей, что там будет такое жертвоприношение, какого не было уже много-много лет, и что в огонь положат несколько детей. Священники говорят, что их должно быть сто, ни одним меньше. Некоторые родители приносили в жертву собственных детей - подумать только, что кто-то может быть таким злым! И, как мне сказали, это были весьма богатые и знатные люди; но их все равно не хватало, поэтому других приходилось забирать силой. Кроме того, жрецы говорили, что в Карфагене должны быть дети всех рас, а греческих детей нельзя было получить иначе, как похитив их. И еще было кое-что, о чем Дафна тебе не сказала. Она подобрала пуговицу, на которой сидел старик, и кто-то из знающих людей сказал мне, что она из тех, которыми пользуются только служители храма Хаммона".

"Понятно, - сказал Клеанор, - в этом мало кто сомневается. Но не беспокойся; ты снова получишь своего сына. Я хочу спросить тебя о сотне вещей, но это будет в другой день; сейчас нельзя терять времени. Прощайте!"

Молодой человек говорил с измученной матерью достаточно уверенно, но когда он задумался о том, что ему предстоит сделать, уверенности в себе уже не было. Всю ночь он был занят проблемой, но, когда наступило утро, казалось, что решение было так же далеко, как и прежде. Он даже не мог придумать, куда обратиться за советом и помощью. Его греческие товарищи могли бы посочувствовать ему, но они, вероятно, знали об этом не больше, чем он сам. Что касается его карфагенских сослуживцев, то, хотя он был с ними в самых лучших отношениях, обращаться к ним было бесполезно, да и невозможно. Наконец ему пришла в голову идея. Греческий врач, который лечил его, когда он находился в доме Гасдрубала, возможно, не только захочет, но и сможет помочь ему. Желание у него, конечно, было, ведь он был греком; а возможность - потому, что его практикой занимались в основном карфагеняне самого высокого класса.

Он не терял времени, разыскивая своего друга, и, к счастью, вскоре его поиски увенчались успехом.

"Я не удивлен, - сказал лекарь, выслушав рассказ. "Я знал, что здесь происходит что-то подобное, хотя священники держат это в тайне, как только могут. Вчера меня вызвали к жене одного сенатора. Она находилась в состоянии прострации, для которой я не видел никаких физических причин. Конечно, я диагностировал психические проблемы и задал несколько вопросов в этом направлении. Но не получил ничего, кроме самых туманных ответов. Когда я уже собирался уходить, я задал вопрос о ее детях. Она ничего не ответила, но в следующий момент впала в самую страшную истерику, которую я когда-либо видел. Я сложил два и два, ведь не зря же я проработал врачом сорок лет, и догадался о правде. А потом, когда я давала указания прислуживавшей мне горничной, я услышала ее совершенно точно. Бедная женщина отдала Молоху своего старшего мальчика, прекрасное маленькое создание шести

лет. А теперь об этом греческом ребенке. Мы не должны быть замечены на улице за разговорами. Приходите ко мне завтра около полудня, и мы все обсудим".

В назначенное время Чистор был пунктуален.

"Я все обдумал", - сказал лекарь, убедившись, что его не подслушивают. "И я не вижу никаких шансов на успех, кроме как подкупить. Я знаю, где находится ребенок - в доме первосвященника. Два или три дня назад меня позвали туда, чтобы осмотреть ребенка, который там заболел. Я подумал, что это странно, ведь у священников нет семей. Тем не менее, это мог быть ребенок кого-то из родственников. Но еще более странным было то, что после того, как я выписал малышу лекарства и собрался уходить, я услышал голоса других детей. Тогда все объяснилось тем, что я рассказал вам сегодня утром. Они держат бедных маленьких существ, когда получают их уговорами или силой, в доме первосвященника. Это уже один шаг. Мы знаем, где находится мальчик. А дальше, по счастливой случайности, нам будет проще. Малыш, за которым я ухаживал, несомненно, умрет. Я почти уверен, что не найду его живым, когда пойду сегодня днем. Что ж, мне придется сообщить о его смерти первосвященнику, который должен будет найти ему замену и, полагаю, похитить другого ребенка. Это ужасно, но мы ничего не можем с этим поделать. Теперь о моем плане. Вы должны подкупить слугу, который должен будет вынести ребенка и позаботиться о его погребении. Это будет довольно просто. Это человек самого низкого сословия, и за десяток золотых он сделает все, что угодно. Кроме того, вы должны подкупить священника, который занимается отпеванием детей. Это уже более серьезное дело. Обычно верховный жрец предлагает первого, а остальных передает подчиненному. Именно с ним вам придется иметь дело. Не то чтобы это был вопрос веры с ним. Обычно, по моему опыту, - не всегда, заметьте, но обычно чем ближе к алтарю, тем меньше веры; и этого человека я знаю. Но это опасное дело, и, кроме того, человек может ставить свои условия. Я бы сказал, что потребуется сто золотых. Вы сможете это сделать? Не у каждого молодого офицера найдется сто золотых. Я могу вам немного помочь, но гонорар лекаря невелик и его трудно достать".

"Тысяча благодарностей!" - сказал Чистор, - "но у меня есть столько, сколько нужно".

"Приходите снова после наступления темноты", - продолжил лекарь. "Вам придется договориться с мужчинами, так как я не должен появляться в этом деле, но я устрою так, что вы сможете их увидеть".

"Все идет как нельзя лучше", - сказал врач, когда они снова встретились. "Как я и ожидал, ребенок был мертв. И тут я немного изменил наши планы. Я подумал, что это может осложнить дело, если в него будут вовлечены двое. И священник мог бы возразить, узнав, что его тайну разделяет служительница гораздо более низкого ранга. Это означало бы, сказал он, бесконечный шантаж. Тогда я сказал ему, что в болезни ребенка есть что-то очень странное, что я хочу выяснить истинную причину и что я дам ему пару золотых - предлагать больше было бы подозрительно, - если он позволит мне забрать тело. С этим разобрались. Теперь о священнике. Он приходит сюда сегодня вечером; он давно мой пациент и хочет меня видеть. Этот парень, один из самых жестоких пьяниц в Карфагене, давно бы уже умер, если бы не я. Ты увидишь его и расскажешь, что он должен сделать, а это, одним словом, подложить мертвого ребенка живому, и что ты дашь ему за это. Это чистая правда, но вы обставите ее так, как сочтете нужным".

"Но разве это не будет невозможным - мертвое дитя за живое?" - спросил Чистор.

"Вовсе нет, - ответил лекарь, - и отнюдь не так трудно, как вы думаете. Вы не знаете, смею заметить, что детей пичкают лекарствами настолько сильно, насколько это возможно, не доводя их до бесчувствия. Все существа, которых приносят в жертву, должны быть одурманены. Вы знаете, что считается самым плохим предзнаменованием, если бык или баран отрывается от сопровождающих, когда они ведут его к алтарю. Вы же не думаете, что постоянно совершается чудо, чтобы то, что происходит каждый день на скотобойне, никогда не случилось в храме? И это делает дело сравнительно легким. Нет особой разницы между одурманенным и мертвым ребенком".

В положенный срок пришел священник. Лекарь осторожными намеками возбудил его любопытство и жадность, и Клинофор обнаружил, что его задача не так трудна и не так дорога, как он предполагал. Нет нужды рассказывать о переговорах. Как и предполагал лекарь, вера священника не вызвала затруднений. У него не было ни малейшего остатка веры. Он был участником слишком многих самозванств, чтобы у него осталось хоть что-то подобное. Подложные чудеса были частью, можно сказать, его повседневной деятельности. Но он максимально использовал риск, а он, несомненно, был велик. Мертвого ребенка не только подменили живым, но и тайно вывезли живого. Лекарь предоставил ему временное убежище; его должны были принять в семью супруги, которая содержала его дом. Вероятно, дело представлялось более сложным, чем было на самом деле, главным образом потому, что никто не мог предположить, что его попытаются осуществить. В конце концов была заключена сделка на несколько меньшую сумму, чем назвал лекарь. Священник должен был получить пять с половиной двадцати золотых, а еще пятьдесят, когда Клеанор убедится в безопасности ребенка.

Клеанор долго сомневался, стоит ли ему присутствовать на страшной церемонии, которая должна состояться в этот день. Все инстинкты его собственной природы и его расы восставали против подобных действий. Греческий нрав не отличался особым милосердием и, конечно, никогда не отказывался от лишения жизни, если того требовали политические соображения или побуждения к мести, но зрелища крови ему были не по душе. Даже в своем деградирующем состоянии он отвращался от диких развлечений, которые очаровывали римлян. А в Клеаноре были развиты лучшие чувства его расы. С другой стороны, он думал о том, что, если вдруг возникнет подозрение, его присутствие поможет его обезвредить. А главное, его интерес к судьбе младшего приемного брата был настолько велик, что он считал невозможным оставаться в стороне.

Торжества этого дня начались с большой процессии, в которой несли низшие божества карфагенской веры, чтобы отдать дань уважения, как говорили, Баал-Хаммону, своему вождю. У каждого из них была своя компания жрецов и храмовых служителей; и божество, и его спутники были наряжены по этому случаю со всем великолепием, которое могли предоставить храмовые сокровищницы - в большинстве своем богатые накоплениями веков.

Первым, - и это было правильно, чтобы самый высокопоставленный гость прибыл первым, - прибыл Мелькарт, наместник Хаммона, как его можно назвать, под особым покровительством которого находились дочерние города финикийской расы, как и великая мать-государство Тир. Бог не был представлен человеческой фигурой, но огромное солнце с позолоченными лучами несли под балдахином из богатых пурпурных занавесей. За Мелькартом следовал Танит, или Астарт, символизируемая похожим изображением луны, но меньшего размера и с серебряными лучами; а после Танита - Дагон, бог рыб, особый покровитель карфагенских флотов, пользующийся меньшим почетом с тех пор, как старшая дочь Тира утратила наследственное господство на морях. Это были три великих сановника процесса; за ними следовала толпа низших сил с фигурами людей или животных, всегда

тяжелых в золоте или сверкающих драгоценными камнями, но гротескных или даже отвратительных по форме, так как финикийский мастер не пытался подражать изяществу своего греческого соперника.

Храм Хаммона был переполнен, и действительно, с самого рассвета, когда его ворота распахнулись, к нему стекалась возбужденная толпа. Однако посередине храма оставался свободный проход, по которому шли две шеренги крепких стражников, коренных карфагенян, в великолепных позолоченных шлемах с кивками из африканского страуса, в доспехах из блестящей стали, с короткими пурпурными плащами на плечах. Эта дорожка была оставлена для приближения божественных гостей. При приближении первых из них огромные двери, покрытые алым занавесом, отделявшим святилище от тела храма, откинулись, и святое место стало видимым для большинства присутствовавших в тот день впервые в жизни.

В центре полукруглого углубления в дальнем конце, на золотом троне, к которому вели двенадцать ступеней, на каждой из которых стояло изображение льва, возвышалась колоссальная статуя Хаммона. Навес над ним был образован крыльями двух склонившихся фигур. Изображение было сделано из какого-то черного камня, вероятно базальта, и высечено в виде грубого подобия человеческой фигуры, со стальными руками, вытянутыми вперед. Впереди, так близко к изображению, что оно частично находилось под руками, было отверстие шириной в шесть футов, из которого время от времени вырывался тонкий язычок цветного пламени.

Когда распахнувшиеся двери открыли образ, на собравшуюся толпу мгновенно опустилась тишина, поразительно контрастировавшая с лепетом звуков, наполнявших храм за минуту до этого. Наступил страшный момент, и толпа с удивлением и ужасом ожидала того, что должно было последовать.

Первым тишину нарушил голос первосвященника, который начал читать литанию прошения. Ее было достаточно хорошо слышно, но мало кто понимал, так как форма не изменилась с древнейших времен, а язык был в основном устаревшим. Через определенные промежутки времени в припеве слышались голоса низших священников. Древняя формула закончилась, и первосвященник добавил особые мольбы на этот день. Он призвал благословение на Карфаген, на его армию, флот, жрецов и народ. Он проклял ее врагов, в первую очередь Рим, особо упомянув имя Сципиона. Закончив мольбы, первосвященник обратился к народу, взывая: "Сыны Карфагена, принесите с готовым сердцем и от всего сердца своему Господу и Спасителю Гаммону!"

Наступила короткая пауза. Затем Шоф этим спустились с сидений, на которых они сидели, и, выйдя вперед, бросили в отверстие золото и пряности. Никто не подражал им и не ожидал, что они будут подражать. Они представляли народ, а их дары символизировали приношение народного богатства. Оставалось совершить самую торжественную часть жертвоприношения, и эту часть, по понятным причинам, священники оставили в своих руках.

Первосвященник снова начал:

"О Ваал-Хаммон, мы отдали тебе самое дорогое из того, что не имеет жизни; теперь мы отдаем тебе плоть от плоти нашей и жизнь от жизни нашей".

Сказав это, он взял из рук подчиненного жреца нечто - что именно, никто не мог разглядеть - завернутое в белый виссон и положил на вытянутые руки колосса. Образ, приводимый в движение скрытыми сзади механизмами, склонил голову и одновременно опустил руки,

сбросив возложенную на них ношу в разверзшуюся под ним пропасть. В толпе, заполнившей храм, раздалось нечто среднее между ревом и воплем. Это была радость от того, что великий Хаммон принял их подношение; это был ужас - ведь даже карфагеняне были людьми - от того, что они знали, что это было за подношение. В следующее мгновение раздался громкий звук, издаваемый кимвалами, которые расположились в углублении, чтобы не было видно толпы. Каждый раз, когда очередную ношу взваливали на руки и опускали в пропасть, раздавался тот же взрыв дикой музыки.

"ПЕРВОСВЯЩЕННИК ПОЛОЖИЛ ЖЕРТВУ НА ВЫТЯНУТЫЕ РУКИ БОГА".

Клеанор с напряженным вниманием следил за ужасной церемонией. Время от времени ему чудилось - он нашел место, надо сказать, неподалеку от святилища, - что он видит какое-то

движение и даже слышит крик. Но он не мог быть уверен в этом. Он узнал священника, который передал первого ребенка первосвященнику, а остальных положил на руки образа, как человека, с которым он вел переговоры, и был уверен, что однажды тот сделал легкий жест, который никто другой не заметил бы, в его сторону. Когда страшный обряд был завершен, он испытал огромное облегчение. Что касается судьбы ребенка, то он не мог сразу успокоиться. Было бы неосмотрительно наводить справки. Однако на следующий день он получил от своего друга-врача сообщение о том, что мальчик в безопасности. Такое же утешительное сообщение было передано матери. Ей, конечно, пришлось довольствоваться лишь случайными встречами с ребенком и надеждой вновь обрести его в более счастливое время.

ГЛАВА XVII. ХОД И КОНТРХОД.

Великий праздник Хаммона со всеми его пышными блесками не преминул произвести хотя бы что-то похожее на тот эффект, которого ожидали от него власти. Угасшее было рвение карфагенского народа вновь обрело былую энергию; надежда на то, что их страна еще может быть спасена для них, надежда, почти оставленная в последние несколько месяцев, начала возрождаться. Хаммон, думали они, должен быть умиловивлен столь преданным благочестием, должен вмешаться, чтобы спасти столь покорный город.

В самом деле, требовалось всяческое содействие, ибо положение гражданского населения Карфагена было крайне шатким. Сенат не преминул заложить в мирное время столько провизии для войны, о приближении которой они знали, сколько удалось собрать. Но делать это приходилось почти исподтишка. Рим с подозрением наблюдал за всем, что напоминало подготовку к войне, и не раз высказывал недовольство закупкой ненужных запасов.

Все, что было сделано таким образом, должно было быть сделано без ведома ее регулярно назначаемых агентов и резидентов, которые тайно находились на ее жаловании. Кое-что было сделано; гарнизон имел достаточное количество припасов; дома высшего сословия были, в основном, хорошо обставлены. Но бедняки, у которых не было места для магазинов в их жилищах, даже если бы у них были средства, чтобы купить их заранее, были опасно близки к нужде. Именно для нужд этого класса населения в любом городе, который ожидает осады, должны быть сделаны государственные ассигнования, и именно в отношении этих ассигнований действия карфагенского правительства были затруднены.

Ситуация стремительно ухудшалась с тех пор, как на перешейке был построен обнесенный стеной лагерь. Теперь в осажденный город ничего нельзя было доставить по суше. Море все еще оставалось частично открытым. Римский флот поддерживал блокаду, но она была не слишком эффективной. Как только ветер начинал дуть с моря, военные корабли должны были отойти от берега, и блокадники получали шанс. Цены в городе были настолько высоки, что торговец, сумевший благополучно доставить к месту назначения один груз из двух, получал очень хорошую прибыль.

Все рыбацкое население африканского побережья на протяжении ста миль по обе стороны от осажденного города было занято в этом бизнесе. В основном использовались легкие суда, которые тянули мало воды, так как на них можно было безопасно плавать в тех местах, где военный корабль неизбежно сел бы на мель. Они были построены так грубо и дешево, что

потери, если они терпели крушение, были незначительными. Большую трудность представляла погода; если она продолжалась десять дней подряд, большая часть осажденного населения оказывалась на легко измеримом расстоянии от голодной смерти.

Теперь Сципион решил сделать большой контрход - заблокировать подходы к гавани. Он уже давно предвидел необходимость такого шага и заготовил огромное количество материала для этой работы, задействовав огромное количество местного населения на добыче камня и заготовке древесины. Таким образом, было сделано так много, что когда пришло время приступать к работе, оставалось сделать лишь самое необходимое. Это оказалось не так сложно, как казалось. Устье гавани находилось не очень далеко от берега, занятого римлянами.

В первую очередь необходимо было заложить фундамент для мола, который предполагалось построить. Для этого, в основном безлунными ночами, в воду опускали огромные глыбы грубо отесанного камня. На этом этапе осажденные не обращали внимания на происходящее или, во всяком случае, не пытались прервать или помешать. Было подозрение, и даже больше, чем подозрение, о замысле Сципиона, но Гасдрубал, сам ленивый и некомпетентный, надменно отказывался слушать любые предложения своих подчиненных. Но даже Гасдрубал воспрянул духом, когда сооружение достигло поверхности воды. Он увидел мол шириной более тридцати ярдов, протянувшийся через все устье гавани и перекрывший все каналы, доступные даже для самых маленьких судов.

Теперь Гасдрубал разработал или принял план, который, по крайней мере, на некоторое время стал фактическим препятствием на пути Сципиона. Он продолжал обстреливать ракетами людей, занятых на строительстве мола. Они были настолько меткими и непрерывными, что осаждающие почти не обращали внимания на то, что делалось на противоположной стороне гавани. Для них было неожиданностью, и очень нежелательной, что не успели они заблокировать одно устье гавани, как обнаружили, что появился еще один выход. Все население города, все мужчины, женщины и дети, способные орудовать лопатой или киркой, катать тачку или таскать корзину с землей, денно и ночно трудились над рытьем другого устья гавани.

Но и это было еще не все: впереди ждал еще больший сюрприз, настолько большой, что почти ошеломляющий.

Одним из условий мира, заключенного с Карфагеном после рокового поражения при Заме³⁷, была сдача всех военных кораблей, кроме двадцати. В какой-то мере это условие было соблюдено. На никогда не было более двадцати кораблей в строю одновременно, но старые развалины не всегда уничтожались. Сначала их сохраняли для различных целей; впоследствии, когда в будущем надвигалась новая война, их сохраняли с намерением использовать снова. Несколько торговых судов также были укомплектованы экипажами и вооружением, которое было по крайней мере достаточно эффективным.

И, что удивительно, все это было сделано без ведома осаждающих. Из города постоянно шел поток дезертиров, который увеличивался по мере того, как время шло, а перспективы Карфагена становились все менее обнадеживающими. Однако никто из них не мог сообщить ничего определенного. Они знали, что что-то происходит; некоторое время они слышали сильный стук молотков, который, действительно, был слышен в римском лагере, когда ветер дул с верфи, но ограничения на вход в арсеналы соблюдались неукоснительно. На этом информация, которую они смогли предоставить, закончилась.

Ничто не могло превзойти изумления осаждающих, когда новый флот, о существовании которого никто не подозревал, вышел из устья гавани, которую никто никогда не видел. Тонкая земляная насыпь была сохранена до последнего, так что для сторонних наблюдателей, а также для римских кораблей, курсировавших взад-вперед вдоль побережья, казалось, что ничего не изменилось. Когда все остальное было готово, вся имеющаяся в Карфагене рабочая сила была брошена на расчистку этой насыпи. К рассвету работа была завершена. На рассвете новый флот, великолепно оснащенный, так как на украшение и вооружение кораблей были потрачены огромные средства, отплыл из гавани по новому выходу.

К несчастью для Карфагена, воспользоваться представившейся возможностью было некому. Энергичная атака на римский флот, разбросанный и совершенно не готовый к действиям: часть кораблей находилась в ремонте, почти все они были наполовину укомплектованы, а их экипажи в основном были заняты на берегу, - могла бы увенчаться успехом и даже отсрочить судьбу Карфагена. Но этому не суждено было случиться. Гасдрубал, самоуверенный и неспособный, парализовал все и вся. Флот на некоторое время прошел парадом вдоль побережья и удостоился бесславной чести бесспорно владеть морем, по крайней мере, на этот день.

"Сначала нужно потренировать экипажи, - сказал Гасдрубал, находившийся на борту того, что мы можем назвать флагманским кораблем, ветерану, руководившему его плаванием, - но через несколько дней..."

"Нет такого упражнения, как бой", - прорычал старик, отворачиваясь.

И это было общее мнение Карфагена. Оно было настолько сильным и общим, и так энергично выражалось, что Гасдрубал не мог позволить себе пренебречь им. Капитанам было передано, что они должны быть готовы вступить в бой на следующий день. Утром, соответственно, флот снова отплыл. Все были в приподнятом настроении, ведь это огромное облегчение для тех, кто долго сидел в стенах, занятый утомительной задачей затяжной обороны, возобновить более авантюрный и интересный опыт нападения. Некоторые победы были одержаны. Один из карфагенских кораблей умудрился протаранить двух противников в быстрой последовательности. Это судно было подарено государству одной из купеческих компаний, и на него не пожалели средств, сделав его из самых прочных материалов и укомплектовав эффективной командой из свободнорожденных, хорошо оплачиваемых гребцов. Другой корабль захватил один из римских кораблей, взяв его на абордаж. На этом корабле служил Клеанор, и из-за гибели одного и потери трудоспособности другого его старшего офицера ему выпала неожиданная честь возглавить абордажников. Завязалась острая борьба, но в конце концов римский экипаж был побежден и вынужден сдаться.

С другой стороны, потери были уравновешены или почти уравновешены, так как к концу дня римляне оправились от неожиданности и более чем уверенно держались на ногах.

Сципион был повсюду, заметный в алом плаще главнокомандующего. Однажды, проезжая мимо, он оказался на расстоянии броска копья от нашего героя. Чистору, сомневавшемуся, не стоит ли сделать все возможное, чтобы избавить Карфаген от грозного врага, показалось, что он увидел на его лице улыбку узнавания. Когда стемнело, борьба была приостановлена по обоюдному согласию.

На следующее утро она возобновилась. На этот раз фортуна однозначно выступила против Карфагена. Дело было не в том, что заметно снизилась эффективность или мужество экипажей. Это сами корабли стали выходить из строя. Многие из них, как уже говорилось,

были старыми островами, которые латали, чтобы они снова служили. Два дня непрерывного использования, с периодическими столкновениями с друзьями и врагами, не улучшили их. Швы начали расползаться, а старые течи проявлять себя, так что к полудню по меньшей мере десяток из них был более или менее залит водой. Те, что пострадали больше других, примерно половина, попали в руки врага. Еще пять кораблей были потоплены.

Потери римлян составили менее половины от этого количества. Это не было сокрушительным поражением, но его было достаточно, чтобы показать, что Карфаген не может надеяться на избавление от своего флота. Тем не менее, у осажденных оставалось некоторое преимущество. Закрыть новое устье гавани было невозможно, настолько глубока была вода, в которую оно открывалось. Поэтому с этой стороны римская блокада никогда не сможет стать полной. Несмотря на эти успехи, в целом результат был крайне удручающим.

ГЛАВА XVIII. ПОМОЩЬ С ХОЛМОВ.

Однажды, вскоре после событий, описанных в моей последней главе, несколько меланхоличные размышления Клинора о перспективах будущего были прерваны прибытием его друга Гиско, который отсутствовал на службе уже несколько недель.

"Смею заметить, тебе интересно, - сказал карфагенянин, - что со мной стало за последний месяц или около того".

"Да, действительно, - ответил Чистор, - я расспрашивал о тебе офицеров твоего батальона, но ничего не смог узнать. Однако раз или два я замечал в их ответах лишь подозрение на колебания, и поэтому пришел к выводу, что здесь кроется какая-то тайна".

"Ну, - сказал Гиско, - это было то, что можно назвать секретом. Как бы то ни было, мы решили, что лучше ничего не говорить о деле, которое я затеял. Оно должно было стать небольшим сюрпризом для наших друзей за границей, а это не так-то просто сделать, как сейчас. В Карфагене мало что происходит, о чем становится известно на следующий день в палатке Сципиона. На этот раз, однако, мы справились, я надеюсь, лучше".

"Это все еще секрет?" - спросил Клеанор.

"Нет, нет, - ответил Гиско, - теперь это может знать каждый, и, кроме того, ты не из тех, от кого человек должен хранить секреты. Но теперь о моей истории. Я покинул Карфаген всего тридцать дней назад - помнится, это было за день до новолуния. Убежать, скажу я вам, было нелегко. Один из римских дозорных заметил меня, и мне пришлось скрыться в лагуне. К счастью, вода была достаточно глубокой, чтобы нырять, а я умею это делать, но когда я всплыл, чтобы отдышаться, меня чуть не сбила стрела. Однако я благополучно добрался до места, куда направлялся. Там меня встретил Битиас - помните, он был конным мастером Гулуссы - с двумя или тремя воинами и запасной лошадью для меня. Нашим поручением было отправиться к племенам, живущим далеко в стране, и собрать рекрутов для похода на Рим. Битиас, который знает всю местность и племена лучше всех живущих, должен был представить меня, а я должен был заключить договор со стороны Карфагена. Мы везли с собой некий талисман, который Вифиас заполучил, не знаю, как именно. Как бы то ни было, он, похоже, пользовался уважением повсюду, и как только его доставали, мы не переставали добиваться слушания, а мы, должно быть, побывали не менее чем у пятнадцати вождей".

"Вы говорите "слушание", - вставил Чистор, - но как вам удалось добиться того, чтобы вас поняли?"

"Ну, таким образом. Мы брали новых переводчиков, когда они были нужны. Мы обнаружили, что человек всегда может понять людей из соседнего племени. Иногда один и тот же человек служил у двух или трех. Когда он приходил в последнее место, где мог быть полезен, он выбирал какого-нибудь подходящего человека и инструктировал его, что тот должен говорить. В конце концов, это было очень просто. Главное, что от них требовалось сражаться, и что вождь должен был получить столько-то золотых, вождь - столько-то, а простой человек - столько-то. Чтобы объяснить это, не нужно много говорить. Это можно было бы сделать почти знаками. Конечно, мы не могли носить деньги с собой, но мы делали подарок каждому из вождей, а обычно, когда племя было сильным, одному или нескольким подвожням. Обещаний, будьте уверены, мы не жалели. Даже если все пойдет хорошо, я не представляю, как Карфагену удастся расплатиться с долгами".

"И много у вас было успехов?" - поинтересовался Клеанор.

"Да, был", - ответил Гиско. "Если все обещания, данные нам, будут выполнены, у нас будет сто тысяч человек. Но это, конечно, слишком большие надежды. Если три четверти или даже половина, скажем, выйдут на поле боя, это будет очень хорошо, и с учетом того, что мы сможем помочь вылазкой из города, мы должны дать хороший отчет римлянам".

"И как скоро это произойдет?"

"Уже очень скоро; племена начали двигаться, когда мы отправились в обратный путь. Нам потребовалось десять дней тяжелой езды, чтобы вернуться из последнего поселения, которое мы посетили. Они не могут прийти так быстро, но и не задерживаются на марше. Не забывайте, что все они всадники, хотя, когда дело доходит до битвы, некоторые из них расступаются".

"Что ж, - сказал Чистор, - вы попали в новую страну. Видел ли ты что-нибудь странное? Об этих краях и людях, которые в них живут, рассказывают чудесные истории. Каковы твои впечатления?"

"Ну, - ответил Гиско, - я видел несколько очень любопытных вещей. А что касается того, что я слышал, причем слышал от людей, которые клялись, что видели это своими глазами, то в это невозможно поверить. Я никогда не видел таких деревьев, какие растут на нижних склонах холмов. Вы знаете столы, сделанные из одного куска дерева? Так вот, они родом из этих мест. Я видел, как некоторые из них распиливали, а другие полировали. Виноградные лозы были огромных размеров. Я видел стебли со стеблями размером с обычную колонну храма и слышал о других - никогда не видишь таких чудесных вещей, о которых слышишь, - которые два человека едва могли бы обхватить руками. Я видел крокодилов, таких же, как те, о которых слышали в Ниле, и мне рассказывали о пиявках длиной в десять футов - это очень хорошо, но ухо может воспринять больше, чем глаз. В одном месте, куда мы приехали, была целая колония обезьян, как много мужчин и женщин, матерей, кормящих своих детей, и стариков с белыми головами, некоторые мирно болтали друг с другом, как друзья, а некоторые ссорились и были так свирепы. Что касается львов, то их были целые армии. Почти ни одна ночь не проходила без тревоги, и, хотя мы держали своих лошадей рядом с палатками, ночью у нас унесли нескольких".

"И что, - спросил Чистор, - ты думаешь об этих людях как о солдатах?"

"Ну, - ответил Гиско, - мне трудно судить. Они чудесные наездники, и их животные обучены повиноваться им самым удивительным образом. Человек может оставить свою лошадь стоять, не привязанной, как вы понимаете, сколько захочет, а когда он едет на одной, за ним, как собака, следует другая. Но смогут ли они выстоять против римлян - это уже другой вопрос. Если бы не их численность, я бы не ожидал многого. Но при соотношении четыре или пять к одному они должны что-то сделать; пусть они только продолжат наступать, и в конце концов они прорвут строй".

Как и предсказывал Гиско, туземные войска не задержались на марше. У них не было ничего из армейских *принадлежностей*, они несли только оружие и продовольствие - последнего хватало на несколько дней, - и все они были конными. На третий день после вышеописанного разговора их передовое охранение можно было увидеть на вершинах холмов, образующих линию неба на юге. Было решено, что они направятся к скале-крепости Неферис, теперь почти единственному месту, за исключением некоторых отдаленных мест на холмах, которым Карфаген еще владел за пределами своих городских стен. Неферис удерживал сильный гарнизон наемников под командованием искусного воина по имени Диоген. Сципион так и не смог выделить достаточно сил для его взятия, но его прикрывал значительный отряд под командованием царя Гулуссы, усиленный небольшим римским контингентом под руководством К. Лелия.³⁸ Эти силы должны были быть атакованы туземной армией, а Диоген со своими наемниками должен был выступить из крепости. Другой сигнал, приуроченный, насколько это возможно, к тому же моменту, должен был из города. Все, как осаждающие, так и осажденные, понимали, что наступил критический момент. Если бы эта попытка увенчалась успехом, судьба Карфагена была бы отложена почти на неопределенный срок; в случае неудачи взятие города могло быть лишь вопросом времени. Если он не поддастся силе, то непременно погибнет от голода.

Серьезность ситуации пробудила самого Гасдрубала от его обычной самоуглубленности и вялости. Он не был лишен чувств патриота и солдата, и в этом высшем усилии своей страны он сделал все, что мог. Главной целью его энергии было формирование того, что можно назвать Священной фалангой. Она должна была состоять исключительно из коренных карфагенян - рода войск, которые редко использовались, за исключением случаев крайней необходимости. Они должны были быть отобраны по методу, который Гасдрубал позаимствовал из римской практики. Для начала он отобрал сто человек, проверенных временем. Каждый из ста выбрал девять товарищей, а каждый из этих девяти - еще девять. В результате получилось сто рот, в каждой из которых было по сто человек, связанных между собой особыми обязательствами. Легион был великолепно экипирован: богатые позолоченные доспехи и оружие самого лучшего качества. У каждой роты был свой собственный значок.

Это была прекрасная сила, но все, что могли сделать граждане Карфагена для ее увеличения. В самом деле, число военнообязанных настолько сократилось, что некоторых новобранцев приходилось лишать гражданства, чтобы зачислить в легион. Клеанор, к своему удивлению, оказался прикреплен к штабу самого Гасдрубала. Генерал, действительно, сказал молодому человеку несколько любезных слов, когда тот докладывал о себе. Если между ними и была какая-то разница, сказал Гасдрубал, то теперь о ней можно забыть. Карфагену выпал такой шанс, который никогда не повторится. Город не будет неблагодарен тому, кто энергично воспользуется этим случаем.

Клеанор не мог прогнать воспоминания о прошлом и подозрения, которые неотступно следовали за ними; но его гордость, естественно, была польщена, и он надеялся на лучшее.

ГЛАВА XIX.

БИТВА НА ПЕРЕШЕЙКЕ.

Священная фаланга, описанная в предыдущей главе, была, несомненно, грозным соединением людей, которое при правильном обращении могло выиграть битву. Трудность заключалась в том, чтобы привести ее в действие. На самом деле было только два способа сделать это. Один из них заключался в том, чтобы прорваться через линии обороны, проложенные через перешеек; другой - в том, чтобы переправить войска на кораблях в какое-нибудь место, откуда они могли бы действовать. Оба способа были рискованными и сомнительными, но оба давали некоторую надежду на успех.

Линии обороны были сделаны наспех, имели слабые места и не были достаточно хорошо охраняемы на всем своем протяжении. Вполне возможно, что в том или ином месте они могут быть взяты решительной атакой. О плане транспортировки по морю можно было сказать только то, что он не был невозможен. Новое устье гавани, как уже говорилось, имело то преимущество перед старым, что выходило на глубокую воду, где блокирующие корабли не могли найти якорной стоянки. Но если в плохую погоду римский флот не мог наблюдать за выходом, то и любому кораблю было невозможно или, по меньшей мере, очень опасно отважиться выйти.

Гасдрубал решил испробовать оба метода. Он разделил фалангу на три части. Две из них должны были штурмовать линии войск на большом расстоянии друг от друга, а третья - попытаться переправить их по морю. Это было, безусловно, самое рискованное предприятие. Если дивизии удавалось достичь места, на которое она нацеливалась, оставалась проблема возвращения. Собственно говоря, возвращаться было нельзя, разве что в случае победы.

Поэтому для этого предприятия были вызваны добровольцы. Однако добровольцами стали роты. Это противоречило бы принципам, на которых строилась фаланга, если бы кто-то из солдат покинул товарищей, с которыми он был связан, по их или по своему выбору. Но с добровольцами трудностей не возникло. Требовалось всего двадцать рот, так как большее количество не могло быть безопасно размещено на транспортах, но можно было легко получить вдвое большее число. Командовать отрядом поручили офицеру, пользовавшемуся высокой репутацией за лихую храбрость, еще одному из многочисленных Гасдрубалов, которыми, можно сказать, кишел Карфаген. Клеанору было поручено исполнять обязанности его *помощника*.

Об атаке на линии инвестиции мало что нужно говорить. Оно не было полностью провальным, но и не было успешным. Как ни упорно сопротивлялись римляне, нападавшие прорвали линию в нескольких местах. В один момент целых семь или восемь рот оказались на дальней стороне траншеи, правда, с несколько уменьшившимся числом, но все еще практически целыми. Тем не менее, по большей части линия все еще удерживалась осаждающими. Если цель карфагенян заключалась в том, чтобы пробить себе путь через блокирующий отряд, то она была достигнута. В разных местах путь из Карфагена был открыт, и по крайней мере значительной части войска удалось бы спастись.

Но хотелось гораздо большего, не менее того, чтобы инвестиру практически перестала существовать, чтобы осажденные могли свободно уходить и возвращаться, когда им заблагорассудится. Ничего подобного добиться не удалось. Тем, кто после ожесточенной

борьбы пробился на открытую местность, пришлось бы не менее ожесточенно бороться за возвращение. Гасдрубал не мог позволить себе рисковать. Потеря такого войска означала гибель для Карфагена, который уже не обладал прежними способностями к восстановлению. Он неохотно приказал подать сигнал к отбою, и войска с еще большей неохотой подчинились.

Дивизия, к которой был прикомандирован Клинон, выступила удачнее, по крайней мере, в том, что касается выхода на поле боя. Ей исключительно повезло: и высадка, и посадка прошли без помех. Несколько дней дул сильный морской ветер, и эскадра блокады была вынуждена оставить устье гавани без присмотра. Затем погода внезапно изменилась, и войска, которые два дня стояли на биваке в ожидании удобного случая, были спешно переправлены на корабли и достигли места назначения еще до того, как римские корабли снова вышли в море.

Марш к месту встречи был совершен без помех, а с туземными союзниками было заключено соглашение. Диоген тоже не преминул исполнить свою роль в согласованном плане, прибыв точно в нужный момент с тысячей наемников. Но надежда на то, что такое объединение сил поможет Карфагену, полностью оправдалась. Туземные союзники предприняли одну атаку, но только одну. Двадцать тысяч всадников галопом спустились по склону, у подножия которого расположилась римская армия, их белые бурнусы развевались за спиной, а острия копий сверкали на солнце.

Клеанор всегда говорил, что это было самое великолепное зрелище, которое он когда-либо видел. Некоторые эскадры короля Гулуссы были сметены стремительным натиском многократно превосходящей их толпы. Но строй римских легионов - а их на поле было три, поскольку Сципион ввел в бой все имеющиеся силы - не дрогнул ни на мгновение. Несколько самых смелых всадников бросились на римские пики. Но в рядах не появилось ни единой бреши. Почти в одно мгновение огромный строй, подобно огромному животному, истощающему свои силы и дух в одной схватке, впал в безнадежное смятение. Тогда римская кавалерия с отрядами нумидийских лошадей набросилась на беспомощную массу.

Последовавшая за этим резня была ужасной. Говорили, что семьдесят тысяч горцев остались лежать мертвыми на поле боя. Это невозможно. Многие из соплеменников бежали, как только увидели, что день не будет их, и они должны были обеспечить себе такое начало, чтобы бегство было легким. Но победоносная конница продолжала убивать, пока не устало оружие.

Теперь безопасность наемников и третьего подразделения фаланги оказалась под серьезной угрозой. К счастью, они успели соединиться до начала битвы, и, конечно, было необходимо держаться вместе. Многие были ясно, но не было столь же ясно, каким путем им лучше всего следовать. Карфагеняне стремились вернуться, если это вообще возможно, в город. Там находились их семьи, друзья, все, что было им дорого; было слишком вероятно, что если они не вернутся немедленно, то никогда больше не увидят ни города, ни их самих. Наемники же стремились вернуться в крепость Неферис, из которой они вышли. Крепость находилась недалеко, так близко, что легионы не могли преградить им путь, хотя легковооруженные войска и конница могли помешать им на марше.

Был проведен спешный военный совет; времени на обсуждение не было. Каждый офицер - а их было семеро - высказал свое решение без объяснения причин. Соображения безопасности, которые с большим перевесом склонялись в пользу отступления к крепости Неферис, взяли верх. За этот курс проголосовали пятеро, а шестой, который первоначально

высказался за то, чтобы прорубить себе путь к Карфагену, передумал, увидев себя в меньшинстве.

В оппозиции остался только Гасдрубал. "Я поклялся защищать Карфаген, а не Неферис", - воскликнул он. Затем, неосознанно подражая упрямому спартанцу в Платее, он взял с земли огромный камень и бросил его перед собой, сказав: "Я отдаю свой голос за то, чтобы остаться".³⁹

По личному мнению Клестора, упрямство его вождя было не чем иным, как безумием, но он не мог оставить генерала, к которому был привязан.

Если Гасдрубал думал, что его несогласие определит действия его коллег, то он ошибался. Не говоря ни слова - а спорить было некогда, - они двинулись в сторону крепости. Гасдрубал был приведен в чувство этим решительным действием, как и спартанец до него. Он также не мог ошибиться в значении волнения, которое сразу же проявилось среди его людей. Нетрудно было понять, что вскоре он останется почти один.

Поэтому он дал сигнал к выступлению. Однако время было упущено, и несколько легковооруженных отрядов римской армии оказались на небольшом расстоянии от отступающего войска. Для того чтобы сдержать их атаки, задним рядам пришлось повернуться лицом к противнику. Боевых действий практически не было. Преследователи отступали, как только отступающая дивизия показывала им твердый фронт. Их целью было вызвать как можно больше задержек; карфагеняне же должны были решить проблему, как сделать так, чтобы эти необходимые остановки как можно меньше мешали быстрому отступлению. В этом им очень помогла их высокая дисциплина и то, что можно назвать идеальной слаженностью, и они уже подошли почти на расстояние выстрела из лука к скале-крепости, когда им пришлось повернуть, как они надеялись, в последний раз.

Теперь начался по-настоящему острый бой. Преследователи были усилены отрядом, отобранным из основного состава, - людей, выбранных за скорость, с которой они могли двигаться под тяжелым вооружением и доспехами. Карфагеняне медленно отступали перед ними, сохраняя непрерывную линию и ободряясь мыслью, что если им удастся подойти к стенам, то они будут в относительной безопасности.

Эта надежда не оправдалась. Римляне, действительно, наседали, так как стены были на первый взгляд пустыни, но за этим видом скрывался тщательно продуманный сюрприз. Сотни лучников и пращников затаились за крепостными стенами, а десятки катапульти, тщательно отрегулированные по дальности, были готовы выпустить залпы камней и копьев. По сигналу огонь, если можно так выразиться, был открыт с ошеломляющим эффектом. Римская линия зашаталась под ударами. В то же время ворота были распахнуты, и прежде чем враг успел опомниться, все отступающие войска оказались в безопасности внутри стен.

Но когда через час или около того после этого была проведена перекличка, среди пропавших без вести оказался Клеанор.

ГЛАВА XX. ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Молодому греку едва удалось спасти свою жизнь. Две раны - одна в голову, вызвавшая сильное сотрясение мозга, другая в бедро, приведшая к почти смертельной потере крови, - едва не завершили его карьеру. Почти сорок восемь часов он находился в состоянии полной бессознательности, затем мозг начал медленно восстанавливать свои функции. Но слабость, вызванная крайним истощением, все еще продолжалась. Несколько дней он лежал, смутно осознавая свое существование, но довольствуясь тем, что принимал окружающую обстановку, глотал еду и питье, которые ему предлагали, и спал, не задавая никаких вопросов.

Затем в нем проснулось любопытство. Место, в котором он оказался, было незнакомым, и он лениво размышлял, где он находится. Голоса вокруг были незнакомыми - его зрение было еще слишком слабым, чтобы различать лица, - и речь, которую они произносили, была странной. За первой попыткой пошевелиться последовало ощущение абсолютной беспомощности; первая попытка заговорить издала такой далекий звук, что он с трудом узнал свой собственный голос.

Утром седьмого дня, после необычайно долгого и освежающего сна, он почувствовал себя в состоянии осознать, где он находится. Врач, который, по счастливой случайности, нанес ему утренний визит, сразу же заметил улучшение состояния своего пациента.

"Тише!" - сказал он, когда молодой человек попытался заговорить. "Помолчите, пока не поешьте. Вам уже лучше, я вижу, но вы хотите подкрепиться. Потом ты можешь задавать вопросы и слушать, что тебе говорят, но только столько, сколько я разрешу".

Он хлопнул в ладоши, и в комнату вошел слуга, неся чашку с отваром, подкрепленным сердечным напитком. Клинор, который был еще настолько беспомощен, что его приходилось кормить, как младенца, проглотил все это с отменным аппетитом и пожалел, когда была подана последняя ложка.

"Хорошо! - сказал ученый человек, - мы положительно придали вашим щекам немного красноты. Вы получите еще одну порцию, когда она закончится три раза", - и он повернул водяные часы, стоявшие на столике у кровати. "Тем временем вы можете принять друга, который уже несколько дней ждет, чтобы возобновить с вами знакомство.

Он кивнул слуге, и тот отодвинул занавеску, закрывавшую вход в палатку. В следующее мгновение появился ожидаемый гость. Клеанор узнал в нем молодого офицера, родственника Сципиона, которому он спас жизнь во время нападения на Мегару.

"Слава богам, - сказал молодой римлянин, - что я снова вижу тебя самого!"

"В то, что я сам по себе, я должен верить, - ответил Клеанор, - но во всем остальном я сомневаюсь. Расскажи мне, что случилось".

Сципион посмотрел на врача, молчаливо спрашивая, можно ли говорить на эту тему.

"Говорите; теперь, когда он начал думать, его будет больше беспокоить, если он останется в неведении".

"Начнем с того, - сказал Сципион, - когда ты видел меня в последний раз?"

"Сейчас я думаю о том, что смутное воспоминание о вашем лице - это последнее, что я могу вспомнить. Но между ним и настоящим лежит пропасть забвения".

"И неудивительно: если бы у вас не было непреклонной головы, эта пропасть поглотила бы вас навсегда. Ну, а вы помните что-нибудь о сражении?"

"Да, да; все начинает вспоминаться; вы были на гнедой лошади. Помню, я подумал, какой это был скелет".

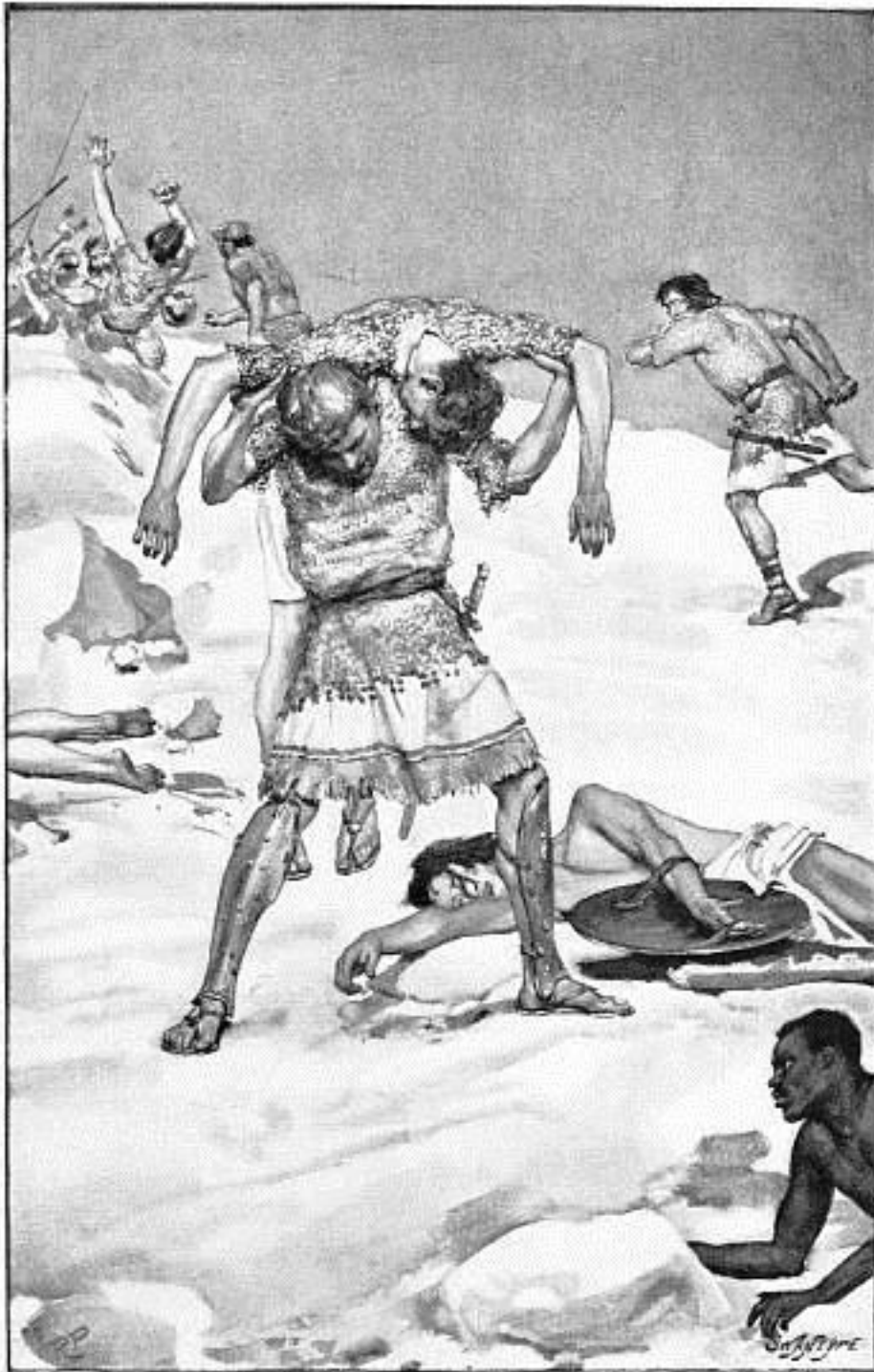
"Неудивительно; эти африканские пастбища ужасно голые".

"А теперь я вспомнил, что думал о другом. Это были те стихи из Гомера, которые Диомед говорит Глауку, когда они встречаются на поле боя и обнаруживают, что они старые друзья семьи".[40](#)

Молодой римлянин громко рассмеялся. "Вот это любопытно", - воскликнул он. "Мы обязаны быть друзьями, если думать об одном и том же - признак дружбы. Помнится, мне приходила в голову точно такая же мысль о Глауке и Диомеде. Вы не все забыли, это ясно".

"Ну же, мой дорогой господин, - вмешался врач, - не позволяйте ему так много говорить. Расскажите ему свою историю, а потом оставьте его немного отдохнуть".

"Что ж, - сказал Сципион, - то, что я хочу сказать, я очень скоро расскажу. Ты помнишь, как со стен форта был открыт огонь, который остановил наше продвижение. Он был прекрасно рассчитан; но, конечно, когда бой был настолько близок, как в то время, и передние ряды двух армий были фактически смешаны, он не мог повредить нам, не причинив вреда вам. Я видел, как двое или трое ваших людей были сбиты с ног, очевидно, судя по тому, как они упали, каким-то снарядом со стен. Одного из них я заметил особенно, потому что он был рядом с вами. Ошибки быть не могло, ведь вокруг вас было чистое пространство. Наши люди отступили, и ваши пробивались к воротам. Вы двое сильно отставали от остальных. Я видел, как вы опустились, чтобы поднять с земли своего товарища. Вы смотрели в нашу сторону, и мне особенно запомнилось, что я видел ваше лицо. Вы подняли человека с земли, но тут ваша нога словно соскользнула, и вы упали вперед. Затем вы снова подняли человека. Несколько человек наблюдали за вами, и с тех пор я слышал от них, что их воспоминания полностью совпадают с моими. И в этом я тоже совершенно уверен: с нашей стороны поля боя на вас не поднялась ни одна рука. Мы все видели, как вы снова поднялись с человеком на руках. Вы перекинули его через плечо, потому что так, конечно, было легче всего нести его, но ваше лицо все еще смотрело в нашу сторону. И прежде чем вы повернулись, вас ударили..."

"Я ВИДЕЛ, КАК ВЫ ОПУСТИЛИСЬ И ПОДНЯЛИ СВОЕГО СПУТНИКА С ЗЕМЛИ".

"Прежде чем я повернулся?" - перебил больной, который с восторженным вниманием слушал рассказ. "Прежде чем я повернулся, вы говорите; вы уверены, что меня ударили мои друзья, стоявшие позади меня?"

"Так же уверен, - ответил Сципион, - как и в том, что я сижу здесь и говорю с тобой в эту минуту".

"Тогда продолжай".

"Прежде чем ты повернулся, тебя ударили сзади. Первый удар пришелся на заднюю часть ноги. Я видел, как вы приложили руку к этому месту. И едва вы успели это сделать, как вас

повалили на землю вторым ударом. Он пришелся по голове. Мы догадались об этом по тому, как вы упали; и когда мы пришли осмотреть вас после этого, мы обнаружили, что все было так, как я сказал. Ваш добрый лекарь расскажет вам все подробно".

"Да, - сказал пиявка, - я сделаю это в надлежащее время. Но сейчас мой пациент уже достаточно слышан. Если я не ошибаюсь, он услышал слишком много".

"Достаточно или слишком много, - сказал Клеанор, - но я должен услышать все. Было бы в десять раз хуже, если бы меня оставили в таком напряжении. Из твоих слов я могу лишь заключить, что меня, должно быть, ударили сзади, то есть мои собственные друзья. Но в такое предательство я не могу поверить. Что вы скажете, сэр, - продолжал он, обращаясь к врачу, - вы можете пролить свет на это дело?"

"Будьте спокойны, будьте спокойны, друг мой", - сказал врач. "Вы испортите все то хорошее, что мы делали для вас последние десять дней. Вот, дайте мне пощупать ваш пульс..... Как я и думал, - продолжал он, - обычный пульс. Я бы все отдал за то, чтобы у вас был такой пульс, когда я только взял вас на руки. Но теперь он означает жар, а жар означает не знаю что".

"И все же я должен знать всю историю", - продолжал Чистор. "Как ты думаешь, смогу ли я уснуть, когда надо мной висит это сомнение относительно моих друзей?"

"Что ж, своенравный человек добьется своего, но, заметьте, я умываю руки. Я не отвечаю за то, что может случиться. А ведь это обещало быть таким прекрасным лечением!"

"Ради всего святого, продолжайте! Расскажите мне, как я оказался ранен?" - вскричал пациент с таким акцентом, на который еще полчаса назад никто бы не подумал, что он способен.

"Хорошо, - ответил врач, - я расскажу вам то, что знаю, но под страхом протеста. Видите это, - он достал из кармана свинцовую пулю из тех, что обычно используются в рогатках, - я извлек ее из раны на вашем бедре. Это была ужасная рана, вызвавшая страшную потерю крови. Видите это клеймо? Это точно не римское клеймо. Вы узнаете его? Если я не сильно ошибаюсь, это карфагенская буква, которая отвечает тому, что мы, греки, называем *альфа*. Что скажете?"

"Ты прав", - сказал Чистор. "Я сам раздавал их прашникам из магазинов. Да, это карфагенская пуля".

"Тогда вот еще что, - продолжал лекарь. "Когда тебя раздевали, чтобы уложить в постель, этот камень, который я держу в руке, выпал из складок твоей одежды. На нем было несколько клочков волос, и я узнал в них ваши. Видите, они все еще здесь", - и он протянул небольшой кусочек папируса, в который они были завернуты. "А откуда взялся этот кусок камня? Если присмотреться, то с одной стороны у него есть немного раствора. Когда-то он был встроен в стену. Такие вещи не валяются на открытой равнине. Нет, этот кусок камня был привезен откуда-то из Нефериса. У меня есть еще десять или двенадцать таких же кусков камня, которые подобрал неподалеку мальчик, которого я отправил на поиски на следующий день. Они очень похожи по размеру, и, хотя я не очень разбираюсь в таких вещах, я бы сказал, что они прилетели из катапульты. Ничто другое не могло отправить их так далеко. Теперь я рассказал вам все, что знаю".

"Большое спасибо, сэр!" - негромко сказал грек. "Я убежден, что имело место предательство; вы не оставляете никаких сомнений. Но я почти жалею, - добавил он с меланхоличной улыбкой, - что вы оказались менее искусны, а мои друзья здесь менее любезны. Я вряд ли

чувствую себя настолько благодарным вам, насколько должен быть. Человеку неприятно чувствовать, что его ранили в доме его друзей".

"Ну что вы, что вы, - сказал любезный врач, - в конце концов, это мог быть всего лишь несчастный случай или ошибка! Однако вы получили достаточно волнений, и даже больше, чем достаточно, за этот день. Примите вот это, и вы уснете", - и, достав из бумажника маленький пузырек с маковым соком, он налил сильнодействующую дозу в чашку с вином и дал своему пациенту.

"Спасибо, доктор!" - пробормотал Чистор, но добавил шепотом: "Да, сон, но только бы не было пробуждения!"

ГЛАВА XXI. ПОЛИБИЙ.

Желание Клеанора спать, не просыпаясь, было совершенно искренним. Он чувствовал себя почти убитым горем из-за того, как с ним обошлись. Он бросился на дело Карфагена с целеустремленной энергией, которой не было предела, и эти раны были ему наградой!

Правда, у него было довольно четкое представление о том, откуда исходила эта вероломная вражда. Он был уверен, что Гасдрубал никогда не простит его. То, что его тщеславие было унижено, а жестокость погублена, было преступлением, которое, несомненно, не могло не затронуть разум такого человека. Но что можно сказать о народе, который довольствуется тем, что им правит Гасдрубал? Молодой грек чувствовал, что потерял свою страну, так сказать, во второй раз. Его родной город погиб, а теперь и город его усыновления, Карфаген, которому он стремился служить жизнью и смертью, жестоко отрекся от него.

Первым результатом этих мыслей стала абсолютная потеря всякого интереса к жизни. Он не хотел выздоравливать, и какое-то время казалось, что то, чего он не желает, не произойдет. Врач обнаружил, что все завоеванные позиции потеряны, и в течение нескольких дней отчаялся в жизни своего пациента. Активной болезни не было; это дало бы его искусству что-то определенное, с чем можно было бы бороться. Но было полное безразличие ко всему, которое оказывало инертное и, казалось, непобедимое сопротивление всем его усилиям.

Все-таки в двадцать лет есть почти физическая тяга к жизни, которая побеждает самые глубокие печали и самые острые разочарования. Если бы Клинон был хозяином своих поступков, он мог бы покончить с собой. А так, беспомощно лежа в руках лекаря и друзей, он вынужден был смириться с тем, что ему сохраняют жизнь. Постепенно к нему вернулся аппетит, хотя он почти стыдился того, что голоден. По мере того как росли его силы, а кровь все быстрее текла по венам, в нем возрождались интересы, которые он считал угасшими, интересы, с которыми он, казалось, распрощался. Так продолжался процесс выздоровления.

Молодой Сципион делал все возможное, чтобы помочь ему. Он часто упрекал себя в поспешности и недостатке благоразумия, когда преждевременно раскрыл своему другу и хранителю отвратительную правду о предательстве, объектом которого он стал. Теперь он прилагал все усилия, чтобы исправить положение. Его присутствие у постели больного было непрерывным. Он всегда был готов поговорить, почитать вслух, сыграть партию в шашки или солдатики, насколько позволяли силы больного.

И все это делалось с такой искренней любовью, что не могло не найти отклика в сердце больного. Не раз великий родственник юноши, сам Командор, выкраивал час из своих бесчисленных дел, чтобы навестить палатку больного. Клинор вновь, с еще большей силой, ощутил то, что поразило его при первой встрече, - необъяснимое обаяние личности Сципиона.

В этих обстоятельствах здоровье Клеанора улучшалось, сначала почти вопреки ему самому, так как вряд ли можно было сказать, что у него было хоть какое-то желание жить, а затем все быстрее, по мере того как время ослабляло болезненные впечатления прошлого и укрепляло новые интересы и надежды. В первые дни болезни его хозяин, занимавший личную палатку младшего Сципиона, получил отпуск от своих военных обязанностей, чтобы присматривать за гостем. И хотя это разрешение неоднократно продлевалось, оно должно было закончиться.

Но Чистор никогда не испытывал недостатка в компании, причем самой интересной. Вспомним, что во время своего визита в римский лагерь в качестве переводчика офицера, ведущего переговоры об обмене пленными, он познакомился с историком Полибием. Это знакомство он теперь мог улучшить. Полибий, как не участвовавший в боевых действиях, имел много времени, чтобы уделить его инвалиду, в котором он нашел умного слушателя и даже критика. У него вошло в обычай приносить написанное накануне, читать его вслух больному и просить его высказать свои замечания.

"Прежде всего, - говорил Полибий, - я хочу быть откровенным и ясным. Скажите мне, не кажется ли вам, что я пишу как партизан, или что я неясен. То, что вы не очень понимаете, наверняка будет непонятно девяти читателям из десяти".

За чтением обычно следовала беседа, в которой затрагивались самые разные темы и которая вызывала у Клеанора неиссякаемый интерес. Полибий, которому уже перевалило за средний возраст,⁴¹ повидал столько людей и нравов, сколько ни один человек его времени. Он занимал высокий военный пост в своей стране, командуя кавалерией Ахейской лиги, последней попытки Греции занять свое место в мире политики. Так получилось, что он никогда не видел активной важной службы, но в знании теории войны его не превзошел ни один человек его времени. Он действительно внес очень важный вклад в военное искусство, значительно улучшив практику сигнализации. Если что-то и поднимало тщеславие старого солдата, то это именно это. Он не мог похвастаться победами и принадлежал к нации, которая перестала играть важную роль в мировой политике, но заслуга этого изобретения, по его мнению, позволяла ему занять место среди великих солдат истории. По его словам, это был самый гордый момент в его жизни, когда он увидел, как его система используется, и используется с успехом, самым великим Сципионом.⁴²

Но ничто в разговоре Полибия не было более интересным, чем то, что он рассказал о своих переживаниях во время семнадцатилетнего изгнания в Италии. Вместе со многими сотнями своих соотечественников - почти со всеми, можно сказать, кто был хоть сколько-нибудь знатен или способен - он был сослан в Италию. Но ему повезло больше, чем большинству его товарищей. Пока их распределяли по городам Северной Италии, где они влачили жалкое существование, без книг и общества, а зачастую и с самыми скудными средствами, ему разрешили жить в Риме. Он завоевал дружбу Эмилия Павла, великого завоевателя Македонии, и тот вместе со своими двумя сыновьями заинтересовался им. Общество, в которое он попал таким образом, было самым блестящим из всех, которыми располагал Рим,

и Полибий не устал о нем рассказывать. Клинон, который, как и его соотечественники в целом, привык считать римлян не лучше варваров, был поражен его энтузиазмом.

"У нас в Греции нет ни одного общества, - говорил Полибий, - которое могло бы сравниться с ними. Они более масштабны, более крепко сложены, так сказать. Они не такие острые, возможно, как некоторые из наших людей, но гораздо более крепкие и сильные".

"Но у них нет литературы, как мне сказали", - прервал его Клеанор.

"Это не так, - ответил Полибий, - у них есть зачатки того, что, я уверен, станет великой литературой. Сейчас они только и делают, что переводят с нашего языка. Но их переводы лучше любых оригиналов, которые мы можем сейчас создать. Когда-то я присутствовал на первых чтениях комедий их великого писателя Теренция. Правда, они были заимствованы у Менандра, Дифила и других греков, но заимствование было сделано с величайшим искусством, а язык был восхитителен. Можно считать само собой разумеющимся, что с таким законченным языком, как латынь, настоящая литература обязательно появится в скором времени. К тому же было любопытно наблюдать, какими замечательными знатоками стиля были эти молодые дворяне. Неправда, хотя об этом часто говорят, что Сципион и его друг Лелий написали пьесы Теренция за него, но я могу засвидетельствовать, что они очень помогли ему с ними. Видите ли, он не был римлянином по рождению, и не каждый может писать на римской латыни, так же как не каждый может писать на аттическом греческом. И есть еще одна вещь, с которой мы не можем сравниться: культура женщин в лучших семьях. У нас очень редко респектабельная женщина умеет больше, чем читать и писать; очень часто она не может сделать и этого. В Риме все совсем иначе - не везде, конечно, ибо есть и те, кто упорно придерживается старых традиций, но в том кругу, о котором я говорю. У Лелия - вы знаете, это большой друг Сципиона, с которым вы скоро познакомитесь, - есть дочь, чья образованность посрамила бы многих наших студентов. Когда я ее видел, она была еще девочкой, не достигшей подросткового возраста - они не закрывают своих женщин по нашей моде - и она могла говорить по-гречески с самым прекрасным акцентом, и то же самое они говорили о ее латыни; об этом, конечно, я вряд ли мог судить так хорошо".

"Вы когда-нибудь видели старика Катона?" - спросил Клеанор. "Я часто слышал разговоры о нем. Должно быть, он был достойным человеком совсем другого сорта".

"Да, да, я хорошо его знал, - ответил Полибий, - и у меня есть прекрасные основания его помнить. Как вы говорите, он был совсем другой марки и принадлежал совсем к другой эпохе. Он был из того времени, когда мало кто из римлян ступал за пределы Италии и даже не представлял, что что-то хорошее может прийти из-за морей. И все же странно, как новый дух сумел затронуть даже его самого в преклонном возрасте. Знаете ли вы, что я имел честь иметь его в учениках? Ему, должно быть, было уже около восьмидесяти лет, когда он обнаружил, что ему невыгодно знать то, что знают другие люди, и взялся за изучение греческого языка. Он уже давно мог кое-как говорить на нем, но взялся за чтение, и я имел удовольствие быть его учителем. Я жил в его загородном доме, потому что только там у него был досуг для занятий. Это был любопытный опыт. Он развлекал своих соседей, деревенских жителей, фермеров и тому подобное, самым дружелюбным образом. Они были прекрасными, крепкими людьми, и, увидев их, я вскоре понял, как Рим, похоже, собирается завоевать весь мир. А какие у них были головы! Винный кубок не останавливался в своих кругах, могу вам сказать, и если бы я не пропускал свою очередь так часто, как только мог, все закончилось бы катастрофой. Что касается старика, то он никогда не уклонялся от работы.⁴³ Но в его характере была очень суровая сторона. Ничто не могло быть тяжелее, чем его отношения с рабами. Они были для него простым тягловым скотом, ничуть не более

ценным, чем его лошади и волы, - да и не так уж много, если учесть, что они доставляли больше хлопот. Он давал им столько еды, сколько хватало на жизнь, и ни кусочка больше. Когда они становились слишком старыми для работы, он выставлял их за дверь, чтобы они умерли с голоду. Однако со мной он вел себя очень хорошо, и если я оказывал ему какую-то помощь, он оплачивал мне многократно. В итоге его удалось склонить на сторону изгнанников. Конечно, Сципион и его друзья сыграли в этом немалую роль, но я всегда считал, что он был добр и ко мне. Я был в сенате, когда встал вопрос о том, следует ли разрешить греческим изгнанникам вернуться домой? Дебаты были жаркими, и ожидалось близкое разделение. Старик поднялся, чтобы выступить уже в самом конце заседания. Должен сказать, что его слова не были лестными, но, безусловно, действенными. "Неужели мы будем больше тратить время на этих трусливых греков? Если мы не уладим этот вопрос сегодня, то начнем обсуждение заново". Затем он сел. Сенаторы рассмеялись, и предложение было легко принято. На следующий день я пошел поблагодарить его. Он был очень дружелюбен, и я набрался смелости и сказал, что если нам разрешат вернуться, то, возможно, нам также вернут наши звания и почести. Он очень мрачно улыбнулся. "Друг, - сказал он, - когда человеку посчастливилось выбраться из пещеры циклопа, я полагаю, что он будет глупцом, если вернется за своей шляпой или плащом". Я понял намек и отправился в путь еще до истечения двух дней. Но прежде чем я уехал, он прислал сообщение, что хочет меня видеть. Он находился в своем загородном доме и был занят тем, что вносил некоторые изменения в книгу, которую написал о сельском хозяйстве. Он диктовал, а раб, жалкий грек, который выглядел, как и он сам, полуголодным, записывал. "Я купил его в Магнезии⁴⁴, - сказал он, - за 20 фунтов, и это была отличная сделка, но сейчас он уже не справляется со своей работой". Я видел, как бедняга покраснел, но Катон заботился о его чувствах не больше, чем если бы он был собакой. Но теперь о том, что я хотел вам сказать. Я не думаю, что увижу конец Карфагена, хотя это не произойдет из-за того, что я не буду призывать своих соотечественников к этому.⁴⁵ Но вы, вероятно, увидите, потому что вряд ли это можно отложить еще на десять лет. Есть в Карфагене одна вещь, которую я всегда хотел увидеть, - это работа Маго по сельскому хозяйству. Мне никогда не удавалось раздобыть ничего похожего на полную копию этого труда. Только две или три книги - всего их двадцать восемь - попали мне в руки, и я нашел их совершенно восхитительными и использовал все, что мог, для своего собственного трактата. Я хотел сказать вам, чтобы вы помнили об этом, если вдруг окажетесь под рукой, когда наступит конец. В такие времена книги часто оказываются очень плохими. Что, в самом деле, простой солдат знает об их ценности? Но, будьте уверены, эта книга будет стоить целого корабля золота и серебра. Будьте начеку и предупредите всех знакомых, чтобы они искали книгу Маго". Это был последний раз, когда я его видел. Он прожил еще два года и умер счастливым, я полагаю, потому что Карфагену была объявлена война".

ГЛАВА XXII.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ ПОЕЗДКА.

Год завершился периодом бездействия с обеих сторон. Карфагеняне, сильно удрученные поражением туземных племен, больше не предпринимали попыток перейти в наступление. Они все еще удерживали форт Неферис, а римляне не смогли выделить достаточно людей для его штурма. С другой стороны, осаждающие были довольны тем, что пока оставили все в покое. Время было на их стороне. Они ежедневно наращивали прочность своих осадных сооружений, а их войска, большинство из которых при первой высадке были сырыми новобранцами, теперь превратились в хорошо обученных солдат. За несколько дней до

конца года Сципион отправился в Рим, чтобы присутствовать на выборах. За время его отсутствия ничего не было сделано, но было понятно, что по его возвращении активные действия начнутся незамедлительно.

На следующий день после отъезда главнокомандующего Клеонора навестил его врач. В последнее время эти визиты были редкими и краткими, не выходящими за рамки нескольких вопросов и короткой сплетни о новостях в лагере. Однако теперь пациент был подвергнут тщательному осмотру. Закончив его, лекарь покачал головой.

"Мой юный друг, - сказал он, - вы делаете не совсем те успехи, на которые я надеялся и которые ожидал увидеть. Пульс, как мне кажется, слабый. У вас головные боли, как вы мне сказали, время от времени, и плохой аппетит. Последнее - не очень хороший признак. Такой молодой человек, как вы, когда он действительно поправляется, должен быть голоден, как волк. В целом, я думаю, вам будет лучше, если вы изменитесь, и мы должны подумать, как это можно сделать".

В этот момент в палатку вошел Полибий. "Я не удовлетворен, - сказал лекарь, обращаясь к новоприбывшему. "Мой молодой пациент выздоравливает не так хорошо, как я надеялся, и я предлагаю сменить обстановку. Здесь отличные условия, и о нашем друге заботятся, я знаю, но лагерь - не лучшее место для полного выздоровления. Почему-то кажется, что присутствие большого количества мужчин делает воздух несколько спертым".

"Я особенно рад тебя видеть, - сказал Полибий, - потому что это именно то дело, ради которого я пришел. Сципион, который думает обо всех и ничего не забывает, позавчера говорил со мной о Клеаноре, и последнее, что он сказал мне вчера, когда я прощался с ним на борту его галеры, было: "Не забудь про инвалида". Он оставил решение этого вопроса в целом на мое усмотрение, но его идея заключалась в коротком путешествии в Египет. Я должен был узнать ваше мнение и, если оно окажется благоприятным, уладить все детали. Сципион будет отсутствовать почти или совсем месяц, потому что в Риме нужно уладить множество дел, и, конечно, за время его отсутствия ничего важного сделано не будет. Это дает нам достаточно времени. Что скажете, доктор?"

"Лучше и быть не может", - ответил врач. "Мы скажем: месяц. Это не даст вам много времени на берегу. Но меня это не волнует. На самом деле именно на морское путешествие я рассчитываю, чтобы исправить положение нашего юного друга. Тем не менее, в Александрии есть на что посмотреть, даже если вы не сможете проехать дальше".⁴⁶

"Именно это я и ожидал услышать", - сказал Полибий. "На самом деле, я настолько принял это как должное, что отдал приказ подготовить галеру сегодня вечером. Так что, если ты не возражаешь, Чистор, мы отправимся немедленно. Дует приятный западный бриз, и мы не должны его упустить".

Чистор не стал возражать. Напротив, эта идея пришлась ему по душе. Он, конечно, чувствовал себя несколько вялым, и время начинало тяготить его. Кроме того, что может быть восхитительнее, чем увидеть Александрию?

Соответственно, старт был дан на закате. Все благоприятствовало путешественникам. Ветер ни разу не отклонился от западного, и хотя ближе к вечеру он обычно стихал, но никогда не прекращался; днем он всегда дул бодро, но никогда не был настолько сильным, чтобы причинить неудобства. Поэтому плавание галеры было почти рекордным: за девять дней она достигла причала в месте, которое называлось Эвностос, или Гавань счастливого возвращения. Путешественники нанесли традиционный визит в храм Посейдона с

благодарностью за благополучное плавание и опустили в сундук по полстатера⁴⁷ за каждое подношение. После этого они вручили рекомендательное письмо, которым их снабдил Сципион, чиновнику, представлявшему Рим в Александрии, были приняты им с радушием и настойчиво предлагали принять его гостеприимство, но предпочли независимость собственного жилья.

Первым делом они, конечно же, посетили великую Библиотеку. В то время она еще не достигла тех огромных размеров, которых достигла примерно столетие спустя, когда в дополнение к своим собственным богатствам получила огромные коллекции Пергама,⁴⁸ но томов на ее полках уже насчитывалось более четверти миллиона. Два друга могли бы провести месяцы, если бы они были в их распоряжении, в этом диком уголке знаний. Их поразило не только множество его сокровищ, но и необычайная ценность многих отдельных томов. Здесь студентам разрешалось ознакомиться с подлинными автографами самых известных авторов мира, разумеется, под должной охраной. Один из Птолемеев, по иронии судьбы прозванный Благодетелем, обманным путем завладел оригиналами Эсхила, Софокла и Еврипида, подарив афинскому народу, владевшему ими, копии и денежную компенсацию. Его преемники придерживались той же беспринципной политики. Действительно, ни одной ценной рукописи, попавшей в Александрию, не разрешалось покидать ее.

К Библиотеке примыкал Музей с его театром или большим лекционным залом, небольшими аудиториями, столовой, а также коллегиальными зданиями, клуатрами, садами и парком. Двое друзей бродили из зала в зал, где рады были всем желающим - щедрые пожертвования на образование делали ненужной любую плату, - и слушали лекции на все темы знаний под солнцем.

Среди профессоров того времени не было ни одной выдающейся или знаменитой личности, но зато было много знаний и в изобилии риторики, если не красноречия. Преемник Аристарха выступил с докладом о критике Гомера, осудив - так уж повелось в то время - пагубную ересь *хоризонтов*, критиков, утверждавших разное авторство "Илиады" и "Одиссеи". Кафедру Евклида занимал геометр, который сделал несколько дополнений к науке тригонометрии. В лектории, посвященной астрономии, им посчастливилось послушать действительно выдающегося ученого Гиппарха Вифинского, которого власти Музея пригласили прочитать курс лекций. В качестве темы он выбрал свое великое открытие прецессии равноденствий, сделанное, как он объяснил, путем сравнения его собственных наблюдений с наблюдениями более ранних астрономов.⁴⁹

Когда они выходили из комнаты, служитель, заметивший, что они незнакомцы, предложил им прочитать надпись, сделанную золотыми буквами над главной дверью. Это была эпиграмма Аполлония Родосского о приеме Волос Береники среди созвездий. Полибий был признан одним из профессоров, который был рад оставить неблагодарную политику Греции ради спокойной деятельности в этой обители знаний, и был приглашен профессором на ужин в большой пиршественный зал. Разумеется, в приглашение был включен и Клинор. Промежуток времени был приятно проведен за осмотром сада, в котором уже начали собирать коллекцию тропических растений, ставшую впоследствии столь знаменитой, и за осмотром зверинца, что в то время было характерным для Александрии зрелищем.

И Полибий, и его друг были склонны считать, что все время, проведенное не в библиотеке или лекционном зале, было потрачено впустую. Но все же были достопримечательности, которыми посетитель Александрии не мог пренебречь. Это и мавзолей Птолемеев с золотым гробом, в котором покоились останки великого Александра; и обсерватория; и дворец

правосудия; и рынок, запруженный торговлей всего цивилизованного мира. Бывали часы, когда Библиотека была закрыта, и эти часы проходили как забавно, так и поучительно. Они бродили по разным районам великого города: по улицам, населенным евреями, с убогими интерьерами, за которыми часто скрывались дворцы, достойные королей, и по туземному кварталу, заполненному фигурами и лицами, которые могли принадлежать давно умершим подданным фараонов. Не менее интересными, чем город, были доки и набережные. Египет уже тогда был одной из великих житниц мира. Погрузка пшеницы на корабли была занятием, которое обеспечивало пропитание тысячам рабочих, а в это время, благодаря войне, которая вывела из оборота плодородные территории Карфагена, торговля была особенно оживленной.

Как бы то ни было, время не тянулось за гостями, и Клеанор с трудом мог поверить, что прошло десяти дней, когда Полибий заговорил об отъезде. В манере старика чувствовалась некоторая нерешительность, и Клинон, обладавший быстрой наблюдательностью и сообразительностью, свойственными его расе, не преминул это заметить.

"Это восхитительное место, Клинон, - сказал он, - и я надеюсь увидеть его снова. Правда, в Библиотеке есть книги, которые я должен тщательно просмотреть, прежде чем явлю миру свой *magnum opus*. Но это в будущем. А сейчас у меня нет иного выбора, кроме как отправиться в путь. На обратный путь у нас должно уйти не менее двенадцати дней, хотя, если ветер будет попутным, нам потребуется не так уж много времени".

"Да, - ответил Чистор, - я готов отправиться в путь в любое время".

Полибий секунду колебался, прежде чем заговорить. "Что ж, - сказал он, - я не думаю, что есть необходимость в том, чтобы вы ехали со мной. Жаль, что ты не увидишь больше Египта, раз уж ты здесь. И еще вопрос здоровья. Будет очень жаль, если у вас случится что-то похожее на рецидив. Что касается меня, то я должен ехать. В следующем месяце или, в крайнем случае, через месяц после него произойдет одно из величайших событий в истории Запада, и с моей стороны, претендующей на звание историка, было бы глупостью не присутствовать при этом, имея возможность увидеть это своими глазами".

Через мгновение Клеанор понял, что все это было спланировано и что его собеседник говорит по инструкции. Но он счел благоразумным скрыть свою осведомленность.

"Да, - сказал он, - я понимаю, но думаю, что мне лучше вернуться с вами".

Это было сказано в качестве предчувствия, и оно не подвело.

"Думаю, все должно быть так, как я сказал", - ответил Полибий с некоторым колебанием. "По правде говоря, Сципион пожелал, чтобы ты остался здесь, и я не хотел бы идти против его желания. Повелитель легионов, - добавил он с улыбкой, - должен поступать по-своему".

"Именно так, - сказал юноша, - и у меня нет желания ему противиться".

"Хорошо!" - ответил Полибий с явным облегчением; "Я был уверен, что ты будешь благоразумен, настолько уверен, что договорился о том, чтобы ты завтра же отправился в путешествие вверх по Нилу. Все расходы оплачены, и вам останется только наслаждаться самым прекрасным зрелищем в мире. Не нужно торопиться. Не торопитесь и посмотрите все на досуге. Такой шанс больше не представится. Лодка и ее команда наняты на три месяца. Когда вы вернетесь, то, если все будет в порядке, найдете здесь письмо с инструкциями".

"Что ж, - сказал Чистор, - я не могу не сожалеть, что вы не поедете со мной, но план просто восхитительный. Ты не смог бы придумать ничего лучше".

На самом деле мысли молодого человека были совсем иного рода, хотя он скрывал их с ловкостью, которая сделала бы честь опытному дипломату. Дело в том, что уже некоторое время его преследовали тревоги, к которым примешивалось чувство самоуничижения. В период его слабости и вынужденного бездействия они почти не проявлялись и были легко изгнаны. Но когда здоровье полностью восстановилось и он вновь почувствовал себя способным к действию, он уже не мог игнорировать их.

Что случилось и что может случиться с его приемной матерью и ее дочерью? С Теоксеной его связывала одна из самых естественных и нежных уз. Позволить ей погибнуть или подвергнуться участи, худшей, чем смерть, было бы позорным нарушением долга, только менее позорным, чем если бы она действительно была его матерью. А ее дочь? В тот момент он почти не думал об этой девушке, настолько его поглотили тревоги момента. Но ее образ глубоко запечатлелся в его памяти и даже в сердце. Ему казалось, что он видит ее до сих пор, когда она со всей простотой ребенка рассказывала жалкую историю о похищенном брате. Большие жалкие глаза, наполненные слезами, преследовали его днем и ночью.

И вместе с этой мыслью пришло воспоминание о другом лице, его кровной сестры, потерянной для него навсегда. Неужели судьба собирается нанести ему еще один удар, еще более страшный, чем первый? Клеоне была мертва. Приближалось ли время, когда лучшее, чего он мог пожелать Дафне, - это чтобы она тоже умерла? И неужели ему предстоит осматривать достопримечательности Нила, с любопытством размышляя об истории давно минувших поколений, в то время как эта ужасная трагедия настоящего разворачивается в Карфагене? Эта мысль сводила с ума. "Нет!" - сказал он себе; "Возможно, я ничем не смогу помочь, но, по крайней мере, я не буду получать удовольствие, пока они мучаются или умирают!"

Однако необходимо было скрывать. Было ясно, что Сципион намерен убрать его с дороги, когда Карфаген падет. И ничто не могло быть более разумным или более добрым, признавал он про себя. Хотя и нельзя было предположить, что он испытывает чувство долга перед государством, с которым он так обошелся, все же он вполне мог пожелать не быть свидетелем его окончательной катастрофы. О его личных чувствах римский генерал не мог знать.

Единственное, что он мог сделать, - это внешне согласиться с планом. Сципион, несомненно, должен был предусмотреть случай, если он окажет сопротивление. Полибий, как он помнил, затронул эту тему с некоторым колебанием, как будто возражения не были невозможны. Теперь, как полагал Клеанор, он был вне себя от страха. Слишком быстрое согласие могло показаться подозрительным. А так, с удовлетворением подумал Клеанор, он проявил как раз то самое нежелание. Он выразил сожаление по поводу потери компании своего друга, но при этом не намекнул на личное нежелание принимать план.

Вечером того же дня Полибий отправился в обратный путь. Клеанор был с ним до последнего момента, с восхитительно смоделированным весельем и интересом рассказывая об удовольствии, которое ему предстояло испытать в Египте фараонов.

ГЛАВА XXIII. ДИПЛОМАТИЯ.

Нильское судно, на котором отправился в Чистор, стояло у одного из причалов, окаймлявших значительную часть восточного, или городского, берега озера Мареотис. По договоренности оно должно было отправиться рано утром на следующий день после отъезда Полибия. Но молодой человек намеренно задержал свое появление до позднего дня, и капитан с командой, у которых было множество личных дел, чтобы занять их до тех пор, пока их работодатели решат остаться, не жаловались.

До заката оставалось два-три часа, когда Чистор наконец появился. Капитан объяснил, что в этот день у них не будет времени зайти дальше устья канала, соединявшего озеро с рекой Нил. Это было ложью. У них было достаточно света, чтобы пройти по самому каналу. Но пассажир согласился с беспрекословной готовностью, которая внушила старому плуту, владевшему лодкой, самые радужные надежды на ленивое и благополучное плавание. На самом деле оба были одинаково довольны. Капитан хотел сделать как можно меньше, а также намеревался напоследок порезвиться в таверне "Канал", известной своими винами. Пассажир, решивший покинуть судно при первой же возможности, был рад, что его не повезли дальше от города, чем можно было помочь.

Как только они остановились на ночлег, он вызвал старого капитана и стал с ним объясняться. Он начал с того, что безразличным тоном спросил названия главных городов, которые им предстояло миновать. Капитан, конечно же, выучил урок наизусть и ответил длинным списком мест, добавляя при каждом названии главные достопримечательности, которыми оно славится.

"И вам особенно хочется увидеть все эти места снова?" - спросил грек с улыбкой.

Старик пристально посмотрел на него. "Это мое дело, милорд, - ответил он, - правда, бедное, но им занимался мой отец до меня, и его отец тоже, и так на протяжении не знаю скольких поколений. Не знаю, почему я за него взялся, ведь платят плохо, но я за него взялся. Это наш путь, я полагаю, в Египте".

"Платят плохо, говоришь ты, - сказал грек, - но лучше бы ты не отправлялся в это плавание, а платили бы все равно".

"Мой господин смеется над своим слугой", - сказал капитан, снова глядя на него широко раскрытыми глазами.

"Вовсе нет; дело в том, что у меня не больше желания увидеть эти места, чем у вас".

Капитан продолжал смотреть. "Тогда почему..." - начал он.

"Мои друзья решили этот вопрос за меня, но я бы предпочел остаться на месте".

"Я понимаю", - сказал капитан, полностью закрыв один глаз и уменьшив другой до его естественного размера. "Я понимаю. У вас есть друг, молодой друг, смею надеяться, и вы не считаете, что сейчас подходящее время для долгого плавания".

Клинор видел, что у капитана есть свои представления о том, что задержало его в Александрии, и не хотел его разубеждать. В конце концов, подумал он, он не так уж и неправ. Он кивнул.

"Вы правы, милорд. Эти города, храмы и гробницы вверх по реке очень хороши, но они будут так же хороши и через десять, двадцать, тридцать лет. Этого нельзя сказать о молодости. Она проходит, милорд, проходит, и вы должны наслаждаться ею, пока можете. Но что я могу сказать? Мне заплатили за то, что я отвезу вас в Филе, а если вы пожелаете, то и до Второго катаракта. Я подписал договор у нотариуса. Он все знает; знают и другие люди. Что я скажу, когда они обнаружат, что я слоняюсь здесь без дела, а вашей светлости не видно? Вы не поверите, но есть люди настолько злые, что они скажут, что я убил вас, чтобы получить деньги, не совершая путешествия".

Чистор поверил, что такие люди существуют, а про себя подумал, что капитан не похож на человека, для которого такие вещи невозможны.

"О! - сказал он, - я все улажу. Я подпишу бумагу перед старостой деревни или любым другим человеком, который подойдет, о том, что я был вынужден по срочному частному делу, которое задержало меня в Александрии, отказаться от предполагаемого путешествия. Вы сможете показать ее любому, кто проявит любопытство и поинтересуется".

И это действительно было сделано. Призвали старосту деревни, который засвидетельствовал заявление Чистора о том, что он освобождает капитана "*Сфинкса*" от договора о перевозке его в Филе и ко Второму катаракту и что он не требует компенсации или возврата денег или их части за невыполнение условий. Сделав это, он сделал капитану и команде подарок в размере одного золотого и с удовлетворением увидел, что они отправились тратить его в таверну на канале. Вскоре после этого Чистор нанял небольшую гребную лодку и вскоре снова оказался в Александрии.

Общий план его действий был совершенно ясен. Существовал только один план проникновения в Карфаген. Он был полон риска, но все же осуществим. Из Александрии велась оживленная торговля блокадой. В осажденном городе кукуруза уже давно была по голодным ценам. То, что на александрийском причале стоило унцию серебра, на рынках Карфагена можно было продать как минимум за пол-унции золота. Если хотя бы одному кораблю из трех удавалось спастись от римских галер, это приносило огромную прибыль. Средний доход тех кораблей, которые преодолели блокаду, был не меньше, а, скорее всего, больше. Новое устье гавани, как уже говорилось, давало больше шансов.

Тогда Клеанор решился на авантюру с кукурузным кораблем для блокады. Вопрос заключался в том, какую маскировку он должен использовать? Фортуна была к нему благосклонна. Из-за ранения в бедро он стал хромать. За время болезни у него выросла небольшая бородка и довольно густые усы. Все это означало значительные перемены. Еще большее значение имела коричневая краска, придававшая ему цвет лица араба. Он решил, что ему лучше всего будет работать торговцем. Он снабдил себя подходящей одеждой и вьюком, который, однако, пока оставил незаполненным.

Поскольку Египет находился в союзе с Римом, торговцам, занимавшимся блокадным бизнесом, приходилось соблюдать определенную маскировку. Грузы переправлялись торговцам в итальянских портах, а сами корабли брали курс на Италию и держались на нем как можно дольше, чтобы максимально уменьшить шансы на захват. Случаи, когда пассажир предлагал себя, были редки, поскольку назначение кораблей с кукурузой этого класса было открытым секретом. Но если таковой все же появлялся, капитан вряд ли мог отказать ему в проезде. Если он был исключительно честен, то мог создать трудности на пути; обычно же он оставлял незнакомца разбираться в своей ошибке, предусмотрительно заплатив за проезд заранее.

Чистор, устроившийся на ночь в небольшой таверне неподалеку от берега, почерпнул немного информации из разговоров, которые велись вокруг. Завязав знакомство с моряком, который казался самым респектабельным из разношерстной компании в таверне, он узнал еще много нового. Наконец его новый знакомый предложил познакомить его с капитаном "*Морской миу*", блокадного корабля, который собирался отплыть на следующий день.

"Диоскорид, - сказал моряк, - честный человек. Он, верно, взял бы с вас деньги за проезд в Регий и не побрезговал бы доставить вас в Карфаген. Это, можно сказать, нечестно. Но с ним ты в полной безопасности. Он не перережет тебе горло и не выбросит за борт ради твоего вьюка. Вот что я называю честностью в морском капитане. Если вы захотите найти более прекрасное изделие, то вряд ли найдете его по эту сторону Геркулесовых столбов. Мы поднимемся на борт в последний момент, и я намекну ему, что все в порядке".

Цель столь позднего перехода на борт заключалась в том, чтобы показать, что человек, предлагающий себя в качестве пассажира, и не думал подавать агенту Римской республики сведения против корабля.

На следующий день, соответственно, эта программа была выполнена. Когда Клеанор и его друг подошли к причалу, *Морской Миу* как раз принимал на борт воду, необходимую для плавания, - часть приготовлений, которую, естественно, оставили на потом. Ветеран, чье лицо загорело под солнцем и ветрами пятидесяти лет плавания, получал последние наставления от энергичного человека, чья бледная и нездоровая кожа говорила о долгом пребывании за письменным столом и в счетной палате. Конференция закончилась, и Чистора представили.

"Мой юный друг, - сказал моряк, - идет тем же путем, что и вы. Клеанор, это Диоскорид, капитан "*Морской миу*". Лучшего человека вам не найти, а вы, - продолжал он, обращаясь к капитану, - найдете его приятным и любезным пассажиром". Слово "приятный" было подчеркнуто подмигиванием.

"Отлично!" - сказал капитан; "Пойдемте, посмотрим вашу каюту. Это последняя бочка с водой, и мы отчаливаем".

Он направился к трапу, соединявшему причал с палубой. Еще через пять минут "*Морская миу*" отправилась на запад.

Чуть позже полудня, когда "*Морская миу*" уже достаточно набрала ход и шла полным ходом при сильном бризе, который почти не стихал на корме, капитан пригласил своего пассажира спуститься вниз. Кюта была не слишком просторной, поскольку судно, хотя и перевозило грузы, было построено для скорости, а его владельцы имели в виду более рискованные виды торговли, - но она была хорошо обставлена, а еда, накрытая на столе, была почти роскошной. Капитан не преминул заметить удивленный взгляд своего пассажира.

"В этом деле, - сказал он, - мина-другая в ту или иную сторону не имеет большого значения. Бесплезно экономить, если собираешься либо сколотить состояние, либо утонуть, а может быть, и быть повешенным".

"Возможно, - ответил Чистор, - но пассажир не в том же положении. Боюсь, что такой тариф не подойдет для моих скромных средств".

"Не беспокойтесь на этот счет", - ответил капитан. "Скажем, пятьдесят драхм на проезд и еще десять в качестве подарка команде, если путешествие придется вам по вкусу".

"Боюсь, что на таких условиях я вам мало что дам", - сказал Чистор, доставая деньги, которые он аккуратно сложил из разных монет. Он решил, что лучше избегать видимости богатства.

Последующее плавание было в высшей степени благополучным. Западный ветер с легким оттенком южного нес "*Морскую миу*" в сторону Италии, которая, как уже было сказано, была номинальным пунктом ее назначения, с удивительной регулярностью. Она редко делала больше шести миль в час, но делала это днем и ночью с небольшими изменениями и без единого недостатка. Ее курс пролегал в пределах видимости африканского берега, пока не показалась Кирена. Тогда капитан взял более смелый курс, и больше они не приближались к суше, пока на северном горизонте не показался маленький объект, который был быстро опознан как Мальта. Вскоре после этого они увидели лодку кораллового рыбака, из которой узнали, что пару дней назад мимо них прошла римская эскадра с главнокомандующим на борту.

"Если это так, - сказал капитан, - я возьму курс прямо на Карфаген. Скорее всего, у нас будет четкий курс. Вряд ли римские крейсера будут рыскать в поисках призов вслед за своей эскадрой".

Когда они сидели вместе за ужином, а единственный офицер, который с ними возился, ушел на палубу, чтобы руководить постановкой очередного паруса, капитан сказал Чистору:

"Не думайте, что я хочу вмешиваться в ваши личные дела, и если мои вопросы покажутся вам неудобными или у вас будут какие-то причины отказаться рассказать о себе больше, не стесняйтесь, скажите мне. Я не обижусь и не подумаю о вас плохо. С другой стороны, возможно, я смогу вам помочь или подсказать. Если быть откровенным, я не могу вас понять. Вы хотите выдать себя за торговца - простите мне мою простоту речи. Так вот, вы не больше торговец, чем я; даже меньше, потому что вы, надо сказать, никогда в жизни ничего не покупали и не продавали. Вы говорите как джентльмен. Сам я так не могу, но я знаю, что это правда, когда слышу ее. Итак, что это значит?"

Клинон давно был готов к подобному вопросу. Приняв маскировку, он смутно рассчитывал, что будет одним из толпы пассажиров и сможет держаться на заднем плане, как ему заблагорассудится. В такой ситуации он мог бы с успехом сохранять свой образ. Но совсем другое дело - просидеть две недели *тет-а-тет* с проницательным деловым человеком, привыкшим общаться с самыми разными пассажирами. Клинон с самого начала почувствовал, что притворяться бесполезно, и готов был отказаться от этого, если бы ему бросили вызов. Но он не был готов рассказать свою истинную историю. Он придумал, как ему казалось, очень правдоподобную замену.

"Вы совершенно правы, мой добрый друг, - сказал он, - я не торговец. Но в Карфагене я надеюсь сделать хороший бизнес".

"Дела!" - сказал капитан, широко раскрыв глаза. "Полагаю, сейчас не лучшее время для бизнеса".

"Для покупки - несомненно, - полагаю, им приходится держать все свои деньги для пропитания, - но не для продажи. Именно это мне и нужно. Я получил заказ от человека, чье имя я не должен называть, на покупку книг".

"Книги!" - повторил старый моряк с нескрываемым изумлением; "Кто в мире хочет покупать книги?"

"Ну, - сказал Чистор, - есть люди, у которых есть вкус. В Карфагене есть несколько очень ценных вещей такого рода, большинство из них привезено из греческих городов Сицилии. Мой наниматель решил, что это хорошая возможность заключить выгодную сделку, и сделал так, чтобы я поехал. Видите ли, книги - это не то же самое, что золото и драгоценности. Большинство людей ничего в них не видят. Вы сами, хоть и повидали немало на свете, не могли понять, что кто-то их покупает. Как видите, я не собираюсь вмешиваться".

Моряк пожал плечами.

"Что ж, - сказал он, - каждому свое. Однако теперь я понимаю, почему вы говорите не так, как другие торговцы. Удачи вам!"

Капитан был прав, полагая, что море будет чистым вслед за римской эскадрой. Теперь у него созрел очень смелый замысел, для успешного осуществления которого нужен был только один элемент удачи - абсолютно благоприятный ветер. *Морская мия* была одним из самых быстрых парусников в Средиземноморье, и с ее собственным ветром, который дул примерно с кормы, она могла делать то, что ей нравилось, даже с хорошо оснащенный военным кораблем. План капитана заключался в том, чтобы держаться близко, но вне пределов досягаемости, на подступах к римской эскадре, когда они приблизятся к месту назначения. Он мог сделать это без труда. Двадцать галер представляли для него больший объект, чем он для них, и он полагал, с уверенностью, которая не была ошибочной, что они не будут очень внимательно следить за кормой. Если одинокий парус на мгновение окажется в поле зрения, он, скорее всего, не привлечет никакого внимания.

Нужен был только попутный ветер, и он, к его огромной радости, появился именно тогда, когда нужно. Бриз, несколько часов державшийся северного направления, сменился на западно-северо-западный. Погода немного сгустилась, и, чтобы завершить удачную комбинацию, плавание закончилось чуть позже наступления ночи. *Sea-mew*, который в течение нескольких часов держался в пределах двух миль от римской эскадры под прикрытием слабеющего света, теперь подошел вплотную к задней галере. В суматохе времени ее практически не заметили. *Си-миу* был построен почти по образцу военного корабля и шел под римскими знаменами. Никто, конечно, не предполагал, что это александрийский блокадник.

Через два часа после этого судно было в безопасности в гавани Карфагена, а капитан - он был не только владельцем, но и хозяином - получил огромное состояние. Он отгрузил в Александрии сто пятьдесят тонн пшеницы и столько же ячменя, пшеницы по полторы мины⁵⁰ за тонну, а ячменя - вдвое меньше, и теперь продавал пшеницу по восемь, а ячмень - по пять мин за тонну. Четверть валовой прибыли делили между собой члены экипажа, но оставалось достаточно, чтобы капитан мог навсегда отказаться от этого весьма опасного дела.

"Если после этого я еще раз искушу богов, то заслуживаю распятия", - сказал он своему старшине; и тот сдержал свое слово.

ГЛАВА XXIV. В СТРАШНОЙ НУЖДЕ.

Клеанору удалось приземлиться, не привлекая, насколько он знал, никакого внимания. Он помог высадить груз с "*Морского миу*" и, пройдя с полдюжины шагов между кораблем и

складом, незаметно ускользнул. Было уже далеко за полночь. Остаток ночи он провел в сарае. Это дало ему кров, а еды он позаботился о том, чтобы запастись столько, сколько было удобно нести. Он предвидел, что она пригодится ему в ближайшее время.

Поднявшись - нельзя сказать, что проснувшись, поскольку всю ночь он почти не спал, - как только первые лучи рассвета пробились к месту его отдыха, он выбрался из ограды, окружавшей доки, через выход, который он приметил во время своего пребывания в городе и отметил для возможного использования в будущем. Ему еще повезло, что его не заметили.

Сделав это, он вскоре вышел на улицу, где, как он помнил, находился дом его приемной матери, Теоксены. Было еще раннее утро, и на улице было очень мало людей, почти одни женщины, которые набирали воду из общественного фонтана в конце улицы. Он не сразу узнал среди них свою приемную мать, и у него сжалось сердце, когда он увидел, какой бледной и истощенной она выглядит и как медленно и болезненно передвигается под легкой ношей кувшина, который она несла на плече.

Он старался не выдать себя ни взглядом, ни движением, ибо ему очень хотелось узнать, удалась ли его маскировка. Если ее глаза, обостренные любовью, почти такой же сильной, как материнская, не обнаруживали его, он чувствовал, что находится в безопасности, а от этого зависела не только его собственная жизнь, но и возможность помочь другим. Он медленно прошел мимо нее, немного преувеличивая хромоту, вызванную его хромотой. Она дважды взглянула на него, причем во второй раз, как ему показалось, с мгновенным пробуждением интереса, который, однако, угас почти так же быстро, как и появился.

И вот теперь случай предоставил ему вполне убедительное доказательство того, что она совершенно не узнала его. В тот самый момент, когда он проходил мимо, она слегка споткнулась - вероятно, от слабости у нее подкашивались ноги. Кувшин покачнулся на ее плече и грозил вот-вот упасть. Клинор поймал его рукой и поддерживал, пока она не пришла в себя. Она посмотрела на него с благодарной улыбкой, пробормотала несколько слов в знак признательности за помощь и пошла дальше, очевидно, совершенно не зная, кто он такой.

Для Клэнора это было достаточным доказательством. Оглянувшись и поспешно убедившись, что поблизости никого нет, он пробормотал "Теоксена". Она обернулась и посмотрела на него, но так и не узнала, потому что голос был замаскирован. Он владел этим искусством почти в совершенстве, и действительно, самая тщательная маскировка черт и фигуры мало что дает без замаскированного голоса.

"Что, матушка Феоксена, - добавил он своим естественным тоном, - ты не знаешь своего сына?"

Через мгновение ее лицо озарилось восторженным узнаванием. Прижав палец к губам и приказав молчать, он шагнул к ее двери, которая, к счастью, оказалась совсем рядом. Если бы ей потребовалось больше двух-трех шагов, чтобы дойти до нее, она наверняка упала бы на улице. А так ему пришлось почти на руках перетащить ее через порог и усадить на один из двух стульев, составлявших часть скудной мебели в комнате. Видя, что ей нужна помощь, он решил позвать Дафну.

Через несколько секунд девушка появилась. Она одевалась и уже собиралась завязать волосы, когда ее напугал внезапный звонок. Ее локоны, коротко подстриженные, как читатель помнит, для того, чтобы сделать из них тетику для лука, отросли настолько, что ниспадали на плечи, и были еще пышнее и блестящее, чем прежде. Но ее лицо являло собой жалкий контраст с их великолепием - такое бледное, такое истощенное, такое измученное

страданием. Глаза, которые преследовали юношу, казались еще больше, чем прежде, настолько впалыми были ее щеки, а взгляд - жалким до невыразимости. Она, казалось, не замечала присутствия незнакомца, но тут же подлетела к матери и принялась за работу по приведению ее в сознание.

Когда Теоксена начала приходить в себя, Клеанор поднес к ее губам несколько капель крепкого сердечного вина, которое он носил с собой во фляжке, и с удовольствием увидел, как на ее щеках появился слабый оттенок цвета. Еще через несколько минут она пришла в себя настолько, что смогла сидеть. Клеанор не позволил ей заговорить.

"Ни слова, - сказал он, - ты еще недостаточно окрепла. В настоящий момент ты должна довольствоваться тем, что видишь меня живым и здоровым. Остальное мы можем отложить на потом. Как вы думаете, она может что-нибудь съесть?" - продолжал он, обращаясь к девушке.

Глаза бедной Дафны наполнились слезами. "У нас в доме ничего нет, сэр, - сказала она. "Вчера в полдень мы съели маленькую корочку ржаного хлеба, но она сказала, что не голодна, и заставила меня съесть почти все".

Клеанор пришел в ужас. Он ожидал увидеть их в большой нужде, но этот настоящий голод был еще хуже, чем он предполагал. Он торопливо оглядел комнату. Он уже заметил, что она была очень голой. Теперь он увидел, что с нее снято почти все. Дафна заметила его взгляд и пояснила.

"Нам пришлось продать почти всю мебель ради еды, а за вещи дают так мало, сэр! Я знаю, что денег очень мало, и торговцы осаждают людей, желающих продать свою мебель и одежду, но я не могу отделаться от мысли, что они обманывают меня, потому что я девочка и не могу помочь себе. Шесть дней назад я продала мамину кровать за восемь драхм - помню, она говорила мне, что она стоила тридцать, - и этих восьми хватило только на два ржаных хлеба и два анчоуса. Бедной матушке так трудно есть один только хлеб. Этого хватило нам до вчерашнего дня. У нас не было бы ничего, если бы не старик, который живет по соседству. У него был внук, который играл с нашим маленьким Цефалом. Дорогой мальчик умер около месяца назад, и старик всегда дает нам то, что он называет детской порцией. В последнее время она становится очень маленькой, потому что пенсия у старика небольшая, а денег с каждым днем все меньше и меньше. Но я не знаю, что бы мы без нее делали".

"Ну что ж, - сказал Чистор, - теперь я буду вам помогать. Полагаю, кстати, вы помните, кто я такой?"

"Да, господин", - ответила девушка, - "это вы были так добры к нам насчет Цефала".

"Тогда ты должна была помнить, что называть меня надо не "господин", а брат, или, еще лучше, Чинор. Но теперь о еде. На данный момент это лучше, чем ничего".

Он достал из сумки, которую нес, дважды испеченный хлеб, что-то вроде того, что мы называем бисквитом, и несколько полосок сушеной козьей плоти. Жалко было смотреть, как девушка пытается скрыть жаждущий взгляд, который появляется в ее глазах при виде еды. Старшая женщина почти перестала заботиться о жизни, но молодость протестует против страданий и обязательно подаст свой голос.

"ЧИСТОР ДОСТАЛ ИЗ ВЬЮКА, КОТОРЫЙ ОН НЕС, ДВАЖДЫ ИСПЕЧЕННЫЙ ХЛЕБ.

Еда не была обильной. Благоразумие Чистора ограничило его количество, поскольку он опасался реакции после долгого голодания. Когда все было готово, он сказал: "Теперь давайте посмотрим, что нужно делать".

"Мы слышали, что ты мертв, - начал Теоксена, - и убит, как говорили, нашими же людьми. Тысячу раз возблагодарим богов, что это неправда!"

"Что ж, - сказал Клеанор, - с этим покончено. Мы не будем говорить о том, что делали или пытались сделать другие люди. Я жив и надеюсь выжить, несмотря на них, и пришел узнать, что я могу сделать для тебя".

"Но что вы имеете в виду?" - вскричала женщина. "Где вы были? Откуда ты родом?"

"Ну, - ответил Чистор, - я пришел из Египта последним, а до этого я был в римском лагере, где нашел, должен сказать, очень добрых друзей".

"Но неужели ты вернулся в этот обреченный город - а он, несомненно, обречен, - когда снаружи ты был в безопасности и среди друзей?"

"Да, если хотите знать. А что еще я мог сделать? Ты же не думаешь, что я собирался оставить тебя погибать здесь, в то время как сам был в безопасности и комфорте снаружи?"

"Но почему? Что за требование...?"

"Ты спрашиваешь, на что я претендую? Ты - моя мать, Дафна - моя сестра. У меня есть друзья, и добрые друзья, но вы - это все, что у меня есть. Так что с этим покончено. Я вернулся, чтобы вывезти тебя из Карфагена в целостности и сохранности, и мы должны подумать, как это сделать. Но прежде чем я скажу что-то еще, как насчет маленького мальчика?"

"Я никогда его не видела, но слышала несколько раз - последний раз всего четыре дня назад, - что он здоров. О! Как я могу отблагодарить вас?"

"О благодарности мы поговорим в другой раз, дорогая мама", - с улыбкой сказал Чистор. "Мы должны думать о настоящем".

"Я слышала, - сказала Теоксена, - что все должны переехать в Верхний город. Гасдрубал считает, что у нас нет шансов отстоять остальное. Я бы с радостью... я бы скорее остановилась здесь и умерла. Но ты видишь, что бояться нужно не только смерти. Это было бы довольно легко. Мы должны идти, но где мы найдем угол, чтобы спрятаться, или корку хлеба, чтобы поесть?"

"Предоставьте все это мне", - сказал Клеанор. "Если это можно сделать, я это сделаю; и мне кажется, - добавил он после минутной паузы, - мне кажется, я вижу способ".

Пока он говорил, в его голове промелькнула мысль, что он может найти помощь там, где уже находил ее раньше. Если лекарь, служивший ему в деле маленького Цефала, еще жив, то более умелого и, он был уверен, более готового помощника не найти.

"Подождите, - сказал он Феоксене, - вы с Дафной, где вы находитесь, и не показывайтесь больше, чем можете помочь. Провизии, которая у меня здесь есть, хватит вам на день или около того?" И он высыпал содержимое своей сумки на стол.

Женщина улыбнулась. Они с Дафной умудрялись прожить не один день на гораздо меньшую сумму.

"Да, это изобилие".

"Тогда до завтра", - воскликнул молодой человек с весельем, которого он не чувствовал. Если лекарь не сможет помочь или он умрет!

К счастью, от этого несчастья он был избавлен. Клинор нашел человека, причем, благодаря знанию его привычек, без потери времени. До полудня оставался еще час, когда он увидел пиявку, выходящую из каземата в стене, который он привык посещать в этот час для осмотра раненых.

"Хорошее зрелище", - воскликнул лекарь. "Какой Эскулап воскресил тебя из мертвых? Они сказали мне, что ты убит, и я боялся, что у них были слишком веские причины знать, что это правда".

"Это, - сказал грек, - долгая история, и она останется в прошлом. Как обычно, мне нужна ваша помощь".

"Вы не больны? Нет, я никогда не видел, чтобы вы выглядели лучше. В чем дело?"

Клинон рассказал ему свою историю.

Врач выглядел серьезным, и после паузы он сказал: "Вы хотите для своих двух друзей того же, чего хотят несколько сотен тысяч людей в этом городе - надежного убежища. Но его можно найти; все вещи можно найти, если знать, где их искать. Но это будет стоить дорого, очень дорого". И он пытливо посмотрел на молодого грека, который, конечно, в своем одеянии торговца не выглядел так, словно владел безграничным богатством.

Клеанор понял этот взгляд и прошептал старику на ухо несколько слов.

"Это капитал", - сказал он, окинув его восхищенным взглядом. "Ты, несомненно, деловой молодой человек".

На самом деле Клинон взял с собой на случай возможной нужды достаточный запас средств в самой портативной, а значит, и самой ценной форме, какую только могло иметь богатство в условиях того времени. Золото, каким бы драгоценным оно ни было, не очень портативно. По-настоящему богатому человеку потребовался бы целый караван, чтобы перевезти свое состояние из одного места в другое, если бы оно было в форме золота. Бумажные деньги - ведь древний мир вел дела с помощью векселей, как и мы, - были недоступны. Коммерческий кредит Карфагена рухнул навсегда.

Единственным доступным средством обогащения были драгоценные камни. В Карфагене они подорожали почти до невероятного уровня. Все чувствовали, что рано или поздно город будет взят. Когда это произойдет, золото станет почти бесполезным. Единственным шансом сохранить его, и то незначительным, было бы закопать. Это могло бы скрыть его от врага, но, скорее всего, скрыло бы его и от владельца. С другой стороны, драгоценности можно было носить с собой в любом случае. Если человеку удастся сбежать, то он сможет сбежать и с целым состоянием, вложенным в него. Соответственно, Клинон сейчас пользовался этой частью щедрости старого короля. Он носил на поясе, рядом с кожей, тонкий кошелек, в котором хранил множество драгоценностей. Он был твердо намерен не потерять их иначе как ценой своей жизни. Пока он хранил их, ему казалось, что он может сделать все, что могут сделать деньги.

"Пойдемте со мной домой, - сказал лекарь, - и обсудим это дело. Вам лучше не попадаться на глаза, потому что кто-нибудь может узнать вас, несмотря на вашу маскировку, и это будет очень неловко".

ГЛАВА XXV.

УБЕЖИЩЕ В БУРЮ.

У вас, как я понимаю, есть необходимые средства, - сказал врач Клеанору, когда они уселись вдвоем, не прерывая друг друга. "Теперь о моем плане. Единственным надежным укрытием будет один из храмов. Есть три храма, которые подойдут для нашей цели, я имею в виду три, которые будут особенно подходящими из-за количества частных апартаментов, которые к ним примыкают. Это Эскулапий в цитадели, Аполлон в арсенале и Баал-Хаммон в Верхнем городе, но это, конечно, вам известно. В целом я склоняюсь к Аполлону в арсенале, и я скажу вам почему. Эскулапий - самое сильное место в Карфагене, и именно там будет сделан последний рывок. Есть отчаянные люди, которые будут держаться до последней крайности и скорее погибнут, чем сдадутся. Среди них есть старые дворяне, которые слишком горды, чтобы жить под властью Рима, и есть дезертиры, которые знают, что помилование невозможно. Сам Гасдрубал говорит, что намерен бросить свой жребий вместе с ними, но я сомневаюсь в нем; он - кривляка. Я точно знаю, что были сделаны приготовления к тому, чтобы удерживать Эскулапа как можно дольше. А когда это станет невозможным, его уничтожат. Я знаю этих карфагенян. Доведи их до крайности, и они будут вести себя, как скорпион между двух огней". Очевидно, что Эскулапий - не место для некомбатантов. А в Баал-Хаммоне слишком много жрецов, и они - плохая партия. Тот парень, которого ты подкупил насчет маленького мальчика, был тебе очень полезен, но потом он оказался большим негодяем. В этом вопросе вы могли ему доверять, потому что он сам подставил свою шею под петлю; но в этом - нет. Видите ли, он может легко извлечь из этого двойную выгоду - получить с вас большую сумму за то, что вы уберегли своих друзей, и еще одну сумму за то, что продали их римлянам. Нет, лучше не иметь ничего общего с Баал-Хаммоном и его командой. Затем остается Аполлон в арсенале. Там всего два жреца. Это старик, который уже почти в преклонном возрасте, и сын, приличный человек с отличной женой. Он не прочь взять денег, но не станет вымогать. Она, бедная женщина, только что потерявшая единственного ребенка, приютит ваших друзей по чистой доброте. В любом случае, она сделает для них все возможное. Лучше предоставьте это дело мне, чем меньше вас будут видеть, тем лучше. Ну, что скажете?"

"Я очень рад, - сказал Клеанор, - оставить это дело в ваших руках. Как вы думаете, сколько нужно денег?"

"Вряд ли меньше двухсот золотых", - ответил лекарь.

"А вот это, - сказал Клестор, доставая несколько рубинов и изумрудов, а также розовый бриллиант, небольшой, но с необыкновенным блеском, - один хороший судья оценил в талант⁵¹. Ваш друг священник, если пожелает, получит еще одно мнение об их стоимости, но я уверен, что цена не слишком высока. Именно столько предложил мне в качестве первой ставки Рафаэль, первый ювелир Александрии, а, как вы знаете, человек не предлагает самую высокую цену в своей первой ставке".

"Талант!" - сказал лекарь, который сам был в некотором роде знатоком драгоценных камней и рассматривал их с явным восхищением. "Действительно, талант! Бессовестный негодяй! Он должен был сказать "три". Один только этот бриллиант стоит таланта, и даже больше. Что ж, я немедленно займусь этим делом, нельзя терять времени. Оставайтесь здесь и чувствуйте себя как дома".

Около полудня снова появился лекарь. "Все решено, - сказал он. "Я сохранил для вас ваш бриллиант. Его было слишком много, чтобы отдавать. Рубинов и изумрудов было вполне

достаточно. Маго - так зовут младшего священника - хорошо разбирается в драгоценностях, и он был вполне удовлетворен. Вы должны встретиться с ним сегодня вечером в верхнем конце улицы, где живут ваши друзья, отвести его в их дом и представить. Он возьмет женщин под свою опеку и проводит их в храм. У него есть возможность провести их через одни из ворот арсенала без лишних вопросов. Я передам цену завтра, когда первая часть дела будет завершена. В остальном вы должны довериться ему. В самом деле, у вас нет другого выбора; но он неплохой человек, и, как я уже сказал, его жена абсолютно верна".

К полуночи Теоксена и Дафна благополучно разместились в маленькой каморке, смежной с той, которую занимали священник и его жена.

Перемены не заставили себя ждать. Рано утром следующего дня римские войска были замечены в движении, и был отдан императивный приказ об эвакуации Нижнего города. Многие жители, предвидя это, нашли убежище в Верхнем городе. Но тысячи остались, не надеясь на то, что перемен удастся избежать, или просто парализованные отчаянием. Многие из них были лишены средств и друзей, но они остались только потому, что было легче остаться, чем переехать.

Даже сейчас некоторые упорно остаются. Войска получили приказ изгнать их силой, и некоторое время они пытались выполнить этот приказ. Но натолкнулись на пассивное сопротивление, которое привело их в замешательство. Некоторые не хотели, некоторые не могли покинуть дома, к которым они привыкли и которые, по крайней мере, давали им хоть какое-то убежище.

И все же паническое бегство было непреодолимым. Улицы, ведущие в Верхний город, были переполнены до предела. У ворот давка была просто чудовищной. Всю ночь людской поток не прекращался; когда наступило утро, он был еще плотным и сильным. Сципион, прекрасно понимая, что беспомощная толпа станет для осажденных скорее источником слабости, чем силы, строго запретил преследование. Если бы не это обстоятельство, любое число людей могло быть убито или взято в плен.

Тем не менее, сам арсенал не должен был долго оставаться нетронутым. Оставить его осаждающим означало признать, что падение всего города - вопрос времени, по этой, если не по другой, причине - невозможности подвоза свежих запасов. До этого времени, как мы уже видели на примере *Морской росы*, было завезено некоторое количество продовольствия. Поставки были небольшими и нерегулярными, но их было достаточно, чтобы пополнить запасы гарнизона. Время от времени что-то выделялось для нужд населения. Все это должно было закончиться, когда порт перейдет в руки врага.

Но у Гасдрубала не было выбора. Он не мог надеяться защитить укрепления арсенала теми силами, которые были в его распоряжении. Он должен был сконцентрировать свои силы в пределах меньшего по площади Верхнего города. Поэтому в ночь после оставления Нижнего города арсенал был эвакуирован вместе с его гарнизоном. Последнему отряду было приказано поджечь склады. Это не было сделано и часом раньше. От Сципиона не ускользнула необходимость, вынудившая карфагенского полководца к таким действиям. Лелий, самый умелый из его лейтенантов, пробирался в арсенал, который, к своему удивлению, оказался не защищенным, в то самое время, когда гарнизон покидал его с противоположного конца.

Лекарь был слишком занят своей работой, чтобы уделять много внимания военным делам, а Клинон, выполнив, насколько это было возможно на данный момент, цель, ради которой он вернулся в Карфаген, не рисковал быть узнанным и схваченным, выходя за дверь. Поэтому он

с удивлением, а также с ужасом узнал о случившемся. Первое, что он увидел, выглянув из окна на следующее утро, была территория арсенала, кишущая римскими солдатами. Некоторые из них под руководством своих офицеров пытались погасить пламя в домах, где находился магазин; немногие, как можно было заметить, были заняты сбором награбленного; храм Аполлона, очевидно, был одним из главных объектов притяжения.

Это был тревожный момент для Клестора, но если бы он мог видеть, что происходит в храме, то почти отчаялся бы в безопасности Феоксены и ее дочери. Дело было в том, что римская армия, при всей строгости дисциплины, к которой ее приучил Сципион, на данный момент была совершенно выбита из колеи. Осада была долгой и утомительной, а опасности, пока что несоизмеримые с наградами. И вот теперь, почти впервые за три года, эти люди, изголодавшиеся, так сказать, по добыче, оказались в пределах досягаемости того, что казалось огромным богатством.

В центре храма стояла фигура Аполлона, примерно вдвое больше, чем в жизни. Казалось, что она сделана из золота, но на самом деле она была деревянной, покрытой массивными золотыми пластинами. Трон, на котором он восседал, решетки по обеим сторонам и балдахин над головой были из того же металла, и они были абсолютно цельными. Вес всего этого сооружения впоследствии был оценен примерно в двести пятьдесят тонн. Возможно, это было преувеличением, но сокровище, несомненно, было очень большим. Оно было настолько велико, что первое впечатление солдат, ворвавшихся в святилище, было таково, что все это сделано из какого-то позолоченного металла.

Затем было сделано открытие. Один римлянин из чистого озорства нанес удар мечом по шпалере, окружавшей статую. Подняв отрубленный таким образом фрагмент, скорее из любопытства, чем рассчитывая найти сокровища, он был поражен его весом. Затем его осенила истина.

"Клянусь Поллуксом!" - воскликнул он, - "это, должно быть, золото".

Последовавшая за этим сцена была новой для римлян. Во всем Риме, можно сказать, во всей Италии, вряд ли можно было найти столько сокровищ. С того дня, когда солдаты Александра ворвались в сокровищницу Персеполя и увидели то, что богатейшая монархия мира накапливала веками, подобное зрелище никогда не встречалось человеческим глазам. Оно подавило твердую силу римской дисциплины; с неистовым криком люди бросились на добычу. Центурионы, которые, руководствуясь командным инстинктом, пытались их удержать, были грубо отброшены в сторону. Один из них, рискнувший применить дубину из виноградной лозы, которую он носил с собой, чтобы исполнять приказы, был сровнен с землей ударом кулака. Трибун, командовавший отрядом, когда осмелился вмешаться, не встретил большего уважения. Менее чем через полчаса со статуи сняли дорогое покрытие, а святыню разнесли в щепки.

Затем людьми овладела странная страсть к разрушению, которая, кажется, всегда следует за любой большой вспышкой мятежа. Возможно, их охватило неистовое желание уничтожить саму сцену своего преступления. Как бы то ни было, в течение нескольких минут храм находился в самой непосредственной опасности быть сожженным. Один из солдат сунул факел в огонь, горевший возле большого центрального алтаря, и бросил его на занавеси, закрывавшие одну из стен.

В этот критический момент на сцене появился сам Сципион. Его присутствие, казалось, привело в чувство обезумевших солдат. Первой его заботой было проследить за тем, чтобы огонь был потушен. С добычей он в данный момент не пытался разбираться; он отложил это

дело до более спокойного момента. Один из секретов его успеха заключался в том, что он никогда не напрягал свою власть. Но порядок был восстановлен и твердо соблюдался. К зданию приставили охрану. Он должен был сменяться через определенные промежутки времени. При этом он должен был получать всю долю призовых денег, которые можно было заработать наравне с настоящими бойцами. После этого храм и его обитатели оказались в такой безопасности, в какой только может быть место или люди в такое время.

ГЛАВА XXVI. ШТУРМ ВЕРХНЕГО ГОРОДА.

Укрепления Верхнего города не оказали серьезного сопротивления нападавшим. Они были очень древними и не только сильно обветшали, но и не могли противостоять, даже если бы находились в наилучшем состоянии, усовершенствованным методам нападения, которые были введены со времени их возведения. За последние несколько месяцев были предприняты попытки отремонтировать их, но безрезультатно. Ничто, кроме полной реконструкции, не принесло бы практической пользы. Римские тараны не проработали и дня, как стало ясно, что в стенах быстро появятся проломы. На самом деле слабых мест оказалось так много, что даже самый решительный и сильный гарнизон не мог надеяться заделать их все. В течение ночи вся линия была эвакуирована.

Однако Карфаген не был взят без отчаянной борьбы. Уже дважды город-мать Тир с яростью защищался от нападавших, превосходящих его по силе.⁵² И еще более ужасную сцену ярости и безумия мир увидел двумя столетиями позже, когда еврейский народ защищал свой последний оплот, Иерусалим, от легионов Рима. Теперь карфагенянам предстояло показать себя недостойными этих знаменитых сородичей.

Верхний город пронизывали три улицы, все они были построены на крутых склонах и сходились на вершине холма. На ней возвышалась цитадель, которую венчал знаменитый храм Эскулапия. Он был построен на скале, три стороны которой *dis* играть отвесный спуск длиной около шестидесяти футов, а четвертая поднималась по длинной лестнице. Три улицы были построены в соответствии с восточным вкусом, или, скорее, восточной потребностью, которая предпочитает тень циркуляции воздуха и света. Они были настолько узкими, что жители противоположных домов, обычно наклоненных наружу, могли почти пожимать друг другу руки из своих окон. Дома были не одинаковой высоты, но все они были высокими, иногда до семи или восьми этажей. За этими главными магистралями тянулась целая сеть переулков и аллей, состоящих по большей части из небольших домов, где то и дело попадались мощные дворы или небольшие сады.

По этим улицам римлянам приходилось пробираться с трудом. Почти каждый дом представлял собой крепость, которую нужно было отдельно атаковать и отдельно брать. Первая опасность, с которой пришлось столкнуться, - это ливень черепицы и кирпичей с крыш и верхних этажей. Эти снаряды, тяжелые и падающие с огромной силой с высотных зданий, были бы ужасно разрушительны, если бы нападающие не защищали себя построением *testudo* или черепахи. Для этого мужчины выстраивали свои щиты над головой в плотный непроницаемый строй, под прикрытием которого они выламывали двери дома за домом. Иногда даже *тестудо* раскачивалось под ударами более тяжелой массы, чем обычно; не раз оно было сломано, когда обороняющимся удавалось оторвать и обрушить на него весь парпет. Каждый раз это происходило без особых потерь.

Когда вход в дом был взломан, каждый этаж становился ареной нового конфликта. Оказавшись на крыше, защитники иногда предпочитали броситься вниз, на улицу, чем попасть в руки врага. Некоторые совершали отчаянный прыжок через пространство, отделявшее их от домов напротив; другие перебирались по мостам из досок или дверей, которые они поспешно делали, а в некоторых случаях и готовили заранее.

Нет нужды говорить о том, что борьба такого рода велась с величайшим ожесточением. По большей части это была борьба между народом и армией. Жители, редко, если вообще когда-либо, защищенные доспехами и снабженные тем оружием, которое предоставила им случайность, зачастую не более чем палками или домашней утварью, отчаянно сражались с хорошо защищенными, хорошо вооруженными, хорошо дисциплинированными мужчинами. Женщины были еще более неистовы, чем мужчины. Сбившись в кучу, они, как дикие кошки, налетели на римлян, кусались и царапались, пока не были убиты или выведены из строя. О четверти не было и речи, ее даже не спрашивали. Нападавшие, медленно продвигаясь вперед, отвоевывали двор за двором, оставляли за собой безжизненное запустение: на каждой лестнице и в каждой камере лежали мертвые, как попало.

Эта битва на улицах продолжалась с неослабевающей яростью в течение шести дней. Осаждающие, разумеется, сражались в эшелонах; отрядов было три, и у каждого было свое время службы, по четыре часа дважды в день, так как прекратить атаку, конечно, было невозможно. Один человек не позволял себе отдыха, и этим одним человеком был Сципион. В течение всех шести дней он не спал или, по крайней мере, не приучал себя ко сну, потому что природа иногда брала свое, неутомимый дух, господствовавший над его физическим каркасом, и он не мог удержаться от короткой дремоты, когда садился за еду. Он принимал пищу, как только предоставлялась возможность. Это были торопливые трапезы самого простого вида - кусок сушеной плоти, корочка хлеба или бисквит, время от времени одобренный изюмом. Питье было строго ограничено водой, поскольку в бою он всегда действовал по принципу, который заставил Гектора отказаться от кубка с вином, предложенного ему матерью в перерыве между сражениями.⁵³

На закате шестого дня Верхний город был практически захвачен римлянами. Оставалось взять только цитадель, а это было настолько трудным делом, что атаку пришлось отложить, пока войска не отдохнут.

Но дух карфагенян был наконец сломлен. Как раз в тот момент, когда войска, отправленные на первый штурм, закончили сборы, и не успели трубы дать сигнал к наступлению, как по ступеням, ведущим от храма Эскулапия, спустилась процессия, возглавляемая глашатаем, который нес в руке флаг перемирия. На короткое время она пропала из виду, когда оказалась под прикрытием внешней стены цитадели, но затем стала видна, когда вышла из одних из ворот. Сципион, который собирался обратиться к своим войскам, вышел вперед, чтобы встретить новоприбывших. Их предводитель, чей стиль и титул глашатай назвал главным жрецом храма Эскулапия, обратился к нему, его слова перевел римский пленник.

"Вождь войск Рима, - гласила речь, - боги даровали твоей стране окончательную победу над ее соперником. Четыре века назад Рим счел за честь признать Карфаген равным союзником.⁵⁴ С тех пор между двумя государствами не прекращалось соперничество и частые войны. Не раз казалось, что судьба распорядилась так, чтобы резиденция империи находилась в Африке, а не в Италии. Но это была не их воля. Мы уже давно убедились, что нам не суждено править; теперь мы поняли, что нам даже не позволено существовать. Но хотя для чести, если не для безопасности Рима, необходимо, чтобы Карфаген был разрушен, нет необходимости, чтобы погибло множество невинных людей, единственное преступление

которых заключается в том, что они родились в стенах обреченного города. Есть некоторые, несколько тысяч из многих, которые, правда, совершили преступление, защищая свою страну; они также умоляют вас о милосердии. То, что они смогут противостоять вашему нападению, они признают невозможным; но они могут, по крайней мере, претендовать на эту заслугу, что, сдавшись, они сохранят жизнь некоторым из ваших солдат. Твой народ, римлянин, готов, как никто другой, проявить милосердие к побежденным, а твой род, Сципион, отличился в этом, как и во всех других добродетелях. Будь достоин, умоляем тебя, своей страны, своего дома и самого себя".

Сципион без колебаний ответил на эту речь. Ему не пришлось прибегать к услугам переводчика. С неутомимой энергией, отличавшей его, он использовал скудный досуг, предоставленный ему его обязанностями, чтобы выучить карфагенский язык, в котором в начале осады он был так же невежественен, как и остальные его соотечественники.

"Я не буду многословен, ибо время поджигает, и многое еще предстоит сделать. Толпа безоружных людей может выходить без страха. Их жизнь им гарантирована. Мы также не питаем вражды к храбрецам, которые сражались против нас. Им не будет причинен вред. Я исключаю из своего предложения милосердия лишь тех, кто предал свою страну, покинув ее".

Едва этот ответ был произнесен, как огромная толпа, до которой, вероятно, дошел сигнал, высыпала из ворот. Редко можно было увидеть более жалкое зрелище. С изможденными от голода лицами, одетые, по большей части, в жалкие лохмотья, длинные ряды стариков, женщин и детей простерлись перед римским генералом, стоявшим в окружении своих подчиненных. Верный своей мягкой и доброй натуре, он занялся обеспечением их насущных нужд. Всех их - а всего их было пятьдесят тысяч, толпа, конечно, большая, но жалко малая по сравнению с предполагаемым количеством некомбатантов на момент начала осады - разделили на роты, каждая из которых была приписана к комиссариатскому отделу одного или другого легиона. В то же время офицерам, отвечавшим за склады, были даны указания облегчить их насущные нужды - многие из них действительно голодали.

После этого от некомбатантов избавились, а за ними последовали сдавшиеся в плен солдаты. Всего их было около шести тысяч, из которых пять шестых составляли наемники, а одна шестая - коренные карфагеняне. Они находились в гораздо лучшем положении, чем остальные жители; в сущности, в том, что касалось провизии, они не испытывали никаких трудностей. Вид у наемников был по большей части равнодушный. Конечно, их угнетало то, что они уже три года служат неуголному хозяину и лишены хорошего жалованья, которое могли бы заработать в другом месте. Но такова была одна из случайностей их профессии, и они могли надеяться возместить свои потери за счет другой, более удачной спекуляции. Карфагенское меньшинство было настроено иначе. Для них не было будущего. Их страна погибла, и если любовь к жизни, которая берет верх даже над самой яростной и ожесточенной гордостью, и склонила их надменный нрав к мольбе о пощаде, то больше она ничего не могла сделать. Каждый, проходя перед генералом, опускал на землю свое оружие. Его снова складывали в кучу, чтобы в нужное время отнести на склады в римском лагере.

Это дело было как раз завершено, когда из одних ворот в стенах цитадели показалась одинокая фигура и поспешно приблизилась к римским рядам. Когда он бежал, в него со стен ударил снаряд. Удар свалил его на землю, но в течение одной-двух минут он поднялся на ноги и поспешил дальше, правда, несколько прихрамывая. Было заметно, что он одет как раб, а когда он подошел ближе, его лицо было так сильно скрыто, что его черты невозможно было различить. Тем не менее его фигура, невысокая и корпулентная, показалась многим

знакомой. Достигнув римских рядов, он бросился к ногам Сципиона, схватил его за колени и на ломаном греческом умолял сохранить ему жизнь. Генерал, протянув руку, поднял его с земли. Это был Гасдрубал, главнокомандующий войсками Карфагена.

По рядам пронесся ропот отвращения к его полководчеству. То тут, то там родственники или товарищи несчастных пленников, которых он так варварски умертвил за несколько месяцев до этого, давали волю более грозным выражениям гнева. Сципион заглушил эти проявления чувств повелительным жестом.

"Твоя жизнь пощажена", - сказал он. "Проследи, чтобы ты воздал должное за оказанное тебе благодеяние".

Не следует думать, что римский полководец был склонен относиться к подлости и варварству Гасдрубала со снисхождением. Он пощадил жизнь этого несчастного из соображений политики. Во-первых, таков был обычай, от которого было бы неблагоразумно отступить, - делать царя или военачальника побежденного народа неотъемлемой частью триумфа, которым отмечалась победа. Во-вторых, он понимал, что пленник будет полезен во многих отношениях, что есть важные дела, о которых он может дать самую лучшую или, может быть, единственную доступную информацию.

Что же касается дара жизни, то для его благородной натуры он казался очень незначительным. Он и сам чувствовал, что, если бы такая ситуация была возможна, он скорее умер бы, чем выжил, чтобы встретить такой позор и бесчестье: Сципиону была просто непонятна та жалкая цепляемость за жизнь, которая преобладает в таких подлых натурах, как у Хас Друбала. Но если Гасдрубала он презирал и щадил, то среди карфагенских вождей были и другие, к которым он испытывал искреннее восхищение и уважение и которым готов был предложить почетные условия капитуляции.

"Где, - спросил он Гасдрубала, - твои коллеги по командованию и главные магистраты?"

"Они в храме Эскулапа", - ответил карфагенянин.

"Думаешь, они согласятся сдаться? Они храбрые люди, сделали все, что могли, и с ними поступят достойно".

"Я не знаю, что они задумали", - пробормотал беглец, испытывая столько стыда, сколько было в его природе.

"Я, по крайней мере, испытаю их", - сказал Сципион и двинулся к цитадели, сопровождаемый некоторыми из своих подчиненных. Гасдрубал, вопреки своей воле, был вынужден сопровождать их.

На крыше храма, который, как уже говорилось, являлся вершиной цитадели, виднелось несколько фигур. Как только он приблизился к этому месту на расстояние выстрела, он приказал одному из пленников выйти вперед и передать свой *ультиматум* тому, кого можно назвать гарнизоном храма.

"Сципион предлагает всем свободным карфагенским гражданам жизнь на почетных условиях. Всем, кто дезертировал, он обещает справедливый суд, так что, если они смогут показать справедливую причину, по которой покинули свою страну, даже они могут не отчаиваться в безопасности".

На это обращение ответа не последовало. Через некоторое время, когда Сципион и его сопровождающие ждали ответа, из храма показались тонкие завитки дыма. Затем к краю

крыши подошла женщина, ведущая за руку маленького мальчика. Она была одета в струящуюся малиновую мантию, стянутую на талии широким золотым поясом. Ее длинные волосы, ниспадавшие ниже пояса, были обвязаны вокруг висков бриллиантовым кольцом, сверкавшим в лучах солнца.

"Клянусь Ваалом, - воскликнул карфагенский пленник, доставивший послание Сципиона, - это сама госпожа Саламо".

"Кто это, скажи?" - спросил Сципион.

"Госпожа Саламо", - ответил тот, - "жена моего господина генерала".

Это действительно была жена Гасдрубала.

"Человек Рима, - начала она ясным, проникновенным голосом, который был слышен далеко вокруг, обращаясь к Сципиону, который был замечен в алом плаще, который носят генералы, командующие армиями, - человек Рима, на тебя нет вины ни от богов, ни от людей. Карфаген был врагом твоей страны, и ты его победил. Но этому Гасдрубалу, этому предателю, который изменил своему отечеству, своим богам, мне, - чья жена была его позором, - и его детям, пусть отомстят боги Карфагена! И ты, Сципион, поручаю тебе, не преминешь стать их орудием".

ЛЕДИ САЛАМО БРОСАЕТ ВЫЗОВ РИМЛЯНАМ СО СТЕН КАРФАГЕНА.

Затем она повернулась к Гасдрубалу.

"Злодей, - вскричала она, - и лжец, и трус, что касается меня и этих детей, то мы найдем достойное погребение в этом огне, - и, когда она заговорила, среди клубов дыма на мгновение вспыхнуло огромное пламя, - а ты, который был самым главным человеком в Карфагене, какую бесчестную могилу ты найдешь? Знаю только, что ни дети твои, ни я не доживем до твоего позора".

Отвернувшись от несчастного с жестом презрения, она выхватила из пояса кинжал и вонзила его в сердце сначала одного, потом другого из двух детей, стоявших рядом с ней. Затем, отбросив от себя окровавленное оружие, она прыгнула в гущу пламени, которое к

этому времени стремительно овладевало всем зданием. Все ее спутники разделили ее участь. Карфагенская знать была слишком горда, чтобы жить под властью Рима; дезертиры осознавали свою вину или не верили в справедливость римского трибунала. Как бы то ни было, ни один человек из той отчаянной группы, к которой обратился Сципион со своим призывом, не воспользовался предоставленной возможностью. Храм Эскулапа погиб вместе со всеми его обитателями, а вместе с ним погибла и огромная сокровищница богатств Рима и всего мира.

ГЛАВА XXVII. ДРАГОЦЕННАЯ КНИГА.

Пришло время объяснить, что случилось с Клеанором, пока происходили события, описанные в предыдущей главе. Во время шестидневных боев на улицах он оставался в доме лекаря. Дом был превращен в подобие больницы, и молодой грек нашел себе занятие по душе, оказывая пациентам хозяина те услуги, которые мог предоставить простой человек. Лекарь, естественно, был одним из тех, кто, как уже говорилось, ждал завоевателя утром седьмого дня, и он взял с собой гостя в качестве помощника. Клеанор также не смог избежать чувства облегчения от того, что снова оказался под защитой римлян. Это была удивительная перемена по сравнению с теми чувствами, которые владели им несколько месяцев назад, но сковывающая сила обстоятельств была слишком сильна для него. Первой его заботой было выяснить судьбу Феоксены и ее дочери. Здесь следовало действовать с осторожностью. Наводить справки наугад было бы неразумно. Человеком, которому он мог доверять больше всего, был Сципион, молодой офицер, которого он, конечно же, хотел видеть по другим причинам. К своему огромному удовольствию, он узнал, что его друг - офицер, командующий охраной, которой была поручена безопасность храма Аполлона в арсенале. Он нашел возможность отправить послание через солдата, который на это время оказался свободным от службы. Не прошло и часа, как он получил ответ. В нем говорилось следующее:

"Тысяча поздравлений. Мы уже почти потеряли вас, но боги явно решили возместить вам хотя бы часть того, что вы пережили. Приходите немедленно: мне нужно многое вам сказать!"

Встреча двух друзей была очень ласковой. Клеанор, отложив рассказ о своих приключениях на потом, сразу же взял молодого римского офицера под свою опеку.

"Ты можешь быть уверен, что твои друзья в безопасности. Частные апартаменты при храме охраняются, и я позаботился о надежных людях, как и полагается в таких случаях. Но я могу сказать, что вашим друзьям очень не повезло. Если бы генерал не подоспел вовремя, все здание превратилось бы в пепел".

Затем он приступил к рассказу истории, которую читатель уже слышал. Клинон слушал с трудом скрываемым волнением. Как почти напрасны были все его усилия! Как едва не погибли эти двое, которые были всем, что осталось у него от прежней жизни!

Юный Сципион едва успел закончить свой рассказ, как разговор друзей был прерван приходом санитара, принесшего послание от генерала. Официальная депеша, сопровождаемая письмом, выраженным в более привычных выражениях, гласила:

"Мне стало известно, что рукопись высочайшей ценности, которую я имею особое поручение от сената и народа Рима сохранить, а именно трактат Ганно о сельском хозяйстве, всегда находилась и находится на хранении у жрецов Аполлона в арсенале. Поэтому я поручаю тебе, как офицеру, возглавляющему охрану упомянутого храма, навести справки у этих жрецов и взять книгу на хранение, для чего настоящее письмо будет твоим полномочием".

Частное письмо было следующего содержания:

"Я только что узнал от Гасдрубала - и эта информация настолько ценна, что почти примиряет меня с тем, что мне пришлось пощадить жизнь этого негодяя, - что драгоценная книга о сельском хозяйстве находится в храме, которым ты заведешь. Не теряйте времени, чтобы заполучить ее в свое распоряжение. Предполагается, что она содержит секреты величайшей ценности. Как бы то ни было, власти дома придают большое значение ее сохранности. Потерять его было бы катастрофой. Я могу положиться на ваше благоразумие и энергию".

"Чистор, вы можете пролить свет на этот вопрос?" - спросил римлянин.

"Нет, - был ответ, - разве что скажу, что мне известно о жрецах. К храму прикреплены двое. Один - старик, почти, как я понимаю, в преклонном возрасте, которого я не видел; другой - его сын, средних лет, с которым я вел переговоры о деле, о котором я вам рассказал. Это абсолютно все, что мне известно, за исключением того, что мой друг лекарь описал сына как в целом благородного человека, которому можно доверять тем больше, чем больше человек старается быть правдивым".

"Это, - сказал молодой Сципион, - тот человек, которого я видел в тот день, когда возглавил храм. Он пришел поблагодарить меня. С тех пор он ни разу не появлялся. Службы прерывались. Да и вряд ли они могли проводиться, когда здесь было столько солдат. Он - первый человек, о котором следует навести справки".

Сципион вызвал к себе центуриона, который номинально был его вторым начальником. Это был ветеран, прошедший более двадцати кампаний - свой первый военный опыт он получил в Пидне под началом великого Эмилия Павла.

"Передай, - обратился молодой Сципион к этому офицеру, - почтительную просьбу жрецу храма, чтобы он удостоил меня беседы".

В положенный срок жрец явился. Между друзьями была достигнута договоренность, что не следует упоминать о приюте, предоставленном женщинам.

"Мне сообщили, - сказал Сципион, - что ты, как жрец этого храма, держишь в руках некую книгу, касающуюся сельского хозяйства".

"Вы правы, господин, - ответил тот, - вот в чем: такая книга есть, и она хранится в этом месте; но она не в моем ведении. Мой отец - священник, и она находится в его ведении".

"Тогда позвольте мне увидеть вашего отца", - сказал молодой офицер.

"К несчастью, сэр, - ответил тот, - он не в состоянии ответить или даже услышать вопрос. Он уже некоторое время не в себе, и события последних дней сильно повлияли на него. Сегодня утром у него случился приступ паралича, и с тех пор он находится без сознания".

"Но вы знаете, - спросил Сципион, - где находится книга?"

"На самом деле, - ответил священник, - я знаю, или, говоря более строго, я верю, что знаю. Но этот секрет очень ревностно охранялся. Обычно священник официально передавал руководство своему преемнику, когда чувствовал свою несостоятельность. На случай, если священник внезапно умрет или по какой-то другой причине не сможет своевременно передать секрет, Шофетим также владели им. У них есть и другая копия трактата".

"И где же он хранился?" - спросил Сципион.

"В храме Эскулапия, но в какой части храма, я, конечно, не знаю".

"Если она там была, то, должно быть, погибла", - сказал римлянин. "После вчерашнего грандиозного пожара ничего не могло остаться. Веди нас и покажи то место, которое ты задумал".

"Это будет сделано, господин", - ответил тот. "Но сначала позвольте мне узнать, как обстоят дела с моим отцом. Не исключено, что он еще оживет".

Разрешение, конечно же, было получено, и он отправился в путь. Через несколько минут он вернулся.

"Мой отец скончался, - сказал он низким голосом, - не приходя в сознание даже на мгновение; так мне сказала женщина, которая присутствовала при этом. Следуйте за мной, сэр".

Он спустился по ступенькам, а затем прошел по проходу в комнату, где тот заканчивался. Дверь была тщательно скрыта в стене, поверхность которой была совершенно однородной. Однако священнику не составило труда открыть ее. Он нажал на потайную пружину, и она открылась.

"Это, - сказал он, когда они вошли в небольшое возвышенное помещение, освещенное сверху, - личные покои священника. Книга должна быть где-то здесь. Но на этом мои познания заканчиваются".

"Если я рискну предположить, - сказал Клеанор, - то тайник находится где-то в полу. Естественно, можно было бы поискать другую потайную дверь в стене, но, скорее всего, был бы выбран другой способ ее сокрытия. Так или иначе, начнем с пола".

Место было найдено легко, как видно, слишком легко. Как только были сняты покрывавшие пол циновки, стало очевидно, что часть доски была недавно передвинута.

"Вот оно!" - воскликнули все четверо мужчин - сотник сопровождал их - почти на одном дыхании.

"Мне не нравится, как это выглядит", - добавил Клеанор, чей быстрый греческий ум быстро разобрался в ситуации. "Его взяли".

Он был прав. Когда абордаж был поднят, открылось пустое пространство. Осталась лишь шелковая обертка, которая вполне могла служить обложкой для тома - ведь на ней не было ничего, что бы указывало на этот факт.

"Что же теперь делать?" - спросил Сципион, когда все четверо посмотрели друг на друга с лицами, полными пустого разочарования.

"Мой отец, - сказал священник после короткой паузы размышлений, - должно быть, забрал ее. Очевидно, он сделал это в спешке, не позаботившись о замене досок. Он мог так хорошо

скрыть стык, что его было бы очень трудно найти. Смотрите, - и он вернул покрытие на место так, что пятно стало совершенно неотличимо от остального пола. "Я уверен, что это было сделано совсем недавно, когда он был не совсем в себе".

"Интересно, - сказал Клеанор, - не могут ли случайно ваши гости рассказать нам что-нибудь об этом?"

"Мои гости!" - вскричал священник, тщетно пытаясь скрыть свой ужас.

"Не беспокойся, мой добрый друг", - с улыбкой сказал Сципион. "Мой друг Клеанор ввел меня в доверие, и я думаю, что ты очень хорошо помог ему в этом деле. Вполне возможно, что, как он предполагает, женщины могли что-то видеть - достаточно, чтобы дать нам подсказку".

"Возможно", - сказал священник. "Книга была слишком громоздкой, чтобы ее можно было легко уничтожить. Это я знаю, хотя никогда не держал ее в руках. Но, возможно, ее положили туда, где ее будет трудно найти".

"Чистор, - сказал Сципион после недолгого раздумья, - пойд и посмотри, что ты сможешь узнать? Жрец покажет тебе дорогу".

Клеанор последовал за жрецом в апартаменты, которые были отведены для Феоксены и ее дочери. В доме была видна только старшая женщина. Дафна, как заверила она Кленора после обмена ласковыми приветствиями, была вполне здорова, но в данный момент занималась рукоделием. На вопрос о старом священнике и его передвижениях она не сообщила ничего важного. Он вел себя очень странно, постоянно что-то бормотал, но так невнятно, что она не могла уловить больше пары слов. Правда, один или два раза она уловила слово "treasure". И уж точно она не видела его ни с чем в руках. А вот Дафне, возможно, есть что сказать. Старик, похоже, приглянулся ей и много с ней разговаривал.

За Дафной прибежала мать, и она пришла вся в очаровательном смятении, которое, по мнению молодого грека, ничуть не прибавляло ей красоты. Действительно, несколько дней покоя, которые она провела с матерью в их убежище, поразительно изменили ее внешность к лучшему. Из ее глаз, глубоких, как всегда, исчезло охотничье выражение, теперь они были ясными и спокойными. Щеки, которые, когда Клеанор видел их в последний раз, были увядшими и изможденными, теперь округлились и приобрели нежный оттенок возвращающегося здоровья. Клинон не преминул отметить все это с величайшим удовлетворением, но на время его поглотил интерес к истории, которую она рассказала о старом священнике.

"Я увидела этого старика, - сказала она, - в первый день нашего приезда сюда. Казалось, он принял меня за кого-то другого. На самом деле раз или два он называл меня каким-то именем, похожим на Джудит, но я не могла уловить его отчетливо. Обычно он обращался ко мне как к своей дочери. Сына у него не было, сказал он, и я - все, что у него осталось. Очевидно, у него было что-то на уме, что его сильно беспокоило. Он говорил о "сокровище", которое хранится у него и которое он должен передать нужному человеку, только он не знал, где этот человек находится. "Как бы то ни было, - и когда он это говорил, его голос, казалось, становился сильнее, а глаза светлели, - как бы то ни было, врагу нельзя позволить заполучить его". После того как однажды в храме произошел переполох - мы не знали, что случилось, но догадались, что римляне пробрались внутрь, и очень испугались, - ему стало гораздо хуже. В тот же вечер он сказал мне: "Дочь, я хочу, чтобы ты помогла мне. Пойдем со мной". Он повел меня вниз по ступенькам, а затем по проходу, который, казалось, заканчивался стеной. Когда мы почти дошли до конца, он сказал: "Теперь повернись и

закрой глаза. Ты не должна видеть того, что я собираюсь сделать". Я сделал все, как он велел, и стал ждать. Примерно через полчаса он вернулся, сильно запыхавшись и тяжело дыша. В руках он нес большой сверток. Я не мог разглядеть, что это было".

"Он был похож на книгу?" - спросил Клеанор.

"Да, - ответила девушка, - возможно, это была книга. Я спросила его, не понести ли мне ее за него. Нет, - сказал он, - ни одна женщина никогда не прикасалась к ней. Более того, ни одна женщина никогда ее не видела. Надеюсь, я не ошибся". Но что мне оставалось делать? Мне больше некому было помочь. И в любом случае он не должен достаться врагу". Мы пошли вверх по проходу, потом вниз, пока не дошли до места, где в один из камней мостовой было вставлено кольцо. Теперь вы должны мне помочь, - сказал он. Мне нужно поднять этот камень". Мы оба изо всех сил уперлись в камень. Некоторое время казалось, что мы не добились никакого результата. Потом он ушел и через несколько минут пришел с фонарем, так как к этому времени уже совсем стемнело, и зубилом. Работайте раствором от краев, - сказал он, - мои глаза слишком стары, чтобы видеть. Я убрал раствор, и мы снова принялись за работу. Не думаю, что у меня получилось много, но он, казалось, стал удивительно сильным от волнения. Наконец мы почувствовали, что она начинает поддаваться, и в конце концов вытащили ее совсем. Я услышал, как далеко внизу плещется вода. Затем старик взял валик и опустил его в яму. После этого мы вернули камень на место".

"И ты можешь отвести нас к тому месту?" - спросил Чистор.

"Конечно", - ответила девушка.

"Я должен рассказать своим друзьям, - сказал Чистор, - о том, что я услышал. Подожди, пока я пойду".

Через несколько минут он вернулся со Сципионом и центурионом. По предложению последнего они вооружились факелами и под руководством Дафны отправились к указанному месту. Камень был снят со своего места, и эта операция потребовала такого напряжения сил, что казалось почти чудом, что ее уже выполнили дряхлый старик и девушка. Священник, как видно, работал с бешеной энергией.

Первым делом он опустил горящий факел. Свет показал глубину, которую можно было оценить в шестьдесят-семьдесят футов. На дне протекал поток, который, насколько можно было судить по звуку, двигался с некоторой скоростью. Судя по высоте храма над уровнем гавани, вода, похоже, была наземным источником, который впадал в него несколько ниже поверхности. Шансы на возвращение чего-либо, упавшего в такое место, казались ничтожными, не считая весьма значительной вероятности того, что оно будет безвозвратно повреждено.

Сципион обсуждал с Клеанором и центурионом наилучший способ действий, когда зоркие глаза Дафны заметили, что на выступе, выступающем из края колодца примерно на двадцать футов ниже поверхности, что-то покоится. Что это было, разглядеть не удалось, но это явно стоило исследовать. Единственный способ сделать это - спустить кого-нибудь с помощью веревок, и Клеанор, который был легче любого из римлян, вызвался помочь. После некоторого промедления веревки достали, Клестора спустили на место, и пропавшее сокровище, ибо предмет, который описала Дафна, был не чем иным, как сокровищем, было найдено.

"Римское содружество, - сказал Сципион, вежливо поклонившись, - очень многим обязано этой девушке".

ГЛАВА XXVIII. КОНЕЦ КАРФАГЕНА.

Младший Сципион не терял времени, передавая генералу драгоценный том, который был так почти потерян и так удачно найден, сообщая, разумеется, об обстоятельствах его спасения. В то же время он описал, в каких отношениях Дафна и ее мать находились с Чистором, и намекнул, что его друг, похоже, проявлял к девушке больший интерес, чем молодой человек обычно испытывает к своей приемной сестре.

"Здесь не место для женщин, - сказал старший Сципион, - и чем скорее эти двое уберутся отсюда, тем лучше. Что же теперь делать?"

"Не примет ли их на время моя тетушка Корнелия⁵⁵, если вы сумеете переслать их ей?"

"Прекрасная идея, мой Люциус!" - воскликнул генерал. "Это будет сделано, и, к счастью, такая возможность представится именно сегодня. Я отправляю галеру с депешами для сената и несколькими частными письмами от себя. Командовать будет Лоллий, а во флоте нет более надежного человека. Я поручу женщин ему. И я напишу своей матери - она все еще будет в Риме, когда прибудет галера, - и попрошу ее оказать им гостеприимство. Мы должны надеяться, что мой кузен Тиберий не влюбится в эту девицу. Она красива?"

"Такая красивая девушка, какой я никогда не видел. Но вам не стоит беспокоиться. Я уверен, что юная леди ни на кого в Италии не взглянет и не подумает".

"Я пошлю санитара к Чистору, чтобы он все объяснил, и оставлю его улаживать дела. Итак, это решено. Теперь о государственных делах. Вчера я вскрыл запечатанные инструкции, которые взял с собой, покидая Рим, и которые не должен был читать до взятия Карфагена. Как я и опасался, в них говорится о том, что город должен быть разрушен до основания. Ни для кого не секрет - во всяком случае, я должен открыто сказать вам, - что такая политика мне не по душе. Мне не нравится сам принцип ее проведения. Если бы она проводилась с целью обеспечения безопасности Рима в будущем, я бы еще колебался, считая, что даже с такой точки зрения это политика сомнительной выгоды. Но мотив не в этом. Это дело рук капиталистов и торговцев. Они хотят уничтожить все порты, кроме тех, где они могут господствовать сами, и таким образом получить всю мировую торговлю в свои руки. Мы увидим то же самое - запомните мои слова - снова в Коринфе; а Рим будет иметь позор за то, что разрушил, и, возможно, за один год, две великие столицы мира. Я ненавижу такие поступки, и мне все равно, кто об этом узнает. Тем не менее, дело должно быть сделано. Но сначала нужно уладить кое-какие дела. Одно я уже решил, и, к счастью, Сенат оставляет это на мое усмотрение. У меня есть свобода действий в обращении с добычей, с общей оговоркой, что я должен советоваться с интересами Содружества, как мне кажется, лучше всего. Все, что имеет реальную ценность и может быть возвращено законным владельцам, будет возвращено. Итак, Карфаген уже триста с лишним лет грабит греческие города на Сицилии. В то или иное время почти каждый из них, кроме Сиракуз, был в ее власти. Золото и серебро, которые она забрала у них, уже не вернуть, но произведения искусства остались, и их можно вернуть. Я потрудился навести справки по этому вопросу, и у меня есть список, составленный для меня на Сицилии, некоторых главных вещей, которые мы можем ожидать найти. Некоторые из них могли быть утеряны; некоторые могли попасть в частные руки и исчезнуть - история некоторых образцов, как я слышал, уходит корнями в далекое прошлое.

Что ж, я назначил вас, Луций, и еще двух офицеров с вами для расследования этого вопроса. Посмотрите, что из этого вы сможете найти, и доложите мне. Большинство сицилийских городов, заинтересованных в этом деле, отправили посланников в лагерь, как я смею сказать, вы знаете. Если вы сможете найти статьи, то, я не сомневаюсь, вам будет достаточно легко найти претендентов".

Работа комиссии оказалась весьма масштабной. Было установлено, что существуют сотни произведений искусства, которые по своему внешнему виду несут явные признаки греческого происхождения. Финикийский гений не был совершенно бесплоден в области искусства. Напротив, в некоторых направлениях он был необычайно плодovit. Но он никогда не достигал, даже не пытался, кроме как в условной и даже гротескной манере, изобразить человеческую форму. Любое действительно изящное или даже естественное подобие мужчины или женщины, найденное в карфагенском храме или доме, несомненно, было трофеем какого-нибудь греческого города. Многие из менее значимых работ были неизвестны; относительно некоторых были большие сомнения; их родословная была неопределенной, иногда из-за случайности, иногда из-за мошенничества, так как большинство самозванцев, известных современному миру искусства, являются наследниками древних.

Но были и знаменитые сокровища, относительно которых не могло быть никаких сомнений. Такова Артемида из Сегесты, одна из самых благородных фигур, созданных античной скульптурой. Она была колоссальных размеров, но при этом сохранила в себе необыкновенную нежность девичьей красоты. На плече фигуры висел богато позолоченный колчан, в левой руке был лук, в правой - горящий факел, который с точностью, которая вряд ли была бы возможна в мраморе, имитировал очертания пламени. Посланники из Сегесты прямо-таки прослезились от радости, обнаружив, что в их руках находится давно потерянное сокровище их города.

В совершенно ином стиле искусства, характерном для более поздней и более рефлексивной эпохи, была выполнена фигура поэта Стесихора, унесенного карфагенянами при разрушении города Гимеры и теперь возвращаемого жителям Термае, которые заняли его место и унаследовали его традиции. Поэт был представлен в виде старика, хрупкого и сутулого, в одной руке он держит книгу. Все это прекрасно соответствовало серьезному характеру его стихов.

Но самым знаменитым из всех сокровищ искусства, которые теперь должны были вернуться в свои дома, был бык Агригентума. Агригентинцы относились к этой фигуре с благоговением, что было очень удивительно, ведь она напоминала о временах позорного рабства. Сципион случайно зашел, когда им передавали драгоценность, и не мог не отметить это событие.

"Это, как я понимаю, чудовищное изобретение одного из ваших граждан, - сказал он. "Он сделал ее для вашего тирана Фалариса; она должна была нагреваться снизу, и стоны заключенных в ней жертв удовлетворяли зверский каприз этого чудовища жестокости, имитируя, как он думал, мычание быка. Не знаю, что больше заслуживало осуждения - раболепие художника или жестокость тирана. Не кажется ли вам, жители Агригентума, что вы счастливо обменяли жестокость своих граждан, которых вы терпели, чтобы они властвовали над вами, на справедливость и милосердие римского народа?"

В то время как это дело было завершено, работа по сбору общих трофеев города шла полным ходом. В этом деле Сципион был щедр с войсками. Некоторые генералы в подобных обстоятельствах, будь то из стремления к собственному обогащению или из ревности получить как можно большую прибыль для общественного бюджета, перегибают палку. Они

требуют от людей слишком многого, и таким образом их привычно обманывают. Сципион был в высшей степени бескорыстен, и он не заботился о том, чтобы жадничать за счет казны. Для управления войсками были установлены простые и четко сформулированные правила. Были определены вещи, которые человек мог оставить себе, если он вносил другие вещи в общий запас. По истечении семи дней должен был быть выполнен приказ об уничтожении Карфагена. Для этого была выделена группа людей. В разных частях города были разложены горючие материалы, которые в назначенное время должны были быть зажжены.

"Ну что ж, - сказал молодой Сципион Клеанору, когда они стояли вместе после наблюдения за погрузкой последнего груза статуй и картин, предназначенных для Сицилии, - последний акт драмы почти закончен. Пойдемте вместе посмотрим финальную сцену?"

"Не знаю", - ответил молодой грек. "Я чувствую себя наполовину готовым закрыть голову, пока все не закончится".

"Я понимаю", - сказал Сципион. "Но после всего случившегося я не вижу, чтобы ты был сильно благодарен Карфагену".

"Возможно, и нет", - был ответ. "Но это была вся страна, которая у меня была. И как бы то ни было, это ужасно - видеть, как город, который когда-то надеялся, и даже очень надеялся, править миром, превращается в ничто, как кусок деревянной стружки. Однако я приеду. Куда вы собираетесь отправиться?"

"В цитадель, или то, что было цитаделью. Вождь сказал мне, что он должен быть там на закате. Должен признаться, мне очень любопытно посмотреть, как он это воспримет. Вы должны знать, что это не его рук дело. Его друзья упорно боролись в сенате против указа об уничтожении, но большинство приняло его, и ему ничего не оставалось, как исполнить его".

Когда друзья добрались до цитадели, вождь уже был там, окруженный своим штабом, генералами дивизий и главными офицерами легионов. Зрелище горящего города было великолепно ужасно. Ветер дул сзади и уносил дым огромными клубами в сторону моря. То и дело он стихал, то плотное облако закрывало все вокруг, кроме какой-нибудь башни или шпиля, которые то тут, то там возвышались из него. По мере того как света становилось все меньше - солнце уже садилось, когда друзья достигли высоты, - тяжелые клубы дыма все больше и больше пронизывались огненным сиянием, которое снова превращалось во всеобщий, всеохватывающий свет, по мере того как пламя все сильнее овладевало обреченным городом. Все было видно так отчетливо, как будто наступил полдень. Все это время на высоту, где стояли зрители, доносился нестройный рев, время от времени сменяемый грохотом огромного сооружения, падающего на землю.

Генерал стоял, пристально наблюдая за происходящим, но не произнося ни слова, а окружавшие его люди, потрясенные торжественностью его настроения, хранили глубокое молчание, нарушаемое лишь почти произвольным криком, когда в небо взвивалось еще более яростное пламя. Когда вторая вахта прошла примерно наполовину⁵⁶ - часы казались минутами, настолько непреодолимым был интерес к этому зрелищу, - он отвернулся. Казалось, в его душе зародилось какое-то ужасное видение будущего. Он поймал Полибия за руку и сказал:

"Сделает ли кто-нибудь для Рима то, что я сделал для Карфагена?"

И, отворачиваясь, он пробормотал про себя фразу, в которой Гектор, тронутый середине своего триумфа мрачным предвидением будущего, предсказал падение своей страны,

"Когда-нибудь и сама священная Троя падет",⁵⁷

Затем, набросив на лицо складку тоги, Сципион разразился страстными слезами.

"СЦИПИОН, НАБРОСИВ ТОГУ НА ЛИЦО, РАЗРАЗИЛСЯ СТРАСТНЫМИ СЛЕЗАМИ".

ГЛАВА XXIX. НА ДЕЛОСЕ.

Клеанор с радостью принял радушное приглашение молодого Сципиона вновь стать его гостем. На данный момент планы грека были неопределенными. Самой определенной его мыслью было как можно скорее отправиться за Теоксеной и ее дочерью в Италию. Было решено, что обе женщины отправятся в путь на следующий день. Ему пришлось бы самому искать проезд в пользу генерала; поэтому все, что он мог сделать, - это быть готовым к отъезду, как только представится такая возможность.

Однако этот день не прошел даром, не придав будущему совершенно новый аспект. Друзья обменивались впечатлениями и уже подумывали о сне, когда в палатку вошел Полибий. Поприветствовав Клинора, которого он не видел с тех пор, как они расстались в Египте, самым любезным образом, не без улыбки упрекнув его за разыгранный трюк, он объяснил свое поручение.

"Я собираюсь, - сказал он, - как можно скорее отправиться в Грецию, где положение дел критическое, и я хочу, чтобы вы поехали со мной. Я прибыл прямо от генерала, который предоставил в мое распоряжение военный корабль и полностью одобряет ваше сопровождение". Он сказал, чтобы я передал вам это от него. Он также передал мне еще одно послание для вас. Он хочет, чтобы вы оказали посильную помощь в переводе этой великой книги о сельском хозяйстве. Будет назначен комитет, который займется этим, и вы можете войти в него, если вам это будет угодно. Но это подождет, во всяком случае, несколько месяцев. Дело в Греции ждать не будет; чем скорее мы туда приедем, тем лучше, если мы хотим принести хоть какую-то пользу".

Ничто не могло быть более по душе Клеанору, чем это предложение, и он пообещал быть готовым к отъезду, как только его пригласят. Поэтому уже на следующий день, ласково попрощавшись утром с Феоксеной и ее дочерью, он вместе с Полибием отплыл на закате. Некоторое время плавание было вполне благополучным, хотя и не очень быстрым. Ветер дул в основном северный, с примесью восточного. На корабле была лишь бедная команда гребцов, а его парусные возможности были невелики. Если ветер более чем на один балл отклонялся от восточного, приходилось спускать паруса и прибегать к помощи весел.

На десятый день погода изменилась. Ветер внезапно переменился на юго-западный. Поначалу все на борту с восторгом приветствовали эту перемену: и гребцы, которые радовались, что освободились от работы, и пассажиры, которых уже начал утомлять утомительный путь. Но ветер с юго-запада всегда таит в себе что-то опасное. На рассвете это был устойчивый бриз, к ночи он перерос в нечто похожее на шторм, к тому же он сопровождался такой густой погодой, что, не видя ни солнца, ни звезд, капитан полностью потерял ориентировку.

После двух дней такой тревожной неопределенности погода прояснилась, и, как все на борту ясно видели, лишь вовремя, чтобы спасти корабль от катастрофы. Примерно в трех милях к северу виднелись скалы Малии⁵⁸, увенчанные знаменитым храмом Аполлона, чья позолоченная крыша виднелась, когда ее время от времени касались мимолетные отблески солнца. Справа от них виднелись скалы Китеры. Это было в какой-то мере удовлетворительно, но план плаванья, который заключался в том, чтобы добраться до западной оконечности Коринфского залива, провалился. Ветер дул слишком сильно, чтобы капитан мог попытаться взять северо-западный курс. Поэтому у него не было другого выхода, кроме как позволить ветру нести его вверх по Эгейскому морю. Потеряно было лишь

безопасное и легкое плавание по спокойным, не имеющим выхода к морю водам залива, а вместе с ним и уверенность в том, что он достигнет Коринфа в назначенное время.

Через несколько часов погода снова изменилась к худшему. Облака спустились ниже, поднялся ветер. Когда наступила ночь, все, что капитан и команда знали о своем местонахождении, - это то, что они находятся недалеко от Мелоса, который только что мелькнул в опасной близости от них по правому борту. Мелос, как они знали, ни в коем случае не находился на прямом курсе к Коринфу. Более того, с течением времени они все больше сбивались с этого курса. Лучшее, на что они могли надеяться, - что их не выбросит на один из изрезанных и негостеприимных островов и островков, которыми так густо усеяна юго-западная часть Эгейского моря.

Всю ночь они плыли против ветра под одним маленьким парусом, которого хватало только на то, чтобы управлять рулем. Не раз они слышали грохот невидимых волнорезов о какой-то невидимый берег и поворачивали курс в сторону от предупреждающего звука. С наступлением утра наступила еще одна долгожданная перемена погоды. Ветер стих почти мгновенно, небо прояснилось, и на море, хотя длинные валы свидетельствовали о его недавнем волнении, быстро установился штиль.

Примерно в двух милях к северу, но так отчетливо видный сквозь прозрачную атмосферу ранней весны, что казался почти в двух шагах, лежал небольшой остров, который Клинор узнал с первого взгляда. Только в одном месте в мире так тесно, на таком маленьком пространстве, но в таком грандиозном масштабе сочетались два великих элемента греческой жизни - торговля и религия. На низменной земле западного побережья виднелся город Делос с его густонаселенными домами. Среди них, казалось, высился целый лес мачт, ведь Делос был обменным пунктом для торговли Средиземноморья, а торговля Средиземноморья была практически торговлей всего цивилизованного мира. Позади города, во всем великолепии своего белого парийского мрамора, возвышался знаменитый храм бога-покровителя острова, Аполлона Феба, а рядом с ним - меньшие святилища его сестры-близнеца Фебы или Артемиды и Афродиты. За ними возвышался холм Синта, его крутой склон был покрыт деревьями, среди которых то тут, то там поблескивали белые стены зданий, как священных, так и светских.

"Делос!" - воскликнул капитан, - "что ж, могло быть и хуже, и если мы сможем выйти из гавани так же легко и быстро, как, похоже, войдем в нее, нам не на что будет жаловаться".

"Вот, - воскликнул Клинор, обращаясь к Полибию, когда они стояли бок о бок на палубе галеры, - вот и сбылась одна из моих мечтаний! Я всегда мечтал увидеть Делос, и вот он здесь. Воистину, здесь Грецию еще можно увидеть во всей ее красе".

Полибий несколько горько улыбнулся. "Боюсь, сейчас в Делосе очень мало от Греции".

"Но он, несомненно, принадлежит Афинам, - вклинился молодой грек, - как и в лучшие времена Греции".

"Да, он принадлежит Афинам, - ответил его друг, - если это означает, что там обращаются афинские монеты и правительство осуществляется от имени афинского народа. Но для всех практических целей Делос - римский. Что касается самих делосцев, то все они были изгнаны двадцать лет назад, и на этот раз, к сожалению, Аполлон не вмешался.⁵⁹ Нет, мой дорогой друг, только прошлое Делоса принадлежит Греции, и, к счастью, никакая сила на земле не может отнять его у нее. И этим, слава богам, мы еще можем наслаждаться".

Несколько часов друзья с удовольствием провели, изучая достопримечательности этого места. Полибий бывал там уже два или три раза; Клинор, знавший все о священном острове, начиная с молодой пальмы, с которой Улисс сравнивал прекрасную Наусикаа, был готов сполна насладиться наставлениями столь умного спутника. В конце дня они прогулялись по деловому городу. Очевидно, это было процветающее место. Доки были переполнены кораблями, пристани завалены всевозможными товарами - от пряностей с Востока до слоновой кости, привезенной африканскими охотниками из великих лесов Юга. Но греческого здесь почти ничего не было. Две из трех огромных фабрик, выстроившихся вдоль берега гавани, принадлежали римским торговцам. Остальные принадлежали купцам из Тира, Антиохии, Иоппии, Александрии, но встретить среди них греческое имя было исключением. Клеанор не мог не признать себе, что еще одна иллюзия исчезла. Самое знаменитое место греческой жизни, будь то священное или светское, перешло во власть чужака.

Тревога путешественников по поводу окончания пути усиливалась еще и тем, что они слышали на острове. По всему выходило, что судьба Коринфа неминуема. Но, вопреки их воле, пребывание на острове затянулось. Во время плавания из Карфагена корабль подвергся столь сильным ударам, что его нельзя было назвать пригодным для плавания. Его пришлось поставить в док и отремонтировать. И вот, когда корабль был объявлен готовым к выходу в море, погода сделала его совершенно невозможным для старта. Капитан был слишком прозорлив, когда сомневался, что они смогут выйти из гавани так же легко, как и войти.

В Делосе, который в то время находился на пике своего процветания и был украшен подношениями, которые на протяжении более чем пятисот лет приносили ему благочестивые люди, действительно было на что посмотреть. Но Полибию и его спутнице так не терпелось поскорее добраться до места назначения, что время, казалось, повисло на их руках. Кроме того, ходили тревожные слухи о политике, которую Рим собирался проводить в Коринфе. Считалось, что город будет быстро захвачен, и высказывались зловещие предположения о его возможной судьбе. Однажды друзья приняли приглашение на обед от Диагора, афинского губернатора острова, и главной темой разговора, естественно, стал Коринф. То, что сказал Диагор, было в высшей степени тревожно.

"Ты приехал из Карфагена", - сказал он. "То, что вы видели там, вы увидите и в Коринфе. В Риме капиталисты и торговая партия теперь все делают по-своему, и их политика, конечно же, заключается в монополии. Каждый торговый конкурент должен быть вытеснен с дороги. Карфаген был разрушен. Это, как вы знаете, не было делом рук знати. Сципион и его друзья были категорически против. Капиталисты провели его в сенате, частично своими голосами, частично голосами, которые они практически купили. Я могу назвать вам людей - и некоторые из их имен вас удивят - чьи голоса были куплены, и могу назвать цену, которая была за них заплачена. Одно и то же происходит снова и снова. Послушайте. Я не должен называть имя моего корреспондента, но его авторитет не вызывает сомнений:

"Голосование прошло так, как я и ожидал. Коринф должен погибнуть. Разделение было более тесным, чем в карфагенском деле, потому что преступление - я не могу назвать его иначе - более скандальное и более неспровоцированное. Карфаген когда-то был грозен, но давно перестал быть таковым; Коринф никогда не вызывал у Рима ни малейшего страха. Это просто случай, когда торговец поджигает склад конкурента".

"Это письмо я получил вчера вечером, - продолжал губернатор, - и, похоже, оно задержалось в пути. Поручения сената Муммию - а именно он командует в Коринфе, и, как мне кажется, он совсем не похож на твоего Сципиона - должны были дойти до него к этому времени".

"Значит, мы опоздали", - со стоном произнес Полибий.

"Да, - ответил правитель, - хотя я не вижу, что вы могли бы сделать, даже если бы не задержались. Все, что будет в ваших силах, - это помочь отдельным людям. Кстати, я бы посоветовал тебе сначала отправиться в Афины и получить от тамошнего римского агента конспирацию и рекомендательные письма. Это облегчит вашу задачу".

Через два-три дня после этого разговора путешественники смогли отправиться в путь. Легкий восточный бриз вынес их из гавани и быстро доставил к месту назначения.

ГЛАВА XXX. КОРИНФ.

Новости, которые встретили путешественников по прибытии в Афины, оказались настолько плохими, насколько они могли предположить. Весь город был в трауре. Одно из ее сестер-государств - самое великолепное и богатое из всех, на которые она могла претендовать, - погибло, и Афины, более щедрые, чем их соперницы в прежние времена, искренне скорбели о его судьбе.⁶⁰ Полибию и Клеанору пришлось выслушать прискорбную историю о безрассудстве, неумении и трусости, и они услышали ее во всех подробностях от молодого солдата, который сам принимал участие в походе. Поначалу юношу с трудом уговорили говорить, настолько ему было стыдно за поведение своих соотечественников. Наконец, убедившись в сочувствии слушателей, он поведал историю, которую мне будет достаточно изложить в общих чертах.

"Я был одним из *адъютантов* генерала года, Критолауса. Ты знал его?"

"Да, - ответил Полибий, - только слишком хорошо; более некомпетентный дурак никогда не разрушал дела государства".

"Что ж, - сказал молодой солдат, - он поплатился за свою глупость. В начале этого года мы вышли из , нашего зимнего лагеря под Коринфом, чтобы напасть на Гераклею в Фессалии, которая объявила о своем выходе из Лиги.⁶¹ Мы только что расположились перед городом, когда пришло известие о приближении римской армии. Сразу же начался переполох. Генерал не стал дожидаться известий о силах противника, а сразу же отправился в путь. Некоторые из его офицеров умоляли его выступить к Фермопиле. Не все мы были такими проклятыми, как он. У нас действительно был шанс удержать перевал, пока мы не получим помощь, которая может прийти. Как бы то ни было, это было место, где грек мог сражаться с наилучшей надеждой и умереть с честью. Но генералу не хотелось ни сражаться, ни тем более умирать. Он поспешил через Фермопилы, думая вернуться в укрепленный лагерь в Коринфе, где мы зимовали; но Метелл - он командовал римлянами - был слишком быстр для нас. Он нагнал нас, когда мы были примерно в двадцати милях от Фермопил, и произошла битва - если это можно назвать битвой, когда одна сторона нападает, а другая убегает. Фиванцы, правда, устояли на ногах. Можно назвать фиванцев глупыми, но они замечательно хорошие солдаты. Но что толку в том, что один корпус стоит твердо, когда его некому поддержать? Что касается Критолая, то никто не знает, что с ним стало. Он ускакал галопом,

как только римские войска появились в поле зрения, и с того дня и по сей день его никто не видел.

"От армии не осталось ничего, кроме нескольких разрозненных отрядов и рот, и многие из них были перебиты или взяты в плен один за другим. Я должен сказать, что римляне вели себя очень хорошо. Они предлагали четверть каждому, кто сложит оружие, и безопасность каждому государству, которое покорится. Это было больше, чем можно было ожидать, ведь на самом деле они могли выдвинуть любые условия, какие только пожелают. Но наши вожди во главе с Диеем, сменившим Критолая, стремились сохранить свои жизни. Они боялись, что под каким-то предлогом их исключат из любой амнистии, которая может быть предложена, и поэтому продолжали сражаться. Дий *массово* обложил все население и, кроме того, вооружил двенадцать тысяч рабов, если можно назвать вооружением то, что дает человеку тупой меч и копье с треснувшим древком. Деньги он добывал любым способом: сначала он конфисковал имущество всех, кто принадлежал к партии мира, а недостающее - а недоставало немало - восполнил, ограбив своих друзей. Он занял свою позицию на перешейке, недалеко от того, что осталось от стены, построенной в персидские времена.⁶² С самого начала все пошло наперекосяк. Наш авангард находился возле Мегары, и, конечно, мы ожидали, что он займет позицию, чтобы дать нам немного времени. У него была сильная позиция, которую он мог бы удерживать по крайней мере три или четыре дня. Но он бежал, не нанеся ни одного удара.

"После этого Метелл, который на самом деле вел себя самым умеренным образом, дал Диею шанс. Он отправил посланников, чтобы предложить условия, действительно либеральные условия, которые люди, живущие в гораздо лучшем положении, чем мы, приняли бы без позора. Чтобы сделать их более приемлемыми, как он думал, эти посланники были греками, людьми высочайшей пробы. Но наш генерал не стал их слушать. Мало того, он обвинил их на общественном собрании в предательстве, и все они были почти убиты во время последовавшего за этим бунта. Тогда нам представился еще один шанс. Филон Фессалиец, более почитаемый в Греции человек, пришел с условиями для заключения соглашения. Кое-кто из генерала был убежден. Старый Стратий, который, как вы знаете, никогда не был другом Рима, фактически бросился на землю и схватил Диея за колени, умоляя его уступить. Но все было бесполезно. Филону пришлось уйти, так ничего и не добившись. Более того, все это, казалось, только еще больше разъярило его. Он заставил нескольких своих офицеров предстать перед военным трибуналом по обвинению в связях с врагом. На самом деле их вина заключалась в том, что они имели неосторожность показать, что выступают за мир. Один из них был признан виновным и подвергнут пыткам. Он перенес их, как мне сказали, не сказав ни слова. Двое других спаслись, заплатив взятку - один талант, другой сорок мин, потому что этот человек был столь же жаден, сколь и жесток, и продолжал грабить и убивать мечом на расстоянии фута от собственной шеи.

"Затем мы получили еще одну передышку. В римской армии произошла смена генералов. Муммий, переправившийся из Италии, принял командование от Метелла. Пока принимались новые меры, римляне сидели спокойно, и Диезий вбил себе в голову, что они начинают нас бояться. Затем произошла небольшая стычка аванпостов, в которой наша кавалерия одержала верх. Это была сущая мелочь, не более полудюжины человек убитыми и ранеными с каждой стороны, но она безмерно обрадовала нашего вождя. Сначала он отправил посланников, чтобы предложить римлянам условия. Они должны были эвакуироваться из Греции и дать заложников в качестве гарантии того, что не вернуться. Если они сделают это,

Диезий позволит им уйти в целости и сохранности. Это был поступок безумца, и, разумеется, Муммий даже не соизволил прислать ответ.

"Но для меня это было хорошо. Я, видите ли, был одним из посланников, и я не вернулся с ними. Мне было достаточно пройти через римский лагерь, увидеть восхитительный порядок и дисциплину, не говоря уже о количестве людей, чтобы убедиться, что у нас нет и тени шанса. Я откровенно рассказал римскому генералу, который показался мне добросердечным человеком, хотя и немного хамом, о своем положении. Я действительно служил по принуждению, являясь своего рода заложником своего отца, лидера партии мира, и поскольку сейчас он вне опасности, живет в Северной Греции и не находится в пределах досягаемости Лиги, я чувствовал себя свободным и мог уйти, не считая себя дезертиром. Генерал был очень добр и посоветовал мне покинуть место военных действий, где, действительно, мне было бы неприятно оставаться, что бы ни случилось. Поэтому я приехал в Афины, где и имею удовольствие видеть вас сегодня".

"И что же произошло с тех пор?" - спросил Полибий.

"Вчера пришла депеша. Все прошло так, как я и ожидал. Генералы Лиги были столь же опрометчивы в конце, сколь и робки в начале. Они предложили сразиться с римлянами, хотя те были вдвое сильнее по численности, не говоря уже о том, что значительно превосходили их по дисциплине и качеству в целом. Кавалерия повернула и бежала, не дожидаясь скрещения мечей с противником. Пехота, состоявшая в основном из фиванцев, вела себя лучше, но численность врага говорила против них. Они были обойдены с флангов и разбиты. После этого, конечно, все было кончено. Генерал написал, что он удержал свои войска от преследования".

"А Дигей, что с ним?" - спросил Полибий. "Надеюсь, злодей получил по заслугам. Чем Греция провинилась перед богами, что ее проклинали за то, что над ней властвуют такие люди?"

"О том, что с ним случилось, ничего не известно. Но его тело не было найдено среди мертвых".

Полибия и его спутника продержали в Афинах еще три дня: римский комиссар отказал им в пропуске на фронт. Муммий все еще находился перед городом. Пока он не вошел в него, присутствие чужаков в лагере считалось неудобным. Поздно вечером третьего дня от него пришла депеша, датированная цитаделью Коринфа. Он объяснял, что греческая армия не оказала никакого сопротивления, но, поскольку трудно было поверить, что столь сильное место может быть сдано без попытки обороны, он ждал, пока не убедится, что не замышлялась никакая хитрость. Город, добавил он, был совершенно спокоен; все предводители вражеской армии либо пали в бою, либо попали в плен к нему. Сообщалось, что Диезий бежал в Аркадию и там покончил с собой вместе с женой, но в настоящее время это сообщение не подтвердилось.

Римский комиссар, получив это известие, немедленно отправил Полибию желаемое разрешение, и два друга, у которых все было готово к путешествию, сразу же отправились в путь. Путешествуя всю ночь, они достигли Коринфа, который находился не более чем в тридцати милях от Афин, вскоре после рассвета. Город представлял собой самое плачевное зрелище. Большая рыночная площадь и все другие площади и открытые пространства были заполнены беспомощной и жалкой толпой мужчин, женщин и детей, всех возрастов и сословий, обреченных на самый жестокий жребий, который только может вынести человечество. Сенат и народ Рима, доведенные, надо признать, до крайности наглостью и

глупостью коринфян, приняли дикий указ, согласно которому все население города должно быть отправлено на рынок рабов.

Ужасное дело уже началось. Несчастные жертвы были разделены на партии по полу и возрасту. Клерки квестора - а квестор, как следует пояснить, был чиновником, ведавшим финансами, - вели записи, а отвратительная команда работорговцев и их помощников, мерзких тварей, всегда следовавших по пятам за римской армией, оценивала товар, который вскоре должен был быть выставлен на торги. Знатные вельможи древних домов, купцы, которые еще месяц назад могли сравниться в богатстве с самыми богатыми капиталистами Рима, золотая молодежь самого роскошного города мира и, что самое печальное, нежные женщины, чья красота ревностно оберегалась даже от солнца и ветра, беспомощно стояли перед жестоким взглядом и еще более жестоким обращением египетских и сирийских работорговцев, варваров, которым в надменной гордости своего эллинизма они едва ли присвоили бы звание человека.

КОРИНФСКОГО ДВОРЯНИНА ПРОДАЮТ В РАБСТВО НА РЫНКЕ.

Клеанор узнал среди жертв нескольких человек, с которыми он познакомился во время своего короткого пребывания в Коринфе в прошлом году. Контраст между их нынешним унижением и почти наглой гордыней дней их процветания тронул его до глубины души. Чувства Полибия были еще более глубокими. Некоторые из этих людей были его друзьями на всю жизнь. Он сидел рядом с ними в совете, был гостем на их гостеприимных столах. Некоторые из них носили имена, связанные с величайшей славой Греции. Видеть их выставленными на продажу, как множество овец или волов, было более странно и более ужасно, чем он мог себе представить.

Не менее странным, хотя и не столь ужасающим, было зрелище, представшее перед двумя друзьями, когда они добрались до того квартала города, где расположились на ночлег римские солдаты. Одним из первых, что они увидели, была группа солдат, свободных от службы, занятых игрой в кости. Чтобы было удобнее бросать кости, они растянули на земле полотно. Полибий, чей взгляд привлекло то, что выглядело как фигура на этом импровизированном столе для игры в кости, подошел и заглянул через плечо одного из игроков, чтобы рассмотреть ее поближе. Тот отшатнулся назад в изумлении и ужасе.

"Великий Зевс! - воскликнул он, - как ты думаешь, Чистор, что это такое, что эти парни положили здесь, чтобы бросать свои кости? Это одна из лучших картин в мире! Это "Дионис" Аристиды! Город, как мне сказали, отдал за нее художнику двадцать талантов и, насколько мне известно, мог бы продавать ее снова и снова за вдвое большую сумму, если не больше. Взгляните на нее. Видели ли вы когда-нибудь что-нибудь прекраснее? Посмотрите, как бог выпрыгивает из своей машины! Посмотрите, с каким удивлением Ариадна поворачивается, чтобы взглянуть на него! А толпа нимф и сатиров, видели ли вы когда-нибудь такое разнообразие, такую энергию, такую грацию? А эти варвары используют его как стол для игры в кости!"

"Тише!" - предостерегающе сказал Клеанор. "Пусть они и варвары, но они наши хозяева, и с ними следует быть вежливыми".

Рядом находилась другая группа, которая развлекалась точно таким же образом. Картина, правда, не была столь известным шедевром, как "Дионис", - это был "Геркулес" Полигнота, - но это было произведение искусства, которое значило скромное состояние для того, кому посчастливилось им обладать. Что же касается цели, которой он тогда служил, то золотой стол не был бы столь неуместно дорогим. Подобные аномалии можно было наблюдать повсюду. Покрывала из богатейшего тирийского пурпура, гобелены с фигурами, настолько изящными и тонкими, насколько их могла сделать искусная кисть художника, вышитые одеяния, которые мог бы сшить Паллас или надеть Афродита, сокровища, привезенные из гаремов восточных царей, лежали здесь, чтобы быть растоптанными ногами апулийских пастухов, сабинских пахарей и кампанских виноградарей. Для этих крепких крестьян, невежественных во всех искусствах, кроме солдатского, они были лишь аляповатыми цветными тряпками, которые можно было применить для самых жалких целей, если не найдется ничего более удобного.

"Великий Зевс! - воскликнул Полибий, глядя на эту сцену, - какая трата! Лучше пусть эти сокровища достанутся кому-нибудь, чем они будут растрочены таким образом. Давайте пойдем к Муммию и расскажем ему о том, что происходит".

ГЛАВА XXXI. МУММИЙ.

Сципион передал Полибию письмо, адресованное Муммию, который, будучи одним из консулов этого года, рано или поздно должен был принять командование войсками, которые должны были выступить против Коринфа. Благодаря этому он без труда добился для себя и Клеатора доступа к великому человеку. К тому же он имел то преимущество, что познакомился с консулом во время своего пребывания в Италии. Муммий был "новым человеком", [63](#) из того класса, который враги называют "выскачками", а друзья - "self-made men". Он был груб и некультурен, с таким образованием, которое позволило ему прочесть по

буквам государственный документ и подписать свое имя. Но если он был невежественным и нерафинированным, то, с другой стороны, он был честным, простым человеком, выполнявшим свой долг по свету, не склонным ни к самообольщению, ни к жадности, и гуманным, по крайней мере, до римского среднего уровня.

Друзья застали его погруженным в дела, причем в такие, к которым он был совершенно не приспособлен. Это, однако, не помешало ему дружелюбно приветствовать Полибия и сказать несколько приветственных слов Клеатору.

"Чем могу быть полезен, господа?" - спросил он, обменявшись приветствиями.

Полибий вкратце рассказал об увиденном и предложил предпринять какие-то шаги, чтобы положить конец этой растрате ценного имущества.

"Подобные вещи мне не по зубам", - воскликнул консул в некотором раздражении. "Я не понимаю, что вы имеете в виду под этими сокровищами искусства. Однако я прослежу за этим. Но я сделал хорошее дело для казны. В городе сотни статуй, и он действительно завален ими. Что им может понадобиться от такого количества, я не представляю. Что касается того, что это статуи великих людей, как они мне говорят, то я с трудом могу в это поверить. Ведь вся страна не превышает и четверти размера Италии, а у нас нет и половины или чего-то похожего на половину. Но что касается статуй. Вчера здесь были агенты пергамского царя Эвмена и дали мне пять тысяч се терций за выбор ста статуй. Это отличная сумма денег, больше, чем рыцарская квалификация, как ты знаешь".⁶⁴

"Пять тысяч за штуку! И это все?" - воскликнул Полибий. "Я, конечно, не знаю, что это за статуи, но уверен, что царь Эвмен послал бы агента, который знал бы, что к чему. И если бы ему достался первый, я бы сказал, что царь заключил самую выгодную сделку в своей жизни. Пять тысяч! Неплохо было бы, я думаю, если бы он заплатил пятьдесят тысяч. Я знаю, что он дал вдвое больше Диагору Родосскому за "Танцующего фавна" Мирона".

"Вы меня удивляете", - сказал Муммий. "Я и не мечтал о таких суммах. В Интерамне - моем родном месте, ты знаешь, - поставили статую моего отца, вдвое больше, чем в жизни, и скульптор посчитал, что ему хорошо заплатили - пять тысяч сестерций, а камень нашел город. Но, полагаю, вы все знаете о таких вещах. Однако я дал слово и не могу отступить от своей сделки. Но король получил не совсем то, что вы хотите сказать. Я послал Дуилиуса, моего квестора, по городу, чтобы он осмотрел его и выбрал груз образцов для отправки в Рим. Он сказал мне, что кое-что знает об этих делах. И он умеет говорить по-гречески, а это уже кое-что".

В этот момент в дверь постучал один из ликторов консула и объявил, что к нему пришли транспортные подрядчики.

Полибий и его спутник предложили уйти. "Нет, - сказал Муммий, - здесь нет ничего личного, и мне есть что сказать вам после. Приведи их, - продолжал он, обращаясь к ликтору.

Подрядчиков было трое, владельцы стольких же транспортных кораблей. Они обязались доставить в Рим три корабля со статуями. У одного из них был каталог этих произведений искусства, который он передал консулу. Другой экземпляр был у Муммия.

"Будь добр, - обратился он к Полибию, - просмотрите этот список вместе с этими господами. Ты скажешь мне, все ли в порядке, и увидишь, какой выбор сделал Дуилий".

Всего в списке было около двухсот наименований, и едва ли среди них найдется хоть одно, которое Полибий не знал или не слышал как шедевр в своем роде. Среди них были работы всех знаменитых скульпторов Греции, начиная с Фидия и ниже - Поликлита, Мирона, Праксителя, мастеров родосской и пергамской школ.

"Что ж, - сказал историк, когда список был тщательно просмотрен, - Дуилий сделал свое дело очень хорошо. Ему достались все сокровища Коринфа. А царь Эвмен, хотя он поступил очень хорошо, вряд ли мог заключить такую экстравагантно выгодную сделку, как я думал. Да, это действительно очень хороший список".

Лицо консула заметно посветлело.

"Отличный слух", - воскликнул он. "В конце концов, я не так уж плохо справился с задачей; но я очень жалею, что не увидел вас раньше. А теперь, друзья мои, - продолжал он, обращаясь к подрядчикам, - послушайте, что говорит этот джентльмен. Он мой друг и знает все об этих делах. Вы понимаете, что у вас очень ценный груз. Ваши транспорты водонепроницаемы и пригодны для плавания во всех отношениях?"

"Конечно, сэр", - ответил представитель троицы. "Не думаю, что между Столбами и Тиром можно найти корабли лучше".

"Что ж, надеюсь, они такие, как вы говорите. Но учтите, вы отвечаете за груз. Я заплатил за него, и я ожидаю, что ты выполнишь свою работу. Учти, если ты их потеряешь, ты заменишь их другими, такими же хорошими. Разве это не справедливо, Полибий?"

"Конечно, сэр", - ответил грек, сохраняя вполне виртуозное владение своим лицом.

Покончив с этим делом, консул продолжил:

"Вы оказали мне или пытались оказать мне добрую услугу; я только хотел бы, чтобы вы пришли на несколько часов раньше. Теперь я хотел бы показать вам, что я вам благодарен. Вы, наверное, слышали о Диеусе?"

"Ни слова, господин, - ответил историк, - кроме того, что он исчез после битвы".

"Что ж, - сказал Муммий, - он мертв. Он отравился в каком-то месте в Аркадии. Его имущество, разумеется, конфисковано. Мне сказали, что там около тридцати талантов серебра и полталанта золота. Какова бы ни была сумма, половина из них к вашим услугам".

"Благодарю тебя, господин, - ответил Полибий, - но я не желаю обогащаться за счет того, что принадлежало соотечественнику. Дигей не был моим другом, но я не хотел бы, чтобы говорили, что я выиграл от его смерти".

"Ты честный человек, - воскликнул консул, - и я хотел бы, чтобы таких, как ты, было больше и здесь, и, если уж на то пошло, в Риме. Но могу ли я что-нибудь сделать для тебя?"

"Да, господин, можешь", - ответил Полибий. "Позволь мне использовать эти деньги, чтобы выкупить некоторых из этих бедных существ, которые должны быть проданы. Я знаю многих из них; некоторых я могу назвать почти друзьями. Тому, кто видел их такими, какими они были, больно видеть их такими, какими они стали".

"Хорошо! - ответил Муммий, - ты получишь все деньги, и я скажу квестору, чтобы он проследил за тем, чтобы они ушли как можно дальше. Против тебя не будет никаких торгов. А теперь прощайте, но вы и ваш юный друг должны пообедать со мной сегодня".

ГЛАВА XXXII. РАБОТОРГОВЕЦ.

Развлечения, которые консул устраивал для своих гостей, были самыми простыми и экономными, что удивительно контрастировало с дорогими блюдами, на которых они подавались. Повар знал его вкусы, которые были присущи сабинским крестьянам, откуда он происходил, и готовил для него соответствующую еду; но обстановка стола, естественно, соответствовала месту, где он жил, - официальной резиденции главного магистрата Коринфа, - и была заполнена лучшими образцами знаменитой городской утвари.⁶⁵

Когда трапеза закончилась, квестор, который был одним из гостей, объяснил Полибию, что поручил ему сделать Муммий. "Консул, - сказал он, - поручил мне использовать сорок талантов серебра⁶⁶ для выкупа рабов. Ты должен составить список и, поскольку продажа начнется послезавтра, не терять времени. Что касается цены, то он поручил официальному агенту оценить выбранных людей, так что они не будут выставлены на продажу. Большого, чем это, консул не считал возможным сделать. Если бы я стал вмешиваться в цены, - сказал он, - я бы создал очень опасный прецедент. Все должно делаться по строгим деловым принципам". Более щепетильного и благородного человека, чем Луций Муммиус, не существует, хотя следует признать, что он не слишком хорошо разбирается в искусстве. Тем не менее, я не сомневаюсь, что у вас будут довольно легкие условия".

"Я очень вам благодарен", - сказал Полибий. "А теперь еще одно дело, в котором вы можете мне помочь. Мы с моим молодым другом обсудили этот вопрос и сошлись на том, что хотим сделать что-то еще в том же направлении. Он уже побывал под копьем,⁶⁷ и я, хотя никогда не проходил через это, знаю, как горько быть в подчинении у другого человека. Что ж, судьба была благосклонна к нам обоим, и мы оба хотим выразить свою благодарность. Между нами есть еще сорок талантов, и мы хотим использовать их таким же образом. Наша идея заключается в следующем. Деньги, полученные из имущества Диея, мы считаем нужным использовать на общественные нужды. Свои же мы должны использовать по своему усмотрению. В список, который я составлю для официального агента, я внесу имена людей, чье официальное положение, или заслуги перед отечеством, или другие общественные причины, как нам кажется, требуют их выбора. Что касается наших собственных денег, то мы будем рассматривать их по дружбе или знакомству. Можете ли вы помочь нам в том, чтобы все это было устроено наилучшим образом?"

Квестор задумался. "Вы не должны идти, - сказал он после паузы, - к агенту. Я совершенно уверен, что консулу это не понравится. Я не вижу ничего лучшего, чем обратиться к одному из работорговцев. Способ такой продажи, да и вообще любой продажи, везде одинаков. Есть постоянная банда, у которой все по-своему. Ее члены не торгуются друг с другом, за исключением тех случаев, когда у них есть комиссия за покупку того или иного лота. Но стоит постороннему человеку попытаться приобрести что-либо для себя, как они соглашаются накрутить ему самую экстравагантную цену. Да, вы должны добиться, чтобы один из торговцев проявил к вам дружеский интерес".

"И кого же вы порекомендуете?" - спросил Полибий.

"Это не так просто сказать", - ответил квестор. "Как вы, полагаю, знаете, они не из лучших. Большинство из них продали бы собственных отцов и матерей. Это не самое приятное

занятие. Но в целом я бы рекомендовал Иуду Иудейского. У него есть принципы; очень странные принципы, но все же это хоть что-то. Да, Иуда - ваш человек. Один из моих санитаров приведет его к вам завтра рано утром".

На следующий день Иуда предстал перед нами, являя собой любопытный контраст своей стройной, жилистой фигурой и острым умным лицом с крепко сложенным, неподвижным солдатом, который его сопровождал.

"Ну, господа, чем я могу вам помочь?" - начал он. "Осмелюсь предположить, что здесь можно будет заключить несколько выгодных сделок. Но по-настоящему хорошие вещи всегда имеют свою цену. Их никогда не бывает в избытке".

Полибий составил список, который и передал еврею. В нем он указал имена и, насколько он знал или мог предположить, возраст тех, кого он хотел купить. Глаза еврея раскрывались все шире и шире по мере того, как он читал это.

"Но что, - спросил он, с изумлением преодолевая на мгновение свою обычную, несколько подневольную вежливость, - что вам нужно от всех этих стариков и старух? Не могут же все они быть вашими отцами и матерями, дядями и тетями". Извините, господа, - добавил он, опомнившись, - но это не те комиссионные, которые я имею обыкновение получать от своих клиентов".

Полибий в меру своих сил объяснил мотивы своего поступка и поступка своего друга. По мере того как еврей слушал, на его лице появлялось все более мягкое выражение. "Клянусь Богом моих отцов, - воскликнул он, когда историк закончил, - я никогда в жизни не сталкивался с подобными вещами! Я не хочу сказать, что не знал о том, что сыновья выкупают отцов и матерей и тому подобных вещах, но это совершенно за пределами моего опыта. Что ж, - продолжил он с улыбкой, - в любом случае вы увидите, что ваша фантазия обойдется вам не очень дорого. Сколько вы собираетесь потратить?"

Полибий назвал сумму. "Но, конечно, - добавил он, - мы должны учесть ваши комиссионные. Какова будет эта сумма?"

Иуда немного поразмыслил. "Клянусь Авраамом, Исааком и Иаковом, - вырвалось у него через некоторое время, - я не возьму ни драхмы. Я тридцать лет занимаюсь этим бизнесом и никогда не видел ничего подобного. Я и предположить не мог, - бормотал он про себя на родном языке, - что эти языческие псы додумаются до такого. Что ж, я не должен позорить отца Авраама, ведя себя хуже, чем они. Нет, господа, - продолжал он, - я не буду брать комиссионных. Это довольно необычное дело, и вы должны позволить мне доставить себе удовольствие, управляя им по-своему. За эти деньги вы можете получить целый корабль стариков. Некоторые молодые люди будут стоить дороже. Но по-настоящему дорогие вещи - это молодые женщины, а я не вижу ни одной в вашем списке. Полагайтесь на то, что вы не пожалеете своих денег. Сейчас в Коринфе живут самые подлые негодяи на свете, но они лучше знают, как торговаться с Иудой".

Когда были улажены различные деловые вопросы, старый еврей стал очень разговорчиво рассказывать о своем занятии. Сам он был рабом, унесенным в детстве какими-то сирийскими мародерами из одной галилейской деревни. Купленный солдатом, капитаном в армии третьего Антиоха, он вновь обрел свободу во время разгрома, последовавшего победы при Магнезии. После этого наступил период службы в патриотических войсках, собранных братьями Маккавеями. Там он добился определенных успехов, но оказался без средств к существованию, когда тяжелая рана, полученная в битве при Элаиме, заставила

его отказаться от воинского ремесла. У него не было ни одного родственника в мире; его родные места полностью погибли. Один из земляков предложил ему место клерка. Когда он узнал, что его новый работодатель - торговец рабами, то испытал странное чувство радости. Ему предстояло зарабатывать на страданиях этих язычников, омрачивших его собственную жизнь. К своему народу он не переставал быть нежным и великодушным. Остальному миру он казался абсолютно черствым и бессердечным. По этому случаю он рассказывал слушателям о таких ужасных событиях, что у них кровь стыла в жилах. Его комментарии по этому поводу часто были удивительно циничными. "Какую глупость совершил Фламинин в Челисе!" - заметил он, когда разговор случайно зашел на эту тему. Клеанор прислушивался, можно быть уверенным, всеми своими ушами, когда улавливал это имя. "В порыве глупой страсти он выбросил на ветер не менее пятидесяти талантов хороших денег. Представьте себе абсолютный идиотизм человека, убившего несколько десятков трудоспособных мужчин, когда он мог бы их продать! Для чего он это сделал? Ради мести? Разве он не знал, что девять из десяти скорее будут убиты, чем станут рабами? Первый месяц или около того мне всегда приходится следить за любым энергичным молодым парнем, чтобы он не ускользнул из моих рук. После этого они, кажется, теряют голову и не могут набраться духу даже для того, чтобы зарезать себя. Конечно, приказ убить никогда не выполняется. Солдаты умеют ошеломлять тех, кого они вроде бы убивают. У меня было несколько красивых грузов трупов, которые ожили, когда их благополучно убрали с дороги. Дайте солдату сто сестерций,⁶⁸ и вы получите крепкого молодого парня, которого можно продать за пять тысяч".

Полибий и Клестор с удовлетворением увидели, что их усилия увенчались даже большим успехом, чем они могли ожидать. Государственный агент отнесся к своим обязанностям весьма либерально, а еврей-торговец выполнил свою часть дела с большим успехом. Почти семьсот самых старых и беспомощных жертв осады были возвращены на свободу. Это была лишь малая толика от общего числа несчастных, но и это было уже кое-что. Никто из спасенных пленников не знал имен своих благодетелей, хотя впоследствии тайна каким-то образом просочилась наружу, но друзья чувствовали, что их труды были не напрасны и вознаграждены, когда стояли рядом и отмечали, сами того не замечая, счастье, которое они смогли обеспечить своим несчастным соотечественникам.

Если в этом отношении Полибий обошелся и остался без похвал своих соотечественников, то было и другое дело, в поведении которого он заслуженно снискал почти всеобщее одобрение. Некоторые жалкие подхалимы - а подхалимы были слишком распространены среди греков того времени - предложили Муммию сбросить статуи Филопемена. Они утверждали, что он всегда был энергичным противником Рима и что теперь, когда Рим окончательно победил, памятники, воздвигнутые в его честь, должны стоять. На консула, который, по правде говоря, не имел ни малейшего представления даже о новейшей истории, этот аргумент произвел первое впечатление. Этот Филопеман был вождем Ахейской лиги, и именно Ахейская лига защищала или пыталась защитить от него Коринф.

Полибий, который, конечно же, знал, что замышляется, умолял дать ему возможность защитить ушедшего патриота, и Муммий согласился его выслушать. Был создан своего рода импровизированный суд. Консул и его квестор, а также легаты или генералы дивизии составили судейскую коллегию. Полибий, говоривший с такой глубиной личных чувств, которая тронула сердца всех слушавших его, произнес красноречивую и убедительную апологию за почтенного человека, которого он когда-то имел честь называть своим другом. Он признал, что Филопеман боролся за независимость Греции до тех пор, пока эта независимость была возможна. Какой честный грек, спрашивал он, мог бы сделать меньше?

Но он всегда был благородным врагом, а как только видел, что этого требуют истинные интересы его страны, всегда становился верным союзником. Судьи вынесли единогласный вердикт в его пользу.

"Он был честным человеком", - подчеркнул консул. "Его статуя должна стоять здесь и везде, что бы ни было сброшено, а поскольку честные люди встречаются не так уж часто, ее установят в каждом городе Греции".

Настало время друзьям расстаться. Полибий получил из Рима поручение устроить дела других городов Пелопоннеса, и он с радостью взял бы с собой своего юного друга в качестве секретаря. Но Клинор чувствовал, что его непреодолимо тянет в Италию, причем не только по одной причине. Там его ждала почетная и прибыльная работа, которая была бы тем более желанной, что она была полностью удалена от сцен, столь полных болезненных ассоциаций, через которые он прошел в течение последних двух лет своей жизни. Речь, как помнят мои читатели, шла о переводе знаменитого трактата "О сельском хозяйстве". И он ни на минуту не забывал, что в Италии теперь находились два самых дорогих для него существа на свете. Коринф, который дикий декрет сената обрек на пламя, оба стремились покинуть без промедления. Они расстались на палубе "*Ино*", корабля, который вез Полибия в Сикион, первый город, который он должен был посетить в своем официальном качестве, и который должен был доставить Клеонора дальше на запад, в Рим. "Прощай!" - сказал Полибий. "Я займусь своей историей, когда все эти дела будут улажены. Помни, что ты обещал критиковать ее. Я не хочу отдавать ее миру, пока она не получит вашего одобрения".

ГЛАВА XXXIII. В ИТАЛИИ.

Путешествие "*Ино*" было быстрым и благополучным. Но хотя Клеанор благополучно добрался до места назначения, он не без удивления узнал, что его путешествие могло закончиться совсем иначе. Римская республика расширяла свои границы во всех направлениях и стирала в пыль города, оспаривавшие у нее звание мировой империи, но при этом терпела оскорбления в свой адрес, а ее граждане и союзники подвергались жестокому обращению со стороны малозначительных врагов. Пока ее легионы и флоты одерживали великие победы за границей, у ее собственных берегов хозяйничали пираты. Недалеко от Итаки корабль "*Ино*" подобрал лодку, в которой находились трое моряков, доведенных голодом и жаждой до последней стадии истощения. Бедолаги, которые были почти без сознания, когда их подняли на борт, смогли рассказать свою жалкую историю, когда у них восстановились силы, чтобы говорить. Они дрейфовали уже девять дней и были выжившими из компании из девяти человек, экипажа торговца из Патре, который направлялся с грузом вина в Тарентум.

"Когда мы прошли половину пути, нас перевернула киликийская пиратская галера, - рассказывал капитан, который был одним из троих. Они взяли все, что хотели, из моего груза, спустили мой корабль на воду и, будучи по той или иной причине в хорошем настроении, вместо того чтобы заставить нас идти по доске, как это принято у них, позволили нам воспользоваться шансом в нашей лодке и даже дали нам бочонок воды и мешок печенья. Это была моя первая самостоятельная авантюра, - сказал мужчина со слезами на глазах, - и я потерял все, что у меня было в мире. Мы платим налоги римлянам, почему бы им не охранять моря для нас?"

"Действительно, почему?" - ответил капитан "Ино". "Сейчас дела обстоят гораздо хуже, - продолжал он, обращаясь к Чистору, - чем тогда, когда я только начал плавать по этим морям около тридцати лет назад. В те времена родийские корабли держались довольно хорошо. Пираты очень редко заходили на запад от Кипра. Но потом Родос начал катиться под откос. Она разорилась из-за того, что Делос стал свободным портом, и не могла позволить себе содержать флот. С тех пор дела идут все хуже и хуже. Вы не поверите, сэр, какие вещи происходят почти на глазах у Рима. Два года назад половину имущества претора разнесли по дороге из Бариума в Брундизий, и только по счастливой случайности они не добрались до самого великого человека. Так получилось, что он шел впереди, а не позади, как обычно. Возможно, если бы его поймали, можно было бы что-то сделать. А так, похоже, никому до этого нет дела".

На следующий день "Ино", похоже, удалось спастись. На рассвете дозорный заметил вдали подозрительное судно, длинное и низко сидящее на воде. В это время был почти штиль, и если незнакомка была пиратом, что казалось весьма вероятным, то ее длинные гребки вскоре должны были привести ее в опасное сближение. "За него придется побороться, - сказал капитан, осматривая свой запас оружия.

К счастью, случая применить его так и не представилось. С восходом солнца поднялся бодрый ветерок, и "Ино", который был отличным моряком, вскоре оставил странное судно далеко позади. В тот же вечер его пришвартовали к одному из причалов в гавани Брундизиума. К полудню следующего дня Клеанор был уже в пути по великой Аппиевой дороге в Рим.

Стояла ранняя осень, самое нездоровое время года, как тогда, так и сейчас, для столицы Италии, и город был пуст, по крайней мере, в отношении его богатых жителей. Однако комитет по переводу собирался приступить к работе, которая считалась срочной. Сципион с присущей ему заботливой добротой предоставил в распоряжение членов комитета свою виллу недалеко от Остии, и они могли посвятить себя работе в благоприятных условиях здоровья и покоя. В этих приятных обстоятельствах работа продвигалась быстро. Помощь Клеатора оказалась очень ценной. Теперь он в равной степени владел тремя языками - карфагенским, греческим и латынью. На первых двух он почти безразлично говорил в родном городе; третий он выучил грамматически еще в детстве, а с тех пор освоил и разговорный. Легко понять, насколько полезным мог быть образованный человек, обладавший такими необычными преимуществами, при работе с книгой, в которой речь шла в основном об обыденных вещах и делах повседневной жизни. Ни один из его коллег не объединял в себе столько качеств.

Время, занятое этим занятием, проходило быстро и, в целом, достаточно приятно. Однако непрерывный труд и сидячая жизнь, так не похожая на непрерывную активность, в которой он провел предыдущие месяцы, начали сказываться на его здоровье и настроении, и он был рад, когда приближение праздников Сатурна⁶⁹ обещало перерыв на отдых и, возможно, смену обстановки. С немалой радостью он получил в начале декабря письмо от младшего Сципиона. Оно было следующего содержания

Л. Корнелий Сципион своему другу Клинору, сердечно приветствуя.

Вот уже третий день, как я прибыл в Италию, и я спешу позаботиться о том, чтобы мы встретились как можно скорее. Моя тетя Корнелия, с виллы которой в Мизенуме я сейчас пишу, приглашает тебя, как я пишу по ее просьбе, провести здесь приближающийся праздник. Она просит передать, что впервые слышит, где вы находитесь и что делаете. Другие вещи, касающиеся вас, были сообщены

ей, не без похвалы, некоторыми людьми, чьи имена я не должен упоминать. Поэтому приезжайте, как только позволят обстоятельства. Будьте уверены, что вы будете желанным гостем для многих, и особенно для меня. Прощайте!

ГЛАВА XXXIV. В МИСЕНУМЕ.

Корнелии, "матери Гракхов", в это время было уже далеко за пятьдесят лет, но она сохранила по милости природы, часто столь капризной в том, что она дает или отнимает, большую часть красоты молодости. Оставшись вдовой с многочисленной семьей - она родила мужу двенадцать детей, но все не выжили, - она нашла себе царственного поклонника в лице Птолемея, царя Египта. От этого предложения ей, вероятно, не пришлось отказываться. Дочь великого дома Корнелиев в любом случае не стала бы вступать в союз с таким сомнительным родом, как Птолемеи, а этот конкретный Птолемей, чья раздутая внешность принесла ему имя Фискон, был его выродившимся отпрыском. Но у Корнелии были серьезные проблемы. Из двенадцати ее детей в живых остались только двое: Тиберий, которому сейчас было семнадцать лет, и Кай, пятилетний ребенок. Оба подавали самые смелые надежды; старший, хотя и недавно принявший мужественное одеяние, уже получил образование, какое только могли дать римские учителя, и был искусным ритором; младший был мальчиком необыкновенной красоты и ума. Но Корнелия, удивительно проницательная женщина, уже начала с тревогой наблюдать за стремительным развитием характера Тиберия. Политические наклонности юноши были ярко выражены, и казалось, что они могут привести его к опасному столкновению с аристократическими традициями дома его матери. Что касается Кая, то он был самолюбив и властен до чрезвычайности. И все же ни одна мать не могла бы гордиться своими детьми, как и не могла быть более преданной им.

Однако в это время, когда Клинор впервые посетил виллу в Мизенуме, все было ярко и весело. К этому времени Феоксена и ее дочь научились чувствовать себя в гостеприимном доме Корнелии как дома. Старшая женщина так много страдала в прошлом, что лучшее счастье, на которое можно было надеяться, - это покой; но Дафна расцвела, превратившись в самую привлекательную личность. В ее красоте было особое сияние, которое тем более очаровывало, что нрав самой девушки и благодатный пример ее хозяйки, жемчужины среди женщин, скрашивали ее некой девственной сдержанностью. Поначалу она встретила Чистора с прежней сестринской откровенностью, но во взгляде молодого человека и в его голосе - хотя он тщетно пытался умерить их в приветствии почтительной привязанности - прозвучала пылкость, которая, казалось, встревожила ее. Что касается Чистора, то после первого дня, проведенного в ее обществе, он уже не мог сомневаться в истинной природе своих чувств. Отныне Дафна стала для него единственной женщиной в мире.

Праздник, затянувшийся до начала нового года, прошел слишком быстро. Дни проходили либо в охоте на зайцев - более крупной дичи в густонаселенном регионе было не сыскать, - либо в экскурсиях по воде, чему благоприятствовала погода, которая, хотя и стояла глубокая зима, была удивительно спокойной и теплой. Возможно, самой восхитительной экспедицией сезона было восхождение на Везувий, тогда покрытый почти до самой вершины прекрасными лесами и не подававший никаких признаков скрытых сил, которые два века спустя должны были посеять опустошение над самым прекрасным регионом Италии.

Вечера начинались с простого, но элегантного ужина, за которым собиралась вся компания, даже маленькому Кайусу разрешалось присутствовать хотя бы некоторое время. По

окончании трапезы не было недостатка в развлечениях. Тиберий был искусным чтецом и мог с артистическим разнообразием в голосе и акценте рассказать одну из комедий Теренция. Клеанор очаровывал компанию отрывками из Гомера, Пиндара или одного из великих афинских драматургов. Иногда, по особой просьбе, он танцевал танец Пирра - развлечение, которое в более суровом римском обществе было бы более чем легкомысленным. А время от времени Дафну уговаривали спеть под лютню изящную лирику из Стесихора.

Последний день года, который должен был стать и последним из самых восхитительных визитов, Клинор решил провести как можно дольше. Поднявшись, как только на небе забрезжили первые полосы рассвета, он принялся изучать более тщательно, чем ему доводилось это делать раньше, прекрасно устроенные сады, окружавшие виллу. Следуя по бархатной дорожке, укрытой с обеих сторон кустами самшита, он подошел к месту, откуда открывался широкий вид на прекрасный Неаполитанский залив. Он заметил, но самым случайным образом, фигуру садовника, который, как показалось, был занят подстриганием окружающих кустарников: все место, за исключением той стороны, которая выходила к морю, было защищено от ветра густой порослью самшита и лавра, арбута и лавра.

Он опустился на деревянную скамью и окинул взглядом раскинувшуюся перед ним картину. Он смотрел на запад, и море у его ног лежало в тени темно-фиолетового цвета. Вдали солнце золотистым светом освещало скалы Прохита и более отдаленного Инариме. На какое-то время красота этой сцены полностью захватила его, ибо природа волновала сердца людей тех дней так же, как и наших, хотя они только начинали давать своим чувствам внятное выражение.

Затем его мысли вернулись к тому, что в то время доминировало в его душе, - к любви к Дафне. Как, спрашивал он себя, дать о себе знать? Как ему подойти к ней? Говорить напрямую, по крайней мере на первых порах, было не в обычае его расы, хотя, несомненно, любовь, как и везде, делала свои исключения из самых строгих правил. Через ее мать? Но Теоксена, как он знал, была слишком предана ему. Для нее его желание было бы повелением; она сделала бы это вопросом сыновнего послушания своей дочери, а ему нужна была добровольная покорность, которая была бы полностью свободной. Через Корнелию? Но разве она согласится на такой союз? Она была знатной дворянкой, исполненной глубочайшего сочувствия к народу, но глубоко осознавала социальную разницу между своим сословием и им, и к своему сословию она, несомненно, причислила бы благороднорожденного Чистора.

Что ж, - сказал он себе после паузы размышлений, которая, похоже, не прояснила ситуацию, - все уладится само собой. Я люблю ее, и, думаю, она любит меня, так что ничто не разлучит нас". И он разразился прекрасной хоровой песней *Антигоны* - ибо это была его привычка, как и привычка всех истинных любителей поэзии, прерывать таким образом свои уединенные размышления.

"О любовь непобедимая!"

Затем последовала строфа Алкея, а после нее - мелодичная нежность Сапфо.

Когда он повернулся, чтобы вернуться к дому, ибо встал рано, и резкий утренний воздух заставил его почувствовать, что он долго постился, он был поражен, услышав, как сзади его окликнули по имени, не по имени, под которым он был известен всему миру, а по фамилии, которую он не слышал с тех пор, как дом его детства исчез в огне и крови.

"Кле", - сказал голос, и его тона показались ему странно знакомыми. Он повернулся: в поле зрения не было никого, кроме садовника. Тот выронил ножницы и стоял с протянутыми в мольбе руками.

"В чем дело?" - вскричал он, - "Что или кто вам нужен?" Он сделал два-три шага вперед, и по мере его приближения в фигуре, стоявшей перед ним, показалось что-то странно знакомое.

"Да, это...", - и говоривший на мгновение покачнулся, а затем без сознания упал на землю. Широкополая шляпа, низко надвинутая на лицо, чтобы, как казалось, скрыть черты, при падении сместилась, открыв изящный контур лба и стройную голову, покрытую короткими локонами цвета солнечного золота.

"Великий Зевс!" - воскликнул Клеанор, поднимая с земли распростертую фигуру. "Великий Зевс! Если я не сошел с ума или не вижу сон, это Клеона ожила".

Неподалеку от него из скалы струился крошечный родник. Клеанор подставил под него свою шапочку, пока она не наполнилась до половины, и плеснул водой сестре в лицо. Она сделала два-три глубоких вдоха, а затем открыла глаза. Сначала они были пустыми, так как она не могла вспомнить, где находится и что произошло, но вскоре засияли счастливым светом.

"Дорогой брат, - прошептала она, - неужели я снова нашла тебя? Пойдем в мою маленькую хижину - она совсем рядом. Там ты услышишь мою историю, и мы подумаем, что делать".

Вкратце, поскольку во время рассказа он, как и следовало ожидать, прерывался многочисленными восклицаниями и вопросами, Клеоне рассказала следующее.

"Я ничего не помню после того, как была сбита с ног ударом солдатского меча на рынке Челиса, пока не оказалась в трюме корабля в море".

"Значит, тебя не убили?" - воскликнул Клеанор.

"Похоже, что нет, - ответила девушка с веселым смехом, - ибо даже если бы я была Эвридикой, не нашлось бы Орфея, который вернул бы меня из дома Аида".

"Ах! - сказал юноша, - теперь я начинаю понимать, что имел в виду старый Иуда. Он сказал, вы, должно быть, знаете, что они подкупили солдат, чтобы те не убивали пленников, а оглушали их".

"Так вот, как я уже говорил, я оказался в трюме корабля, на котором, очевидно, была очень плохая погода. Я лежал головой к палубе и слышал, как двое мужчин разговаривают прямо надо мной. Ветер так шумел, а бревна так скрипели, что я почти ничего не понял из того, что они говорили. Но кое-что я все же разобрал. Кто-то, как я понял, капитан, проклинал свою невезучесть. "Вот, - сказал он, - проклятая злоба: какое бы хорошее предположение я ни сделал за всю свою жизнь, все идет прахом. Там, внизу, пятьдесят молодых парней, с которыми я имел дело с тех пор, как занялся этим делом пять с половиной лет назад, и что с ними будет дальше? Они стоят двести тысяч сестерций, если стоят одну, а теперь вся партия идет ко дну". "Каковы шансы?" - прорычал другой, которого я принял за рулевого. "Каковы шансы, если вы тоже пойдете ко дну? Вот что я вам скажу, - снова сказал другой после паузы, - вы должны дать ребятам шанс. Откройте люки, и пусть они доберутся до суши, если смогут". "Что толку?" - угрюмо ответил капитан; "Они могут утонуть, мне все равно". "Nay, but you talk like a fool. Если они выживут, они все равно ваши, и вы можете завладеть ими или, по крайней мере, некоторыми из них снова". "Верно, - сказал хозяин, - так и есть. У них будет шанс". Через минуту-другую после этого открылись люки, и парень закричал: "Поднимайтесь

как можно быстрее! Кораблю осталось плавать недолго, и если вы не хотите пойти на дно вместе с ним, то сейчас самое время". Из пятидесяти человек на палубу поднялось около двух десятков. Некоторые так и не оправились от удара, который их оглушил - не так-то просто нанести правильный удар, - а некоторые, как я понимаю, были настолько утомлены морской болезнью, что не желали двигаться. Что касается меня, то я чувствовал себя немного ошеломленным; морская болезнь, как вы знаете, никогда не беспокоит меня. Мы поднялись на палубу как раз вовремя: судно уже вплотную подошло к скалам. В следующую минуту она ударилась. Что случилось с командой и с моими спутниками, я не могу сказать; знаю только, что с тех пор я никогда никого из них не видел, кроме, правда, нескольких трупов, которые я нашел на берегу на следующее утро. Я отчаянно боролся за то, чтобы выбраться на сушу, и, конечно, никогда бы не сделал этого, хотя, как вы знаете, я не плохой пловец, но что очень большая волна выбросила меня почти на сушу, и у меня хватило сил только на то, чтобы отползти подальше от моря. Остаток ночи - была примерно середина третьей вахты, насколько я мог предположить, когда это случилось, - я провел в зарослях на подстилке из сухих листьев, где спал так крепко, как никогда в жизни. На следующий день я снарядил себя одеждой, которую снял с мертвецов на берегу - не грабеж, подумал я, бедняги! В их карманах я нашел и немного денег. Следуя по дороге, которая вела вглубь острова, я пришел в деревню, где была таверна. Здесь я купил немного хлеба и выпил стакан кислого вина. Я счел за лучшее притвориться глухонемым и знаками дал им понять, что хочу есть и пить. Я заплатил за все, что у меня было, но постарался, чтобы люди знали, что у меня очень мало, так как я сам составлял те несколько грошей, которые требовались то в одном, то в другом месте. Затем я дал им понять, что хочу работать, чтобы заработать на жизнь. Сначала я делал вид, будто копаю землю, потом - будто пилю дрова. Случилось так, что им понадобился кто-то, потому что это было напряженное время года, и они увидели, что могут получить работу очень дешево, потому что не дали мне никакой платы, кроме еды и жилья во флигеле, который, к счастью, был в моем распоряжении. Здесь я пробыл около месяца. Потом я подслушал разговор нескольких людей о замечательной даме, жившей по соседству. Она была вдовой, говорили они, и управлялась со всеми делами - домом, садом, фермой - и все это в одиночку. Это, подумал я про себя, то самое место для меня. Возможно, когда-нибудь я смогу рассказать ей свою историю. Однако этот день так и не наступил. Я устроился на работу точно так же, как и в таверне, и у меня есть своя маленькая хижина, где я ухаживаю за птицами и голубями. Но почему-то я никак не мог набраться смелости и заговорить. Однако я все надеялся и надеялся, и теперь, дорогой Чистор, когда вы приехали, все будет хорошо".

"Да, - сказал молодой человек, - и первым делом, моя дорогая Клеоне, нужно подобрать тебе подходящую одежду".

Девушка покраснела.

"Клянусь Кастором, - сказала она, - я почти забыла, что одета как мужчина. Но как вы с этим справитесь?"

"Достаточно легко", - ответил ее брат. "У леди Корнелии есть отличная экономка, с которой я в большой любви; не сомневаюсь, что она позволит мне иметь все, что я захочу. Но я должен идти; чем скорее мы все уладим, тем лучше".

Бедная Клеоне, как женщина, почувствовала, что мужество, которое никогда прежде не подводило ее, покидает ее, когда ей приходится расстаться хотя бы на полчаса с давно потерянным братом. Она прижалась к нему и жалобно зарыдала. "Не оставляй меня", - рыдала она.

Молодой человек, для которого подобные вещи были в новинку, смотрел на нее с изумлением. "Что это значит, Клеоне, после всего, что вы пережили?"

"Да, - сказала она, улыбаясь сквозь слезы, - я дура. И кроме того, - продолжала она, глядя на свою грязную и потрепанную одежду, - мне нужна приличная одежда".

Добрая Поллиа, исполнявшая при Корнелии обязанности гардеробщицы, матери горничных и вообще экономки, была несказанно удивлена, когда Клинон попросил ее снабдить его различными предметами туалета молодой леди, не столь многочисленными в те времена, как сейчас. Однако он был очень любим, и она не стала задавать вопросов, вероятно, решив, что затевается какая-то шутка. Соответственно, она поискала среди сокровищ, которыми располагала, и без труда нашла все, что хотела.

Моды в те времена не менялись так, как они меняются под влиянием капризов современного вкуса. Женщины тщательно, возможно, даже более тщательно, чем сейчас, подбирали одежду в соответствии со своим возрастом. Но то, что мать носила в двадцать лет, дочь, достигнув тех же лет, могла носить без малейшего подозрения на странность, а одежда могла передаваться по наследству, если она была такого качества, которое подходило для столь долгой жизни, еще не одному поколению.

Вскоре Клеанор с охапкой подходящей одежды уже направлялся к хижине садовника. Клеоне, которая, казалось, стремилась как можно скорее компенсировать вынужденную разлуку со всеми женскими суетами, приняла драгоценную ношу с воплем восторга. Когда через полчаса после этого она вышла из своей хижины, не всякий человек смог бы распознать в блестящей юной красавице, державшей за руку Клестора, дряхлого глухонемого, который вот уже много месяцев в одиночестве трудился в садах Корнелии.

"ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ПОСЛЕ ЭТОГО КЛЕОНЕ ПОЯВИЛАСЬ В ОБРАЗЕ БЛЕСТЯЩЕЙ ЮНОЙ КРАСАВИЦЫ".

На все эти доверительные беседы и приготовления ушло немало времени, и когда пара вошла в столовую, гости как раз собрались к полуденной трапезе. С тех пор как Мизенум получил свое название, это место не видело более поразительного зрелища. Поначалу показалось, что Клеанор нашел своего двойника, ведь брат и сестра были удивительно похожи. Но время, прошедшее с момента их трагической разлуки, ничуть не изменило их. Юноша вырос в высоту, а его телосложение, скрепленное постоянными приключениями, приобрело более крупные пропорции, свойственные его полу. Девушка была его образом, но теперь в несколько меньшем масштабе. Более красивой пары в Италии еще не видели.

"Клино́р превратился в Аполло́на, - воскликнул маленький Кайу́с, - и он привел с собой Диану".

Что касается остальной компании, то они смотрели на эту сцену с изумлением, которое было почти оцепенением. Первой пришла в себя Корнелия. Она вышла вперед, чтобы поприветствовать новоприбывшего. "Добро пожаловать, - сказала она, - ради твоих братьев - ведь Клеанор наверняка твой брат - и, я уверена, ради тебя самой". Тогда Феоксена бросилась к ногам девушки и прижалась к ее коленям. "Это Клеоне", - воскликнула она. "Богам больше нечего мне дать". Маленький Цефал поцеловал ей руку, а Дафна, поначалу несколько стеснявшаяся великолепной незнакомки, не замедлила с ласковым приветствием.

"Ни слова, - сказала Корнелия, - пока вы не поедите и не выпьете. Пока же, - сказала она, улыбаясь маленькому Кайусу, - им придется довольствоваться амброзией и нектаром".

Трапеза закончилась, Корнелия выслушала всю историю. Ее ум, всегда отличавшийся практичностью, сразу же определил первое, что необходимо сделать.

"Мы должны без промедления удостовериться в гражданском *состоянии* этой молодой леди, - сказала она. Сейчас было бы очень сложно сказать, кто она или что она".

В ближайший город было немедленно отправлено сообщение с письмом, требующим немедленного присутствия местного нотариуса. Он прибыл до захода солнца, и официальным актом об освобождении Клеоне, рабыня Корнелии, стала свободной.

"Прости меня, дочь моя, - сказала она, - если я говорю о тебе как о своей рабыне. И в самом деле, мой титул очень слаб; впрочем, никто не сможет придумать лучшего. А пока, насколько я могу обеспечить твою свободу, ты свободна".

ГЛАВА XXXV. ХОРОШО ПОТЕРЯННЫЙ МИР.

Клеанор вернулся в Рим около четырех месяцев назад и уже почти завершил свою работу в комитете по переводу, когда его навестил молодой Сципион. Во время праздников Сатурна его не было в Мизенуме, так как он был вызван в Сицилию, чтобы заполнить случайную вакансию в штате квестора этой провинции.

"Ну, - сказал Клеанор, обменявшись приветствиями, - и как тебе понравилась работа твоего квестора в Сицилии?"

"Я нашел ее очень интересной, - ответил молодой человек, - и, должен сказать, очень приятной. Мое имя повсеместно сделало меня самым желанным гостем. Вы не можете себе представить, какое впечатление произвел на весь остров поступок моего дяди, вернувшего статуи городам. Простого факта, что я его племянник, было достаточно, чтобы заставить их почти поклоняться мне. Я случайно оказался в Агригентуме, когда знаменитый Бык был торжественно установлен на свое место. Если бы я был основателем города, ожившим вновь, ко мне нельзя было бы отнестись с большим уважением. Мне было бы очень стыдно описывать все ораторские церемонии, коронации и объятия, через которые я прошел. На

самом деле, если бы у меня и была какая-то претензия к , то она заключалась бы в том, что для такого скромного молодого человека, как я, эти почести были немного чрезмерными".

"И что же, - спросил Клеанор, - ты собираешься делать теперь?"

"Это, - ответил молодой римлянин, - как раз то, о чем я хочу с тобой поговорить. Лентул, проконсул Сицилии, как ты, полагаю, знаешь, весьма благосклонно отозвался о моих услугах и, более того, предложил меня в качестве одного из постоянных квесторов на следующий год. Это тем более приятно, что он мне не родственник и, по сути, не стоит на одной стороне в политике с моим дядей. Если бы дядя выдвинул мою кандидатуру, я, вероятно, получил бы свое избрание, но это сделает его совершенно определенным".

"Что ж, - сказал Чистор, - конечно, вы без колебаний согласитесь. Я заранее поздравляю вас. Это будет первая ступенька в лестнице, и мы увидим, как ты поднимешься, как поднимались твои предшественники до тебя, чтобы стать эдилом, претором, консулом".

"Да, да, - сказал молодой человек, - именно так. Это первый шаг, и я не мог бы сделать его при лучших обстоятельствах, но..." И он сделал паузу, выглядя совсем не как честолюбивый юноша, перед которым открывалась величайшая карьера в мире.

"Что же мешает?" - спросил молодой грек.

Смущение Сципиона, казалось, только усилилось. "Я был у моей тети Корнелии в Мизенуме", - добавил он после долгой паузы.

"И что она посоветовала?" - спросил Клеанор. "Конечно, ей нечего было сказать против. Мне даже показалось, что, насколько я знаю твою римскую политику, она была бы особенно рада твоему появлению в общественной жизни под эгидой Лентула".

"О да!" - ответил молодой римлянин. "Именно такой была ее точка зрения. Но..." - и он сделал паузу в еще большем смущении, чем прежде. "Ну, я должен сказать это рано или поздно - я видел твою сестру".

"Мою сестру! При чем тут моя сестра?" - в полном недоумении спросил Клеанор. "Полагаю, ты не спрашивал у нее совета, а если бы и спросил, то она, надо полагать, не стала бы препятствовать тебе служить своей стране".

"Ну, - сказал Сципион, - я спросил ее, хотя и не совсем совета, и она сказала именно то, что ты предполагал".

"Тогда в чем же трудность? Ты сам хочешь этого; все твои друзья советуют тебе рискнуть. Что же мешает? Ради всего святого, друг мой, объясните, что вы имеете в виду, потому что это совершенно непонятно для меня".

"Тогда, Чистор, послушайте; если я вас обидел, а я не могу этого не сделать, будьте терпеливы ко мне. Прежде всего, я люблю вашу сестру Клеоне. Это самое заветное желание моего сердца - сделать ее своей женой, и я думаю, то есть надеюсь, что я ей небезразличен".

"Я рад это слышать", - воскликнул молодой грек, вскочив и схватив своего друга за руки. "I am delighted to hear it. В мире нет девушки лучше и храбрее, если можно так выразиться о моей родной сестре. Вы, конечно, слышали ее историю. Она заслуживает хорошего мужа, если вообще заслуживает, и мне приятно думать, что она его найдет".

"Мне приятно слышать это от вас, хотя я и не чувствую себя достойной ее. Но теперь перейдем к тому, что мне так трудно сказать. Клеоне подходит любой человек в мире, как по рождению, так и по характеру. Но, с точки зрения нашего закона, она не подходит римскому гражданину. По какой-то проклятой случайности - хотя, конечно, если бы не эта случайность, я бы никогда ее не увидел - она стала рабыней, а теперь свободная женщина. Из этого *состояния* ее, насколько я знаю, ничто не может вывести, и, находясь в *нем*, она не может быть моей женой. В каком-то смысле между нами может быть брак, но это не будет брак, который даст ей права и привилегии римской матроны; это не будет брак, который откроет нашим детям карьеру римского гражданина. Итак, мой дорогой друг, убийство раскрыто, это голый факт, и если это кажется вам оскорблением - а оскорбление, боюсь, должно казаться, - помните, что это не мое дело и не я его совершил".

"Мой дорогой друг, - сказал Чистор, - я не стану притворяться, что сказанное вами меня не задело. Мы всегда привыкли считать себя такими же хорошими, как и все остальные, с точки зрения рождения и положения. На самом деле мы, греки, не слишком исключительны, и это удар, когда нам говорят, что мы сами находимся за пределами социальной сферы. Но к вам, уверяю вас, у меня нет ни малейшего чувства, которое не было бы дружеским. Я не отказываюсь ни от одного слова из того, что сказал о своей сестре. Но мы должны подумать, и, конечно, прежде всего она должна знать".

"Да, она должна знать", - ответил Сципион. "Конечно, я ничего не сказал. Она не знает - по крайней мере, в том, что касается моих слов, - что я люблю ее".

"Что ж, - сказал Клестор, - оставим это на потом. А теперь послушайте, что я думаю о себе и своем будущем. Я тоже влюблен, и вы видели эту даму. Можешь ли ты угадать, кто это?"

"Угадай!" - с улыбкой ответил Сципион. "Нет нужды гадать. Я давно это знаю. Ну, я допускаю, что ваша Дафна - самая прекрасная женщина в мире, за одним исключением".

"Ну, когда мужчина оказывается в моем положении, он, естественно, если он достоин называться мужчиной, начинает думать о своем будущем. А какое будущее у меня здесь, в Италии? У меня достаточно имущества, чтобы жить, но это все. Но какая карьера ждет меня? Я обдумал этот вопрос и обратился за информацией к другим. Похоже, в моем положении может сделать только одно. Я мог бы стать учителем риторики. Это единственное одиночное занятие, доступное греческому чужестранцу, и к тому же очень ненадежное. Старомодные дворяне не любят греческих риторов, и вполне возможно, что в один прекрасный день я окажусь изгнанным.⁷⁰ А это, согласитесь, не та перспектива, которой охотно довольствуется человек".

"И ты видишь какой-нибудь выход из этого положения?" - спросил Сципион.

"Я вижу сны, - ответил молодой грек, - и всегда видел, и сны сегодняшнего дня довольно любопытно совпадают с мечтами прошлого. Когда я был мальчиком, у меня было стремление стать кем-то большим, чем главный гражданин Челиса. Что касается Карфагена, то, хотя никто не думал, что его конец так близок, я знал, что там нет ничего, что могло бы меня удовлетворить, даже если бы мне были открыты ее почести. Но есть мир и за пределами Карфагена, и даже за пределами Рима. Именно о нем я мечтал тогда и мечтаю до сих пор. Скажи, Сципион, друг мой, пойдем искать его?"

Молодые люди долго беседовали на эту тему. Клеанор излил весь запас знаний, которые он с энтузиазмом, восходящим к очень ранним годам, собрал из всех доступных источников. Разумеется, в них было много вымысла, или фактов, настолько преобразованных и

идеализированных, что они почти превратились в вымысел. Здесь были и легенды, и предания, и рассказы путешественников, и пряжа отважных моряков; но был и прочный субстрат правды. Так сказать, опорой для Чистора служило знаменитое *кругосветное плавание* Ханно.⁷¹ Этот знаменитый мореплаватель, вне всякого сомнения, прошел в великий западный океан через Геркулесовы столбы и, повернув на юг, увидел много странных и прекрасных земель, да еще и дожил до того времени, когда смог рассказать о них. Обо всем этом пылкий грек рассказывал с энтузиазмом, который в конце концов разжег тусклую фантазию римлянина. Сципион покинул дом более чем наполовину убежденным.

Через несколько дней после этого Клестор, закончив свою часть работы, которая так долго занимала его досуг, отправился вместе со Сципионом в Мизенум. Они договорились ничего не говорить о своем замысле, пока не услышат, что скажет по этому поводу их хозяйка. Корнелия сомневалась. Клеанор и в самом деле вызывал у нее полное сочувствие, когда заявил, что не может довольствоваться карьерой, которую уготовила ему судьба, и должен искать ее в другом месте. А вот насчет внучатого племянника она сомневалась. Она не могла заставить себя считать его правым, когда он предлагал отказаться от своего римского происхождения. Не ради женщины, пусть даже она, как Клеона, одна из десяти тысяч, мужчина должен отказываться от великолепных возможностей службы и вознаграждения, которые Рим предоставлял своим сыновьям.

Молодой человек нашел неожиданного союзника в лице своего кузена Тиберия. "Мой долг, - сказал он, - держит меня здесь; но если бы я мог выбрать свой собственный путь, я бы присоединился к твоим поискам. Иногда мне кажется, что я вижу будущее дальше, чем обычно дано человеку, и то, что я вижу, мрачно, как тень бедствия и смерти. Наш великий родственник одержал великолепные победы для Рима и должен одержать другие, но я сомневаюсь, не даровали ли боги эти победы нашей стране больше по гневу, чем по любви. Когда мы повергнем под ноги всех наших врагов и соперников, мы обратим наши мечи на самих себя. Богатства всего мира, которые вливаются в нашу казну, разжигают до смертельной ярости вечную ссору между теми, кто имеет, и теми, кто не имеет. Мой жребий пал на несчастных. Любовь женщины не для меня; я не смогу сохранить даже привязанность своих родственников. Но я бы не избежал своей участи, даже если бы мог. Вы счастливее. Для вас было бы такой же большой глупостью остаться, как для меня - преступлением уехать".

После этого Корнелия, которая всегда была ошеломлена, когда раскрывалась глубинная сущность ее сына, молча отказалась от своих возражений. Старший Сципион, который почти наверняка употребил бы все свое влияние, чтобы свести дело к нулю, к счастью, отсутствовал в Италии. Дафна не стала чинить препятствий пути. Она втайне боготворила великолепного героя - таким он ей казался, - спасшего ее и ее от самой смертельной опасности, и готова была следовать за ним, если он того пожелает, хоть на край света, а если понадобится, то и за его пределы.

Но Сципиону было гораздо сложнее общаться с Клеоной. Она была далека от того, чтобы презирать его любовь, но мысль о том, что ради нее он должен отказаться от своей карьеры, вызвала в ней нечто похожее на ярость. Отчасти это объяснялось тем, что была задета ее гордость. Чтобы она, дочь героев, которая считала самого Иона своим далеким предком, принесла унижение и увечье человеку, которому она отдала свою руку! Эта мысль была невыносима. Такая любовь была позором для них обоих. Она решительно приказала своему поклоннику забыть об этом. Но это суровое настроение длилось недолго. Ее ничуть не тронул вид счастья Дафны. В ее сердце зародилось желание обрести собственное счастье. Она сама так много страдала, и было тяжело, когда, наконец, появился солнечный свет,

закрыться от него и по-прежнему сидеть в темноте. Тогда на нее стали оказывать сильнейшее влияние. Брат настойчиво умолял ее не нарушать их план. А ее отказ должен был его нарушить. Он не мог уйти, если бы она осталась. А вид страданий Сципиона трогал ее, ведь она действительно нежно любила его. В конце концов она уступила.

ГЛАВА XXXVI. ЗА ЗАКАТОМ.

Отряд, пополнившийся несколькими отпущенными на волю рабами греческого происхождения, отплыл в Утику в начале осени и достиг этого порта после быстрого и благополучного плавания. Их первым пунктом назначения был двор царя Гулусса. Так случилось, что их прибытие совпало со встречей трех братьев. Одно из диких племен на границе пустыни вторглось в королевство, и нужно было готовить экспедицию более чем обычных масштабов. Миципса взял с собой двух своих сыновей и младшего отрока, Югурту по имени, своего сына от жены низшего ранга, о котором мы уже слышали, и о котором миру предстояло услышать еще много интересного, прежде чем пройдет много лет.

Гулусса и его братья-цари оказали гостям самый радушный прием. Но когда Клеанор, который, естественно, был представителем партии, изложил свой план, они не преминули скрыть свое недоверие.

"Было бы очень жаль, - сказал Гулусса, - если бы вы решили потратить свои жизни на подобную романтическую глупость. Почему бы не остановиться здесь, где у вас есть готовое дело, не столь великолепное, как эти ваши мечты, но, поверьте мне, в сто раз более прочное и реальное. А теперь послушайте, что я хочу сказать. Мы - то есть я и мои братья - обсуждали все с тех пор, как вы приехали, и решили сделать вам предложение, которое, возможно, действительно стоит того, чтобы вы его приняли. Поступайте к нам на службу; вы оба умелые солдаты. Мой отец, который никогда не был лучшим знатоком людей, очень высокого мнения о тебе, Чистор; имя Сципиона было бы достаточной похвалой, даже если бы мы не знали, как достойно носит его твой друг. Детали мы уладим потом, но можешь быть уверен, что тебе никогда не придется искать недостатков в нашей щедрости. Не отвечайте сразу, - продолжал Гулусса, когда Клеанор уже начал отвечать, - но тщательно обдумайте вопрос и сообщите нам о своем решении, скажем, дня через три".

Князя не жалели средств, чтобы сделать пребывание гостей при дворе приятным для них. На каждый день устраивалась большая охота, двум молодым людям были предоставлены великолепные лошади и отведены лучшие места. На последовавшем за этим банкете они заняли почетные места. Тем временем дамы из партии были приняты в королевском гареме, удостоились самого лестного внимания со стороны королей и принцесс и были нагружены красивыми подарками.

Сципион сказал своему другу: "Мы могли бы поступить хуже, чем остаться, Клеанор", ибо его не в меру богатый воображением нрав не мог не сравнивать нынешнее великолепие с отдаленными перспективами плана Клеанора, что было не совсем выгодно последнему.

Клеанор покачал головой.

"Как долго, по-твоему, это продлится? Я уж не говорю о том, что наши хозяева могут не всегда быть такими дружелюбными, как сейчас. Они - непостоянная раса. Но пусть это пройдет. Но

как долго продержится нумидийское королевство? Я помню, что говорил старый король, когда я был у него перед смертью. Он был уверен, что Рим скоро поглотит его. Рано или поздно обязательно произойдет какая-нибудь ссора, и тогда кто может сомневаться, кто из них двоих пойдет на стену. И вот еще что. Если королевство продержится, будет ли оно всегда в одних и тех же руках? Ты заметил это, парень Югурта? Я помню, что старый король специально предостерегал меня от него. "Эта гадюка", - называл он его; и, как сказал на днях король Гулусса, Масинисса прекрасно разбирается в людях. Братья - пожилые люди, и, судя по их виду, не очень сильные. Два сына Миципсы, которые по праву должны идти после него, - слабые существа; Югурта - любимец отца, и рано или поздно он взойдет на вершину дерева. А Югурта ненавидит нас: сначала тебя - возможно, потому, что ты римлянин, а его ненависть к римлянам вошла в поговорку, - а потом меня. Нет, я уверен, что в любом случае не стоит здесь останавливаться; а останавливаться, имея шанс оказаться под властью Югурты, было бы безумием".

Сципион не мог не признать силу этих аргументов и уступил. В назначенное время друзья объявили о своем решении царям. Гулусса пожал плечами.

"Что ж, - сказал он, - у вас должен быть свой путь. Если вы вернетесь - а мне говорили, что возвращаются очень немногие - и я буду жив, вы найдете меня готовым быть вашим другом, как и прежде. А пока давайте сделаем для вас все, что в наших силах. Королева сказала мне, что вы привезли своих жен, которые должны быть с вами. Позвольте нам оказать вам честь и устроить брачный пир, а после этого оставайтесь с нами столько, сколько вам будет угодно и удобно. Если вы решились на это свое дикое путешествие, то должны идти подготовленными".

Друзья с радостью приняли это гостеприимное приглашение. Сразу же начались приготовления к проведению брачных церемоний с должной торжественностью. Пока они шли, Чистор отправился на побережье, чтобы найти капитана и команду, которые согласились бы принять участие в его приключении.

Первым делом он разыскал Сифакса, старого моряка, с которым, как вы помните, он совершил свое путешествие в Сицилию. Старик с интересом выслушал рассказ о своих планах, но покачал головой, когда ему задали вопрос, поедет ли он.

"Ах! - сказал он, - если бы вы только пришли ко мне с этой идеей двадцать лет назад! Но что я говорю? Старый дурак, что я говорю! Двадцать лет назад вы были не более чем младенцем на руках. Я хочу сказать, что я слишком стар. Я не гожусь ни на что большее, кроме как возиться с удочками. А тут еще моя старая жена. Она не может поехать, бедняжка; последние десять лет она не выходила из хижины, а я, конечно, не могу без нее. А вот мой сын Маго. Он не может успокоиться при новом положении вещей, ведь Рим, скорее всего, окажется куда более суровым хозяином, чем Карфаген. Маго - твой человек; позволь мне послать за ним".

Пришел Маго, и Клинор обсудил с ним свои планы и нашел для него все, что хотел. Общая схема и такие детали, как необходимая вместимость судна, запасы, груз товаров для торговли с туземными племенами, были улажены между ними, и Маго был оставлен для осуществления деталей, в то время как Клеанор вернулся ко двору короля Гулуссы.

Два месяца спустя - не буду утомлять читателей описанием брачных торжеств - добрый корабль "*Паллас*" стоял в гавани Утики, готовый к выходу в море. Причалы и набережные были заполнены густой толпой зрителей, ибо слава об этом авантюрном путешествии разнеслась по городу и собрала множество любопытных зрителей. Громкие и радостные возгласы раздались, когда мягкий бриз с востока медленно наполнил паруса, и "*Паллас*" -

его нос был соответствующим образом украшен фигурой богини, подруги Улисса, принца героев-авантюристов, - обогнул западный пирс и взял курс на заходящее солнце.

Плыви, стремительный корабль, в край, что лежит за темнотой запада. Вы оставляете позади себя мир, над которым сгущаются тени гражданской вражды и опустошительной войны. Кто знает, что ждет вас впереди - Земли Благословенных, где природа вечно улыбается, ее прекрасный лик не тронут ни морозом, ни бурей, и где человек все еще хранит первобытную веру и невинность; или, может быть, мир, который является лишь худшей копией того, от которого вы бежите? И все же плывите дальше, счастливые хотя бы на этот час, в непоколебимой уверенности молодости и надежды.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Для удобства построения своего повествования я отступил от исторической правды в дате смерти Масиниссы. Она произошла до начала Третьей Пунической войны. По той же причине македонский претендент датирован позднее. Он, несомненно, исчез со сцены до осени, непосредственно предшествующей падению Карфагена (когда мой герой должен его навестить).

Если мои читатели не смогут составить четкое представление о топографии Карфагена, я должен попросить их не винить меня. Это проблема, которую еще никто не смог решить.

Челис - вымышленное место; молодой Сципион - вымышленный человек.

А. С.

КОНЕЦ.

НАПЕЧАТАНО КОМПАНИЕЙ "БЛЭКИ И СЫН, ЛИМИТЕД", ГЛАЗГО.

СЛОВА:

1 Один платил талант (215 фунтов стерлингов) в день, что составляет годовую сумму, с учетом разницы в стоимости денег, не менее четверти миллиона.

2 К. Фламинин был разжалован из сената за то, что хладнокровно убил пленника, чтобы развлечь свою компанию за ужином.

3 Ганнибал носил с собой в полости перстня яд, настолько смертоносный, что уничтожал жизнь за несколько секунд. Когда его собирался выдать римлянам мелкий властитель Присий, царь Вифинии, у которого он нашел убежище, он покончил с собой таким образом.

4 Нумидия примерно соответствует Алжиру, Мавретания - Марокко.

5 В юности Масинисса был обручен с Софонисбой, опытной и красивой дочерью Гасдрубала, сына Гиско. Помолвка была разорвана по политическим причинам. Гасдрубал сделал руку Софонисбы ценой союза, который он хотел заключить с Карфагеном Сифаксом, соперником Масиниссы в борьбе за нумидийский престол. В последовавшей за этим войне Сифакс потерпел поражение, сначала от римлян, а затем и от самого Масиниссы, который взял Кирту, свою столицу, а в ней и Софонисбу. Жениться на ней сразу же показалось завоевателю единственным способом спасти ее от римлян. Но брак не устраивал политику

Рима, который опасался враждебного влияния, которое могла оказать такая женщина. Сципион (Старший), командовавший войсками, настоял на том, чтобы Софонисбу отдали, а Масинисса, чтобы избавить ее от унижений плена, послал ей чашу с ядом.

6 Только азиатский слон был одомашнен в наше время и научен использовать свою силу на службе человеку.

7 Примерно равен полковнику в нашей армии. В легионе или бригаде было пять трибунов, которые командовали по очереди.

8 Фламиний командовал в катастрофической битве при Тразуменском озере, Варро - в еще более катастрофическом поражении при Каннах.

9 *Карфаген* был Кирьят-Гадесхатом, "новым городом" (в отличие от Тира, который был старым); его главными магистратами были *шофетимы* (латинизированное слово "суффеты"), древнееврейское слово, означающее "судьи". Известно имя *Барка*, соответствующее древнееврейскому *Барак* и означающее "молния".

10 Под "Лигой" Клинон подразумевает Ахейскую лигу, объединявшую первоначально города собственно Ахайи или южного берега Коринфского залива, но затем распространившуюся на большую часть материковой Греции.

11 Кантабры (ныне баски), которые не были покорены Римом более века после этого времени.

12 Под "морем" Гасдрубал подразумевает *Средиземное*; за Геркулесовыми столпами (Гибралтар и Танжер) находился *океан* (Атлантический).

13 Древняя боксерская перчатка, грозное сооружение, прикреплявшееся к руке, из кожаных ремешков, сильно нагруженных свинцом.

14 Игра заключалась в бросании вина из кубка в чашу, поставленную на некотором расстоянии. Игра проводилась разными способами.

15 Марцелл был римским полководцем.

16 27 000 фунтов стерлингов в наших деньгах, считая по весу, по пять шиллингов за унцию серебра. По покупательной способности это означает гораздо больше, не менее 100 000 фунтов стерлингов.

17 Узкая полоска обозначала рыцаря, широкая - сенатора. Рыцари были капиталистами Рима, обрабатывая доходы государства, и этот бизнес становился с каждым годом все более важным по мере роста владений республики.

18 Это была древняя аристократия Коринфа.

19 Четвертый час по счету, *то есть* от восхода солнца. Поскольку время, как предполагается, позднее, осенью, восход солнца должен быть в 7 часов, а четвертый час - около 10.20, каждый час длится пятьдесят минут, *то есть* двенадцатая часть часового дня между 7 утра и 5 вечера. Независимо от длины дня он делился на двенадцать часов.

20 В 286 году до н. э. К. Постумий был послан передать жителям Тарентума *ультиматум* Рима. Пока он говорил, один шут испачкал его тогу какой-то грязью. Он поднял халат на глазах у собрания со словами: "Истинно, это будет вымыто до белизны".

21 Далее говорилось следующее:

"Передай Спарте, проходящей мимо,
Что здесь, повинувшись ее законам, мы лежим".

22

"Храбрейший из зверей я, стерегущий могилу
О том, кто, живя, был из людей самым храбрым.
Лев он был и по имени, и по сердцу,
Иначе бы я никогда не выдержал роли сторожа".

23 Thermopylæ - Горячие ворота; названы так из-за горячих источников, расположенных поблизости.

24 Одно и то же греческое слово означает "кошелек" и "пояс". Старомодный длинный шелковый кошелек является интересным продолжением этого древнего обычая. Те, кто ведет жизнь, полную приключений, до сих пор носят свои деньги в поясе, застегнутом на талии.

25 Легендарный герой, сын Хемона, от которого, как предполагается, Фессалия получила свое название.

26 Около четырех пенсов фартинг.

27 Около пяти фартингов; шесть оболлов равнялись драхме.

28 *Хасиды*, составлявшие костяк патриотической партии Маккавеев, фарисеи того времени.

29 Невозможно передать игру слов, которую мы имеем в греческом языке. *Эпифан*, "великолепный", - титул, который принял Антиох; *Эпиман*, "безумный", - прозвище, на которое он был переделан.

30 Около 40 фунтов стерлингов, если считать, как обычно, по весу слитков по стандартной цене.

31 241 Г. ДО Н.Э.

32 Это был напиток из вина (смешанного с водой) и меда. Его часто принимали (теплым) в начале дня, считая полезным напитком на голодный желудок.

33 Читатель помнит о взятии Квебека благодаря смелому плану Вулфа - подняться на Авраамовы высоты.

34 Манцин был избран одним из консулов на 145 год до н. э. Существует любопытная история о том, что после окончания войны он выставил на Римском форуме карты и планы Карфагена, показывающие места различных атак, и что он не устал объяснять народу ход осады. Такое поведение, продолжает история, сделало его настолько популярным, что он предложил себя в качестве кандидата на пост консула и добился успеха. В таком виде эта история выглядит несколько странно. Консульство было очень большой честью и, более того, серьезной ответственностью. Вряд ли ее удостоился бы человек, устроивший популярную и увлекательную выставку. Но, возможно, существовало общее мнение, что Манцин

действительно оказал хорошую услугу во время осады - так сказать, показал путь к взятию города.

35 В этом возрасте Сципион был трибуном. Молодые люди хорошего происхождения назначались на эту должность без предварительной службы. Солдаты низшего происхождения, которые отличились, получали повышение, но, конечно, в более позднем возрасте. Великий Марий не был трибуном до тридцати-сорока лет.

36 Латинское *latrunculi*, игра, несколько напоминающая нашу "военную тактику", или "лиса и гуси".

37 Битва, завершившая Вторую Пуническую войну в 202 году до нашей эры.

38 Лелий был таким же близким другом Младшего, каким был его отец для Старшего Сципиона. Они родились в один и тот же год (185 г. до н. э.), как и старшая пара друзей (234 г. до н. э.). Следует помнить, что младший Сципион *приходился* старшему племянником по браку, хотя и *внуком по усыновлению*. Он был младшим сыном Эмилия Полла, сестра которого была замужем за старшим Сципионом, и его усыновил сын сестры, у которого не было своих детей.

39 "В Платее Павсаний приказал спартанцам сменить позицию. Все капитаны, кроме одного, были готовы повиноваться, но Амомфарет отказался двигаться. "Я не побегу, - сказал он, - перед чужеземцами и не навлеку позора на Спарту". Через некоторое время афиняне послали всадника узнать, почему спартанцы не меняют место, как было условлено. Когда тот подъехал, спор разгорелся, и Амомфарет, взяв обеими руками огромный камень, положил его к ногам полководца, сказав: "Этим камешком (*псефос*) я даю свой голос, чтобы не бежать от чужеземцев". Наконец генерал дал сигнал к отступлению, ожидая, что Амомфарет и его люди не захотят оставаться позади. Так и вышло, ибо, увидев, что остальная часть войска движется, он тоже покинул свое место и последовал за ними" (Herod. ix. 53-5).

40

"В суматохе битвы друг друга от копий мы уклонимся:

Я найду много троянцев, и союзников много.

Кого убьют мои ноги, или бог доставит мне;

А для тебя ахейцев хватит, чтоб поразить, как хватит сил твоих".

41 Он родился, вероятно, около 204 года до н. э., и сейчас (147 год до н. э.) ему шел бы пятьдесят восьмой год.

42 Я не решился прерывать свое повествование рассказом об изобретении, как оно было описано Полибием в нескольких беседах, но приведу его здесь для пользы тех читателей, которые могут заинтересоваться этой темой. План, который Полибий, по-видимому, нашел в использовании, был очень любопытным и, очевидно, далеко не эффективным. Две группы людей, которые должны были общаться по сигналу, были снабжены двумя судами совершенно одинакового диаметра и глубины, а также отверстиями для выхода воды совершенно одинакового размера. На них были нанесены разделительные знаки, и каждый из них был предназначен для какой-либо общей непредвиденной ситуации в военном деле, например, "Кавалерия прибыла", "Кавалерия нужна", "Не хватает продовольствия" и т. д. Сторона, желающая связаться, показывала факел. Другая сторона отвечала тем же, чтобы показать, что они присутствуют при разговоре. Первая сторона показала еще один факел.

Это означало, что вода потекла. Второй отвечал тем же и запускал воду в свой сосуд. Когда нужная точка была достигнута, был подан третий сигнал. Как только этот сигнал появлялся, другая сторона отмечала, как далеко опустилась вода в их судне. Недостаток заключался в том, что из бесчисленного множества военных ситуаций таким образом можно было передать информацию лишь о некоторых. Система, усовершенствованная Полибием, была гораздо эффективнее. Алфавит был разделен на пять групп по пять букв в каждой. Сторона, желающая общаться, которую я в дальнейшем буду называть № 1, привлекала внимание другой стороны (№ 2), поднимая два факела, и этот сигнал подтверждался таким же образом. Затем № 1 показывал один, два, три, четыре или пять факелов слева, чтобы указать, какую группу он собирается использовать, а затем один, два, три, четыре или пять справа, чтобы указать букву в этой группе. Наблюдательный бинокль с двумя трубками был необходим № 2 для того, чтобы он мог различать право и лево. Приведу пример, взяв его для удобства из нашего алфавита. "Требуется кавалерия" - это сообщение, которое хочет отправить № 1. Группы букв будут следующими.

1. *a b c d e*.
2. *f g h i j*.
3. *k l m n o*.
4. *p q r s t*.
5. *u v w x y*.

z можно пренебречь, как практически бесполезными. (В греческом алфавите из 24 букв пятая группа была бы на одну букву короче. Это, конечно, не имеет значения.)

С показана 1 слева и 3 справа; *a* - 1 и 1; *v* - 5 и 2; *l* - 3 и 2; *r* - 4 и 3; *y* - 5 и 5.

Аналогично и с "хотел".

43 Так, Гораций в своей оде "Ad Amphoram" ("К кувшину с вином"):

"Добродетель Катона, как мы знаем,

От тебя теплее сияла".

44 Великая победа римлян над Антиохом Великим при Магнезии произошла в 190 году до н. э. Полибий говорит о 151 годе.

45 Катон имел обыкновение, о каком бы деле ни шла речь в сенате, добавлять к своему мнению по обсуждаемому вопросу: "Я также считаю, что Карфаген должен быть разрушен". Один из Сципионов, выступавший за более либеральную политику или, возможно, считавший, что Риму будет лучше, если у него появится не слишком сильный соперник, обычно добавлял таким же образом: "Я думаю, что Карфаген должен существовать и дальше".

46 Военный корабль с первоклассной командой гребцов за очень длинный день, скажем, за пятнадцать часов, мог пройти 150 миль. От Карфагена до Александрии по морю около 1100 миль. На каждый путь мы должны отвести не менее десяти дней.

47 Золотой кусок равен двенадцати шиллингам.

48 Атталы из Пергама и Птолемеи из Александрии были соперниками в накоплении литературных сокровищ. Дом Атталов угас в 133 году до н. э., и вскоре после этого их царство стало римской провинцией. Их библиотека хранилась в Пергаме, пока Антоний не подарил

ее Клеопатре. Слово "пергамент" (*pergamena*) осталось как напоминание о ее существовании. Кожи, конечно, давно использовались для письма, но под покровительством пергамских царей их производство было значительно усовершенствовано. Говорят, ревность Птолемеев запретила экспорт бумаги (*папируса*) из Александрии, и пергамент пришлось использовать в качестве заменителя.

49 Попытное движение эквиноктильных точек по эллиптику. Созвездие, которое Гесиод описывает как восходящее через шестьдесят дней после весеннего равноденствия, теперь восходит через сто дней. Таким образом, равноденствие отодвинулось на расстояние, равное сорока дням.

50 Полторы мины эквивалентны 5 фунтам *стерлингов*, восемь мин, следовательно, 28 фунтам *стерлингов*, а пять - 17 фунтам 10 *шиллингов*. Таким образом, при весе пшеницы в 64 фунта за бушель цена покупки составляет 3s. 3d. (около) за бушель, а продажная цена - 17s. за пшеницу, 1s. 7½d. за бушель и 11s. за ячмень. Самая высокая цена, уплаченная за пшеницу в Англии в течение этого столетия, была 14s. 3d. (1812 г.), а самая низкая - 2 s. 3d. (1895). Я не буду утруждать читателей цифрами по ячменю. Обычно он был гораздо дешевле в пропорции к пшенице, чем сейчас. (Так, в Откр. vi. 6 сказано: "*Мера пшеницы за грош и три меры ячменя за грош*", грош - это римский *динарий*, или 9½ д.). Мы можем подсчитать валовую прибыль от путешествия в 6660 фунтов *стерлингов* (почти), принимая мину равной 3 фунтам 10 *шиллингов*. 3¾d., или 5222 фунта *стерлингов* на долю капитана. Сумма, дающая римскому гражданину право на получение конного звания, составляла 4000 фунтов *стерлингов*.

51 Аттический талант стоил в пересчете на вес серебра около 225 фунтов *стерлингов*.

52 Против Навуходоносора в 598 году до н. э. и против Александра в 331 году.

53

"Далеко еще до даров Вакха, - ответил вождь;

"Воспламеняющее вино, пагубное для человечества,

Раздражает конечности и отупляет благородный ум".

Илиада (Папская), vi.

54 В 509 году до н. э. между Римом и Карфагеном был заключен договор.

55 Корнелия, "мать Гракхов", была старшей дочерью Сципиона Африканского Старшего. Юный Сципион из моего рассказа, который, можно сказать, является вымышленным персонажем, но предположительно принадлежит к более молодому поколению, чем Сципион Африканский Младший, завоеватель Карфагена, был бы, таким образом, ее двоюродным племянником. Сам Сципион был ее племянником по усыновлению (он был приемным сыном ее брата) и первым двоюродным братом по крови. (Он был сыном Эмилия Павла, а она - дочерью сестры Эмилия Павла). Он также был ее зятем. Ее старший сын Тиберий родился в 163 году до н. э., поэтому в это время ему было семнадцать лет; младшему, Каю, было около девяти.

56 Около 10.30 вечера.

57 Ἔσσεται ἥμαρ ὅτ' ἄν ποτ' ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρή.

58 До сих пор называется тем же именем, находится на юго-восточной оконечности Мореи.

59 Жители Делоса были изгнаны со своего острова римским правительством в 167 г. до н. э. Афиняне сделали то же самое в 422 г. до н. э., но дельфийский оракул предупредил их, что их нужно вернуть, что и было сделано через некоторое время после этого.

60 В 404 году до н. э., когда спартанцы и их союзники захватили Афины, Коринф проголосовал за полное разрушение города.

61 Ахейская лига.

62 Любимым планом пелопоннесских государств во время Персидской войны было укрепить перешеек и оставить всю Северную Грецию на милость персов; но от этого плана отказались из-за заявления афинян, что, если они будут продолжать действовать, они заключат с персами соглашение. Стена, конечно, была бы бесполезна, если бы флот противника мог высадить армию там, где ему заблагорассудится. Однако работа была начата, но так и не завершена.

63 Новым человеком считался тот, кто не мог назвать среди своих предков никого, кто дослужился до звания консула или претора.

64 Пять тысяч сестерций равнялись 40 фунтам стерлингов, 7 с. 1d., а общая цена составила бы чуть более 4000 фунтов стерлингов; имущественный ценз рыцаря составлял 3600 фунтов стерлингов.

65 Он был сделан из сплава, известного как *коринфская латунь* или *бронза*, и, как говорят, состоял из золота, серебра и меди. В более поздние времена считалось, что он был впервые изготовлен, и то случайно, во время этого самого взятия Коринфа, когда золото, серебро и другие металлы были расплавлены сильным пожаром и слились вместе; однако он был известен задолго до этого.

66 Около 9000 фунтов стерлингов.

67 По римскому обычаю, а Полибий, естественно, использует в этом случае римские термины, в момент аукциона выставлялось копье.

68 Что-то меньше, чем 1 фунт стерлингов.

69 Праздники Сатурна" (*Сатурналии*) приходились на начало второй половины декабря. Они продолжались до семи дней. Не исключено, что они в какой-то мере были продолжением рождественских праздников.

70 Греческие учителя риторики были фактически изгнаны через тридцать лет после этой даты.

71 *Перипл* Ганнона, написанный, вероятно, в начале четвертого века до нашей эры.

Примечания транскриптора

Пунктуация и орфография стандартизированы, если в этой книге преобладают те или иные предпочтения; в остальном - без изменений. Простые типографские ошибки исправлены, большинство сохранено.

Стр. 305 последняя строка, кавычки "a treasure" заменены на "a treasure".

Стр. 310 последняя строка, "он обещает" заменено на "он обещает".

Стр. 339 последняя строка "Вы скажете нам" заменена на "Вы скажете мне".